

Воздушные шары

Аннотация

«Воздушные шарики» — лиричный роман о принятии, уязвимости и свободе быть собой.

Марк — взрослый, сдержанный человек, привыкший прятать чувства и желания за фасадом «нормальности». Он живёт аккуратно, без права на слабость и без надежды, что его странность может быть понята.

Но всё начинает меняться, когда рядом оказывается человек, который не осуждает — просто остаётся и этим даёт Марку шанс впервые стать собой.

Это история не только о любви, но и о стыде, который растворяется в любви. О странности, которая становится силой. О человеке, который учится не просто существовать, а жить и дышать полной грудью.

«Воздушные шарики» — не о влечении. Это книга о человеке, который учится принимать свою чувствительность, свою странность и свою силу. И впервые позволяет себе быть не «правильным», а настоящим.

Глава 1

Осень укрыла город прохладой и сыростью. За окнами стеклянного небоскрёба, где Марк только что завершил рабочий день, мелкий дождь равномерно стекал по бесконечным панорамным стёклам, превращая их в запотевшую плёнку. Мир за окном казался размытым — серые здания, одинаковые небоскрёбы, дрожащие силуэты. Лишь неоновые вывески вспыхивали яркими пятнами, как ягоды, спрятанные в листве смородинового куста.

Он шёл размеренно, почти неслышно. Серое пальто мягко обтекало его движения. Выйдя на улицу, Марк бросил взгляд вверх — дождь скорее напоминал водяную пыль, словно кто-то невидимый опрыскивал город из гигантского пульверизатора. В такую погоду зонт почти бесполезен, и он не стал его раскрывать. Лишь чуть поправил ремешок, чтобы петля не впивалась в запястье: он всегда продевал в неё руку на случай, если зонт придётся отпустить, но не уронить.

До входа в метро было рукой подать. Перейдя дорогу, Марк вошёл в светлый торговый центр. Он стряхнул капли с плеча и оказался в другом мире, наполненном красочным светом, запахом еды и суетливыми фигурами, спешащими в разные стороны. Всё это резким контрастом вспыхнуло перед ним, как будто с унылой дождливой улицы он шагнул в яркий калейдоскоп.

Толпа спешила. Гудели витрины, вспыхивали рекламные экраны, звал куда-то запах выпечки и кофе. Всё это на мгновение наполняло пространство жизнью, движением, иллюзией праздника. Но он шёл в тени, будто существовал в параллельной плоскости, едва касаясь реальности. Эти огни, звуки, ароматы давно уже не трогали его. В любой будничной вечер здесь всегда было так. Как и большинство офисных сотрудников он ежедневно проходил этот маршрут — от метро до входа в здание, мимо всей этой яркой мешанины, не останавливаясь, не глядя по сторонам. Всё сливалось в пустую, обезличенную фоновую рябь.

Но в этот раз что-то новое привлекло его взгляд: в центре просторного коридора стояла девушка в бело-фиолетовой форме с рекламным логотипом. Она держала в руках охапку листовок и гелиевые шары, такие же бело-фиолетовые. Казалось, это не она держит их, а они держат её, слегка приподнимая вверх, натягивая тонкие нити. Её улыбка была чрезмерно яркой, почти фальшивой для этого выцветшего, серого вечера. Но в этой

фальши было что-то человеческое, будто угадывалась отчаянная попытка светить лучиком тепла во тьме окружающего равнодушия.

Она протягивала шарики и листовки прохожим. Большинство лишь бросало на неё быстрый взгляд и шло мимо. Кто-то брал бумажку машинально лишь для того, чтобы за поворотом, скомкав её в кулак, швырнуть в ближайшую урну.

Марк замер. Один из шариков привлёк его внимание. Он был надут чуть больше остальных, словно дышал полнее, плотнее. Его оболочка слегка поблёскивала в свете витрин, а узелок, перехваченный верёвочкой, казался особенно хрупким. Сердце забило в груди неожиданно сильно. Внутри что-то дрогнуло и запульсировало — тёплое, болезненно живое. Захотелось протянуть руку и взять этот шарик. Просто взять. Просто держать. Просто почувствовать, как он тянет вверх — лёгкий, тёплый, шуршащий.

Но тело не слушалось. Марк стоял не в силах сделать шаг. Шарик будто звал его, притягивал, словно голос из детства шептал внутри: «Не бойся. Возьми меня. Я подарю тебе частичку радости».

Он закрыл глаза, медленно вдохнул и легким движением пальцев коснулся век, будто хотел стереть это наваждение, этот трепет, эту невозможную тягу к простому, почти сказочному желанию.

И вдруг — громкий хлопок! Где-то позади, резко, неожиданно. Марк вздрогнул всем телом, сердце резко кольнуло. Шарик лопнул. Он обернулся. На мраморном полу будто лепестки чужой радости лежали лоскутки тонкой плёнки. Блестящая лента тянулась вверх — без опоры, потерянная. Женщина поспешно прижимала к себе ребёнка, тот виновато смотрел на остатки шара, словно на что-то драгоценное, утраченное безвозвратно.

Марк незаметно выдохнул, взгляд его скользнул по осколкам — лёгким, почти невесомым. Они всё ещё кружились в воздухе, вспыхивая в свете ламп, будто последние искры радости, вырвавшиеся на свободу.

И тогда он отвернулся. Медленно, с лёгкой, почти неуловимой грустью. Словно оставлял мечту там, где она и родилась — среди лопнувших шаров, неразобранных листовок и равнодушной суеты.

Как и в любой другой день, войдя в вагон метро, Марк машинально открыл ленту новостей на телефоне. Она не вызывала особого интереса, но лучше было скользить по

заголовкам, чем ловить на себе случайные взгляды — усталые, раздражённые, безразличные. Однако сегодня что-то изменилось.

Мысль о шарике, оставленном в торговом центре, вдруг вспыхнула в сознании ярко, почти болезненно. Он был чуть больше остальных. У самого основания, на горлышке шар уже начал расширяться, подсказывая, что большего давления он не выдержит. И всё же он держался уверенно, гордо, словно хотел сказать: «Посмотри на меня. Я — особенный».

Шарик как будто звал его. Умолял. Просился взять с собой, укрыть, показать ему тот мир, что начинался за стеклянными дверями и тусклыми переходами метро. Он будто мечтал увидеть больше, чем позволено шариком: небо над городом, шум улиц, свет фонарей в вечерней дымке.

Марк ощутил на губах привкус горечи, едва уловимой, будто его укололи невидимой занозой сожаления: тогда, в торговом центре он отвернулся. Покинул его. Оставил мечту одну в центре потока людей.

Громкий голос объявил следующую станцию, выдернув его из раздумий. Марк мельком глянул в окно — нет, ещё не его остановка. Он снова уткнулся в телефон, механически листая ленту, но никак не мог сосредоточиться. Держась за поручень, он почувствовал, как поезд мягко тронулся. Марк чуть покачнулся и снова подумал: «А что если... всё-таки взять?». Он представил себя: взрослый, в строгом пальто, среди пассажиров в час пик, а в руке гелиевый шарик: хрупкий, светлый, будто надежда. Представил как он, осторожно держа его близко, едва не обнимая, везёт через весь город, будто защищая что-то очень личное, очень ценное.

Вдруг, как летний ветерок, откуда-то из памяти налетело воспоминание: это было несколько лет назад. Они шли по городу вдвоём с тем, кто тогда был близок. Третье свидание, в сердце уже горел огонь — не робкое тепло, но влюблённость искренняя, настоящая.

Они гуляли по набережной, разглядывая проплывающие экскурсионные кораблики. Марк радостно помахал одному из них, но в следующий миг поймал осуждающий взгляд своего спутника. Они просто шли, мило беседуя, и Марку неудержимо хотелось взять его за руку, но он сдерживался. Это казалось неуместным, почти дерзким, поэтому он спрятал ладони в карманах брюк, пытаясь совладать с собой.

День был прекрасный — тёплый, солнечный, яркий. Набережная была полна жизни: вездесущие туристы восклицали что-то на своих языках, дети с визгами бегали между лавками, кто-то торопился по делам, а кто-то, как и Марк, гулял в паре, погружённый в тихую вселенную своего общения.

Когда они свернули за угол и вышли к просторной площади, взгляд Марка мгновенно зацепился за вспышку ярких красок. У самого края, ближе к началу, стоял продавец воздушных шаров с огромной, пёстрой охапкой. Казалось, она дотягивалась до самого неба. Шарик мерцал, переливался всеми цветами радуги — такие разные, такие манящие, такие живые.

Марк остановился. Его внутреннее сопротивление рухнуло. Он невольно коснулся руки Алекса, и высокий, немного сутулый парень остановился, слегка приподнял брови и вопросительно взглянул на него исподлобья. В его взгляде не было раздражения, только немой вопрос: «Что случилось»? Марк встретился с ним взглядом и приготовился кое-что сказать. Но как? Как произнести вслух своё истинное желание, не обнажая себя полностью, не распахивая душу? Он смутился, провёл рукой по шее и тихо произнёс:

— Алекс... давай просто немного побудем здесь. Кажется, я устал идти.

Алекс мягко улыбнулся и, будто не заметив волнения, просто ответил:

— Хорошо. Давай останемся здесь!

Марк полез в карман, достал пачку сигарет и зажигалку — остановка требовала хоть какого-то оправдания и желание закурить подошло лучше всего. Он вытянул сигарету, прикурил и тут же заметил, как предательски задрожали пальцы. Сделав глубокую затяжку, он выдохнул медленно, будто выдувая из себя тревогу, но мысли не отпускали. Он лихорадочно перебирал в голове варианты, ища хоть какой-нибудь повод, хотя бы слабую подсказку, за которую можно было бы уцепиться.

Он не решался поднять взгляд на Алекса и вместо этого упрямо смотрел вниз, выискивая глазами любую мелочь, за которую можно было бы уцепиться: тротуарную плитку, запылённые мокасины прохожего, смятый фантик от мороженого, лениво перекатывающийся от лёгкого июльского ветерка. Как сказать, что внутри уже полыхает пожар и только одно желание способно его унять?

Сигарета подходила к концу. Он сделал последнюю затяжку и, словно не выдержав, фыркнул и тихо, почти шёпотом произнёс:

— Посмотри... какие шарики! Такие яркие...

Алекс безучастно посмотрел в сторону продавца и, не меняя выражения лица, произнёс:

— Шарик? — потом посмотрел прямо на Марка пристально, внимательно. — Ты хочешь шарик?

Марк лишь молча кивнул. Неловко, робко. Он не нашёл в себе сил произнести это вслух.

Алекс громко выдохнул, как от чего-то утомительного, и с усмешкой бросил:

— Какая дичь! Ты серьёзно?

Ответ уже пульсировал на губах — резкий, обжигающий, испепеляющий. Но Марк сдержался. Он лишь натянуто улыбнулся и тихо сказал:

— У нас же свидание...

— Клеше, — оборвал Алекс с раздражением. — Я не люблю ярлыков.

Он снова посмотрел на Марка и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то острое. Может быть, он и правда заметил, как эта фраза хлестнула по самому больному, разорвав внутри что-то хрупкое. Повисла пауза.

Алекс сдержанно вздохнул.

— Какой?

Марк пожал плечами, опустив глаза:

— Я не знаю... может ты сам выберешь?

— Ладно. — коротко бросил Алекс.

Алекс решительно направился к продавцу, будто рыцарь, идущий в бой с драконом. В этом движении было что-то горделивое, уверенное, словно вся сцена разворачивалась в старинной легенде, где он должен был добыть редкий артефакт. Марк неотрывно смотрел вслед, затаив дыхание. В этот момент его нежная влюблённость, ставшая хрупкой надеждой, оживала в поступке: Алекс шёл туда, чтобы исполнить его простое, почти детское, но пугающее желание. Он следил за каждым движением, пытаясь угадать, какой шар он выберет, как он его выберет, с каким выражением лица, но всё это происходило так быстро, так мимолётно, что уловить тончайшую нить чувств было невозможно. Через мгновение Алекс уже возвращался, держа в руке белую ленточку, на конце которой стремился ввысь большой ярко-красный шар с широкой нарисованной улыбкой.

Мир будто замер. Весь шум площади, людская суета, яркое солнце — всё стало фоном для единственного важного момента: этот человек, этот высокий, чуть сторбленный

парень добыл для него самое сокровенное. Он молча протянул ленточку и этого было достаточно. В этом жесте было больше, чем в сотнях признаний.

Марк взял ленточку осторожно. Его взгляд упал на шар: большой, красный, сияющий, с круглым добрым лицом и приподнятыми бровями, словно он и правда говорил: «Ура! Ты выбрал меня! Я подарю тебе столько радости, сколько ты только сможешь унести!» И в ту же секунду в груди стало теплее, волнение сменилось тихим счастьем, а внутренний пожар наконец начал утихать.

Но тут Алекс сказал с привычной уже нотой упрёка:

— Вот. Теперь тебе весь день с ним таскаться.

Колкие слова пролетели мимо — он даже не услышал их как следует. Весь его мир теперь был в этом шаре. Он играл с ветром, переливался на солнце, и Марк, будто заботясь о ребёнке, стал аккуратно наматывать ленточку на ладонь, чтобы не отпустить, не упустить эту яркую, лёгкую частицу счастья.

Они продолжили прогулку. Внимание Марка металось между двумя центрами притяжения: шаром и человеком, подарившим его. А в конце дня на прощание, будто сбросив маску, Алекс вдруг признался:

— Я так надеялся, что он лопнет обо что-нибудь. О ветки или о свод моста, или о твою сигарету... так глупо было идти с ним через весь город.

Он и представить не мог, как глубоко эти небрежные, раздражённые слова ранили Марка. Это был не просто шар — это был символ, подарок, надежда, часть волшебства, редкое мгновение, когда можно было быть собой без страха и без масок.

В глазах Марка блеснул огонёк боли. Тихо, почти шёпотом, он сказал:

— Пожалуйста, не говори так...

Алекс вздохнул:

— Ну, хорошо. До встречи.

Он ушёл, а Марк ещё долго стоял на мосту с шаром в руках, глядя ему вслед. Стучали колёса проезжающего под мостом поезда, будто вторя биению его сердца, которое то замирало, то гудело от боли.

Но реальность — упрямая штука. Внезапный толчок вырвал Марка из размышлений: кто-то из пассажиров, опомнившись в последний момент, поспешил к выходу и задел его локтем, почти выбив из рук телефон. Марк едва успел удержать его,

крепко сжав пальцы. Он растерянно моргнул, возвращаясь из тёплых, щемящих воспоминаний в серую, равнодушную повседневность вагона. Метро скользило мимо станции. Марк судорожно всматривался в окно, пытаясь распознать знакомые барельефы. Эти секунды казались вечностью, но вот, наконец, он понял, что свою станцию ещё не проехал. Он едва заметно выдохнул: «Почти приехал».

Дома он как всегда первым делом включил свет. Затем вошёл в комнату и, будто по привычке, прислонился правым плечом к дверному косяку. Всё было как обычно: коричневый диван, усыпанный подушками, письменный стол с креслом, комод с телевизором, журнальный столик и стеллажи, заполненные книгами и памятными мелочами. Всё стояло на своих местах, всё до боли знакомо, до мельчайших деталей. И всё же сегодня эта картина казалась безликой, тусклой, выцветшей.

Он вдруг вновь увидел тот алый шар, всплывший из памяти, висящий в углу, у потолка, на своей непомерно длинной ленточке, отражающий свет словно живой. И как через пару дней он пригласил того самого парня к себе.

Алекс, едва перешагнув порог, бросил взгляд на шар и с лёгким прищуром сказал:

— Ох! Он всё ещё здесь? Я думал, ты его уже давно убрал.

— Я берегу его, — мягко, но чуть горделиво ответил Марк, улыбнувшись.

Через некоторое время Марк вышел из комнаты. Вернувшись, он застыл на пороге как вкопанный: Алекс стоял напротив воздушного шара и, казалось, разговаривал с ним. А затем внезапно резко ткнул шарик пальцем прямо между нарисованных добрых глаз. Шар качнулся назад, описал в воздухе широкую дугу и, чуть покачиваясь, вернулся на место.

Дрогнувшим голосом Марк неуверенно спросил:

— Что ты делаешь?

Алекс стремительно обернулся, его лицо озарила широкая улыбка:

— Ах, ты уже вернулся, мой хороший! Да ничего. Просто решил поздороваться с твоим шариком.

— Не надо так с ним... пожалуйста, — пробормотал Марк, глядя в пол с почти детской жалостью в голосе.

Алекс подошёл ближе, положил руки на плечи Марка, слегка встряхнул и, глядя прямо в глаза, всё с той же улыбкой, сказал:

— Ну ты чего? Я же не собирался его лопать.

На миг всё это показалось Марку странным, даже жестоким. Но как он мог устоять перед этим взглядом? Синие глаза Алекса смотрели на него так тепло и искренне, что любые сомнения словно рассеялись.

Позже они сидели на диване, беседуя о всяких мелочах. Марк неловко обнял Алекса одной рукой, прижал к себе, и тот с удовольствием повалился спиной на диван, улёгся затылком ему на колени и закинул ноги на подлокотник. Так они и сидели: тихо, почти интимно, лениво улыбаясь друг другу.

Марк перебирал пальцами волосы Алекса, немного растрепав причёску, и, наконец, решился спросить:

— А почему ты выбрал именно этот шарик?

Алекс дёрнул головой, бросил беглый взгляд в обжитый шаром угол комнаты и усмехнулся:

— Ну, посмотри на него — он же такой глупый!

— Глупый? — удивился Марк, чуть улыбнувшись.

— Ну да, глупый. Со своей широкой идиотской улыбкой. Да и вообще он один такой — красный, дурной... — Алекс рассмеялся. Марк слегка кивнул, но в его улыбке проскользнуло недоумение.

— Ну смотри, — продолжил Алекс. — Красный воздушный шарик. А ты же любишь французский?

— Ах, да! «Красный воздушный шарик» 1956 года! — расплылся Марк в тёплой улыбке, вспомнив любимую короткометражку.

Алекс состроил немного гротескную гримасу и утвердительно кивнул: мол, вот, видишь, ты понял.

Марк подошёл к дивану в своей казалась бы пустой, но наполненной отзвуками воспоминаний, чуть ностальгической комнате. Взял с журнального столика пульт и, не раздумывая, включил телевизор. Его взгляд невольно скользнул к компьютерному креслу, и он представил, как бы это выглядело, если бы он тогда, в торговом центре, осмелился и взял тот шарик. Наверняка он бы привязал его к ручке кресла так, чтобы его было видно почти из любой точки комнаты. Поджав губы, Марк с грустью подумал: «Интересно, сколько бы он прожил...» Красный шар из прошлого, тот, с доброй улыбкой, ведь «прожил» куда дольше, чем обычно отмерено воздушным шарам с гелием. Он гордо парил

под потолком, излучая свет неподдельной радости целых две недели. А потом медленно, ступень за ступенью, начал опускаться всё ниже, пока однажды не устроился на подлокотнике дивана. Даже тогда, уже наполовину сдвинувшись, он продолжал упрямо сопротивляться гравитации, словно пытался оттянуть неминуемое, продлить хотя бы на миг своё существование. Он как будто знал, что появился здесь не случайно, словно чувствовал: он особенный.

На следующий день в офисе царил непривычная оживлённость. Уже с самого утра в холле, рядом с кофе-пойнтом, появился накрытый стол: одноразовые стаканчики, коробка с тортом, стопка бумажных тарелок и вилок. Оказалось, что сегодня день рождения у Ларисы из соседнего отдела.

Когда Марк вернулся с короткой планёрки, вокруг стола уже столпились сотрудники. Воздух был наполнен смехом, хлопками ладоней, шелестом упаковочной бумаги и общим оживлением.

Его взгляд зацепился за охапку разноцветных гелиевых шариков, стоящую в углу рядом с подарками. Среди них выделялся большой фольгированный шар с переливающейся надписью «с Днём Рождения!». Ленты ниспадали вниз, шурша при каждом дуновении кондиционера.

Один из коллег, заметив Марка, радостно махнул ему рукой, приглашая присоединиться. Люди стекались в холл, выстраивались в полукруг, и, как только Лариса вышла из-за угла, толпа дружно воскликнула:

— С днём рождения! Ура!

Руководитель отдела поспешил взять охапку шаров и коробку с подарком, подошёл к ней и торжественно вручил, поздравив:

— Дорогая Лариса! От всего нашего дружного коллектива с самыми тёплыми пожеланиями!

Лариса, сияя улыбкой, принимала поздравления, немного смущаясь от внимания. Щёки её залились тёплым румянцем, и, обведя взглядом коллег, она мягко произнесла:

— Ребята, ну что же вы, не стоило...

Затем, взглянув на угощения, добавила с той же светлой улыбкой:

— Угощайтесь, дорогие! Вон те пироги я сама испекла!

Поздравляющие стали постепенно расходиться: кто-то отправился угощаться, кто-то по своим делам, а кто-то подошёл лично поздравить именинницу. Марк тоже решил не оставаться в стороне и направился к Ларисе, но его внимание было приковано не столько к праздничной суете, сколько к охапке ярких, манящих воздушных шаров, которые всё ещё колыхались в её руках, будто тихо звали его.

Лариса была человеком простым, душевным, порой чрезмерно весёлым и чуть фамильярным, но с ней у Марка всегда были добрые, по-дружески деловые отношения. Подойдя ближе, он улыбнулся, аккуратно поцеловал её в щёку и тихо поздравил с праздником.

— Ох, Малыш, — радостно отозвалась Лариса. Она обожала так называть Марка, даже в присутствии коллег. — Спасибо тебе! Ты как всегда такой учтивый!

Затем она слегка наклонилась к нему и шепнула на ухо:

— Я знаю, как ты любишь морковный пирог. Я отложила тебе кусочек в холодильнике.

Марк чуть смутился, тепло улыбнулся, но ничего не ответил. Она была не единственной, к кому он чувствовал лёгкую симпатию. В коллективе его действительно любили: он был вежлив, внимателен, открыт, но в то же время умел отстаивать свою позицию, особенно в рабочих вопросах. Его принцип был прост: сохранять тёплые отношения со всеми. Никогда не знаешь, когда и кому понадобится помощь. Да и в целом, как он, часто улыбаясь, говорил: «Мы же в одной лодке».

Лариса весело послала всем коллегам воздушный поцелуй, засмеялась и, держа в руках подарки и охапку шаров, неторопливо направилась в сторону своего кабинета. Марк проводил её взглядом, наблюдая, как те самые огоньки радости, слабо подрагивая, уплывали по коридору.

Но вскоре лёгкость момента сменилась внутренним напряжением. Он заметил не только цветное великолепие воздушных шаров, но и то, как те неуклюже сталкивались со стенами, цеплялись за потолочные панели, застревали между углами и полками. Один из шаров с размаху врезался в искусственное декоративное растение. Внутри Марка всё сжалось. Он почти физически приготовился к резкому хлопку, но тот так и не прозвучал. Шарики исчезли за поворотом вместе с Ларисой, а он, чуть приостановившись,

направился к своему рабочему месту, чувствуя, как лёгкое беспокойство всё ещё отзывается у него внутри.

Устроившись в своём компьютерном кресле, Марк не спешил включать монитор. Он невольно улыбнулся. Шарик, что он только что видел, были самыми обычными — стандартного размера, яркие, с лёгким блеском, отражавшимся от ламп. Но для него они значили куда больше чем просто праздничный реквизит.

Что-то тёплое и в то же время горькое шевельнулось внутри. Он вдруг осознал: за все свои дни рождения ему никогда не дарили шарик. Ни родители, ни друзья, ни даже те, кого он когда-то любил. И, возможно, это прозвучит глупо, но в этот момент он почувствовал себя необычно пустым, как будто внутри чего-то не хватало.

Сразу вспомнился прошлый день рождения. Тогда коллеги подошли к его рабочему месту, обнесённому невысокими перегородками. Они улыбались, поздравляли, хлопали в ладоши и вручили ему подарочный конверт. Он поблагодарил их, улыбнулся в ответ, но, когда все разошлись, на секунду замер, с надеждой глядя в коридор. Вдруг кто-то, опоздав, всё же войдёт, держа в руках охапку воздушных шаров, подойдёт, чуть смущённо улыбнётся и скажет:

— Ох, ребята, простите за опоздание. Это тебе, Марк!

Но этого никогда не происходило. Ни тогда, ни в любой другой год. Он давно смирился и не ждал ничего подобного, но иногда это всё равно обжигало, будто в такие моменты его лишали простого, невесомого, но такого важного кусочка внимания.

Марк быстро отвёл взгляд от экрана, включил монитор и сделал вид, что сосредоточен на документе. Курсор дрожал, он нервно дёргал мышкой, пытаясь заглушить нарастающее неприятное чувство.

В голове всплыл один досадный момент: накануне прошлого дня рождения он говорил с коллегой — той самой, которая обычно занималась организацией поздравлений. Тогда он, немного смущаясь, сказал ей:

— Какие красивые вы подарили шарик нашему бухгалтеру! Не скажешь, где вы их заказывали?

— Да там же, где всегда — в цветочном, в торговом центре, — пожала плечами она.

— В этот раз особенно красиво получилось. Я бы тоже такие хотел...

Он помнил, как ему стало стыдно. Слишком уж откровенно прозвучала эта фраза — как признание в наивной мечте. И всё же он надеялся, что его услышали. Но через неделю, когда наступил его день рождения, он вновь получил только подарочный конверт. Торжественно. С улыбками. И больше — ничего.

Вечером, уже будучи дома, Марк привычно поставил чайник и включил ноутбук, несколько минут бродил по видеоплееру, пока не нажал на папку, в которой хранил подборку любимых роликов. Экран залился яркими цветами: медленно покачивающийся в солнечном свете большой прозрачный шар, мягкое шуршание ленты, тихие голоса за кадром. Он устроился поудобнее, ощущая, как по телу медленно разливается тепло. Каждый кадр был для него маленьким чудом: блеск латекса на свету, мягкая тень на стене, лёгкое касание рукой. Он ловил себя на том, что улыбается, но вместе с этим внутри сжимался.

Это был его тихий мир, скрытый от всех. Мир, где он мог восхищаться, замирать, трогать глазами каждый изгиб и при этом чувствовать предательскую волну возбуждения, от которой становилось неловко даже в одиночестве. Он выключил видео, откинулся на спинку стула и долго сидел в темноте, глядя на пустой экран. В груди жила странная смесь из чувства радости, тоски и стыда. Марк знал, что однажды об этом придётся кому-то рассказать. Но кому? И как, чтобы не услышать в ответ привычное: «Какая дичь!».

Щелчок кнопки чайника напомнил ему, что пора сделать перерыв и позволить себе немного покоя — раствориться в вечерней чашке кофе. Наслаждаясь ароматом напитка и одной из своих маленьких, запретных привычек — сигаретой у открытого окна кухни, Марк на миг позволил себе просто быть.

Затем он снял со спинки соседнего стула свитер и кофту, аккуратно сложил их и положил на полку шкафа. Когда он уже собирался закрыть дверцу, взгляд его вдруг зацепился за белый пакет, лежащий на самой верхней полке. Он сразу понял, что в нём — бирюзовый гимнастический мяч. Пакет лежал там нарочно подальше, чтобы не мешать и не напоминать о себе без особой надобности.

Марк встал на цыпочки, вытянулся изо всех сил, пытаясь достать его. Кончиками пальцев он нащупал край пакета, резко потянул и, когда тот соскользнул с полки, поймал его прямо на лету. Как человек среднего роста, Марк всегда с лёгкой завистью и нежной

симпатией смотрел на высоких людей, размышляя, как же это удобно — ничего не нужно доставать с усилием, тянуться, вставать на носки.

Присев на край кровати, он достал из пакета гимнастический мяч и маленький насос, осмотрел их и без лишних колебаний стал надувать. Мяч оказался большим, как раз подходящим по размеру, чтобы удобно расположиться на нём.

Держа его в руках, прижимая к себе, он ощущал странное тепло — словно в объятиях был не просто спортивный инвентарь, а нечто дорогое, прекрасное, чуть детское, но трогательное. Именно так, прижав к себе, он и отнёс его в комнату, к письменному столу.

Иногда Марк позволял себе сидеть на мяче за работой или во время просмотра любимого сериала, но это были редкие моменты решимости. Обычно мяч снова прятался в шкаф под благовидным предлогом нехватки места и неуместности.

Но сегодня было иначе. Желание победило разум. Он отодвинул кресло, поставил на его место мяч, немного помедлив, осторожно и с удовольствием уселся на него, начал покачиваться вальяжно и расслабленно. Включил музыку: поставил нечто более яркое и ритмичное, чем слушал обычно. Именно такая идеально подходила к моменту — маленькому, тихому торжеству возвращённого себе удовольствия.

Он задумчиво смотрел в экран ноутбука, выбирая из подборки видео, которое он хотел бы посмотреть. У Марка была одна папка, которую он никогда не удалял, как бы ни клялся самому себе завязать. Она пряталась в недрах его ноутбука под нейтральным названием, словно какой-то файл для учебы. Но он знал её наизусть. В ней были ролики одного человека, известного в узком кругу. Для остальных это, наверное, выглядело бы странно или нелепо, но для Марка они были целым миром. Мужчина в блестящем мотокостюме играл с шарами и надувными игрушками так, словно это был настоящий танец. Но главное — его глаза. В каждом кадре Марк улавливал в них то, чего ему самому так отчаянно не хватало: тепло, искреннюю радость и уважение к тому, что он делает. Это не было похоже на глупую забаву. Взгляд XViker — так он называл себя, говорил другое: «Я люблю это. И я свободен».

Иногда Марк включал видео на несколько секунд и этого хватало, чтобы сердце сжалось от зависти, восторга, надежды. Он выключал, не выдержав, но никогда их не стирал.

И в этот раз Марк ненадолго заглянул в эту папку. Он посмотрел отрывок одного из роликов, но вскоре выключил его. Тут его взгляд пал на папку с характерным названием «Лоп». Он уже знал, что в ней его пленит и тянет, и запустил первое видео.

Словно переносясь туда, Марк чувствовал кончиками пальцев каждое прикосновение к упругой поверхности воздушных шаров, будто это происходило с ним самим. Видео начиналось неспешно: светлая комната, до краёв наполненная шарами, мягко переливающимися на свету. Камера медленно скользила по помещению, проходя круг, как бы впитывая всю красоту и объём этого невероятного пространства. И вот — появляется силуэт: парень в спортивной одежде и с маской на лице уверенно направлялся к центру комнаты. Шары вокруг шуршали, подскакивали, вытесняя друг друга, и, сталкиваясь, пружинили, как будто приветствуя его, создавая поистине волшебную обстановку.

Он дошёл до середины комнаты, наклонился и бережно взял один из ближайших шаров, поднеся его к лицу. Сквозь прорезь в маске он смотрел на него с такой нежностью, такой искренней, незащитной теплотой, словно в мире не существовало ничего прекраснее этого шара. Этот взгляд был совершенством. Это было не просто игрой, не жгучим азартом — это была неподдельная, настоящая любовь. Любовь, что затаилась в его сердце и, кажется, всегда жила в нём и в этом герое на экране.

Парень обнимал шар, покачивал его, прижимал к себе осторожно, будто общался с живым существом. А потом — крепче, сильнее, пока шар не лопнул в его объятиях. Громкий хлопок даже сквозь динамики ноутбука оказался оглушительным. Марк вздрогнул и поспешно убавил звук, охваченный паникой от мысли, что кто-то мог это услышать.

Сердце застучало быстрее. Темп видео стал стремительнее: парень уже не играл, а лопал шары один за другим, с нарастающим ритмом, как будто выпускал наружу шквал чувств. Марк застыл, прикованный к экрану, замороженный и охваченный почти благоговейным волнением. С каждым хлопком по коже Марка будто прокатывалась горячая волна. Он чувствовал, как тело отзывается всё сильнее — в груди, в животе, и ниже нарастало напряжение, приятное и почти невыносимое. Он чуть крепче и настойчивее надавил своим весом на бирюзовый мяч, ощущая, как его упругая поверхность поддаётся и мягко пружинит в такт его движениям.

Экран притягивал взгляд как магнит. Парень в маске двигался всё резче, его руки сминали латекс, пальцы скользили по блестящей поверхности, шарики дрожали и

взлетали, прежде чем исчезнуть с громким, резким «бах». Марк видел, как мышцы под тонкой тканью футболки напрягаются, как этот незнакомец прижимает шары к груди, вдыхает их тепло, словно боится отпустить. Вскоре этот незнакомец запрыгивает на шар верхом и скачет, пока тот не разлетается на множество ярких осколков по всей комнате. Марк поймал себя на том, что дышит глубже, чем обычно, что музыка и удары сердца слились в один ритм. Он откинул голову назад, прикрыв глаза, но картинка из видео не исчезала — наоборот оживала в его воображении. Ему казалось, что он находится там, в этой комнате, среди мягкого шороха шаров, и вот уже его руки скользят по гладкой, чуть тёплой поверхности...

Он невольно прикусил губу, медленно переместившись на мяче вперёд, так, что напряжение стало острее, а покачивания — глубже. Запах резины, исходящий от мяча, и приглушённые, почти интимные хлопки в видео сплелись в пьянящий коктейль. Он не отрывал взгляда от экрана, чувствуя, как каждое движение парня на видео откликается в нём самом.

В какой-то момент он перестал думать и просто позволил себе быть внутри этой сцены: дышать, двигаться, сжимать мяч, пока мир вокруг растворяется и остаётся только он, звук и этот жар, поднимающийся изнутри, всё выше и выше. Движения становились чуть резче, дыхание — всё громче. Мяч тихо поскрипывал под ним, упруго отдавая каждое нажатие, и Марк ощущал, как дрожь проходит по ногам, поднимается выше. Пальцы вцепились в его поверхность, будто он боялся отпустить хоть на секунду.

На экране парень в маске прижал последний шар к себе, положил на пол и сел на него. Закрыв глаза, прыжок — шар растянулся, ещё прыжок — шар ещё сильнее заскрипел и растянулся, предательски вытягивая горловину. Ещё прыжок, более сильный и такой, что шар взорвался с глухим, почти утробным хлопком. Марка прошила дрожь, как от электричества, и в тот же миг напряжение, копившееся всё это время, вырвалось на свободу.

Он замер, тяжело дыша, чувствуя, как горячая волна прокатывается сквозь тело, накрывает его целиком и уходит, оставляя только тихое, сладкое послевкусие. В ушах стучала кровь, сердце билось, как будто он пробежал марафон. Музыка продолжала играть, но теперь казалась далёкой. На экране парень уже медленно собирал обрывки лопнувших шаров, а Марк всё ещё сидел на мяче, чуть покачиваясь и не спеша приходить в себя.

Он закрыл глаза и позволил себе остаться в этом моменте ещё немного — в тепле, в мягкой усталости, в чувстве, что мир за стенами комнаты можно отложить хотя бы до вечера.

Лишь спустя некоторое время он встал, выключил видео и аккуратно, почти с нежностью, отвёл мяч к стене. Но в груди всё ещё жила тихая искра — память о том, как он позволил себе быть собой, пусть всего на несколько минут.

Глава 2

Очередной будничным вечер. Марк спешил по бульвару в хмуром осеннем полумраке. Он опаздывал и тревожно поглядывал на часы. Шаг его был стремителен. Из-за спешки он лишь краем глаза следил за дорогой, дважды наступая в мелкие лужицы, предательски незаметные на тёмном асфальте. Дождавшись зелёного сигнала светофора, он перебежал дорогу и быстро нырнул в приоткрытую дверь дома.

Марк постучал в дверь кабинета — аккуратно, но с лёгкой поспешностью.

— Войдите, — прозвучал знакомый голос.

Он зашёл, снимая пальто на ходу. Уютный кабинет без лишней яркости: просторный диван, мягкий ковёр, кресло напротив. На низком столике между ними — чашка чая, уже приготовленная для него. Марк сел, чуть ссутулившись, будто всё ещё не готовый к общению. Женщина лет сорока с аккуратным низким пучком тёмных волос, спокойная, с тёплым, внимательным взглядом наблюдала за ним. Она уже давно знала, как он избегает сложных тем.

Слегка запыхавшись, Марк протёр лоб платком и поздоровался:

— Анна, здравствуйте... Простите, я немного опоздал.

— Здравствуй, Марк. Ничего страшного, — она улыбнулась. — Ну что же... у меня такое чувство, что сегодня ты пришёл не просто так. Что-то не даёт тебе покоя?

Он попытался изобразить вежливую улыбку:

— Почему вы так решили?

Анна слегка приподняла бровь:

— За все эти месяцы я научилась считать тебя с первых пяти секунд. Сегодня ты тише, чем обычно.

Марк отвёл взгляд, обхватывая чашку обеими руками, словно пытаюсь согреть замёрзшие пальцы.

— Просто устал... может, осенняя хандра.

— М-м... усталость у тебя бывает разная. Сейчас она вызвана тем, что ты держишь в себе. И, похоже, это не просто воспоминание об Алексее.

Он слегка усмехнулся, понимая, что спорить бессмысленно.

— Вы ведь не отстанете, да?

Анна с лёгкой иронией наклонила голову и посмотрела на него, едва заметно улыбаясь:

— А ты разве для этого ко мне ходишь?

— Конечно, нет... — протянул он. — Мне снова снился тот кошмар. Я опять стоял у огромных двустворчатых белых дверей. Тянул за ручку, но она не открывалась. С трудом я смог приоткрыть её и вдруг оттуда выглянула женщина. Она строго сказала: «Тебе сюда нельзя!» А за руку меня в этот момент взял парень. Лица я не увидел, но чувствовал — я его знаю. Он потянул меня прочь, в сторону, противоположную двери. Но меня неотступно манила та комната... — Марк тяжело вздохнул и с горечью добавил: — Этот сон не даёт мне покоя.

— Я помню этот сон. Он часто тебе снится, — с сочувствием отвечает Анна. — Это твои страхи... страхи перед принятием.

Пауза затягивалась. Марк медленно крутил в руках чашку, будто ища в её круглом ободке ответы.

— Я... хотел поговорить об одной странной вещи. Хотя, наверное... не только о ней.

— Давай начнём со «странной» вещи. Что это?

Марк ссутулился ещё больше, почти навис над чашкой. Бросил украдкой взгляд на Анну, но тут же снова спрятался в кружеве своих мыслей.

— Шарики.

Анна не удивилась. Не улыбнулась. Просто молча ждала, оставаясь рядом — мягкой, тёплой, принимающей.

Марк снова замолчал, словно в нерешительности балансируя на краю. Тогда Анна сделала шаг вперёд бережно, без нажима:

— Ты уже упоминал о них раньше... но тогда мы быстро ушли с этой темы. Это про тот случай, когда Алекс подарил тебе один?

Марк тяжело вздохнул, но этот вздох не принёс облегчения. Наоборот, в голосе появилась еле уловимая дрожь:

— И да... и нет. Я боюсь, что вы не поймёте, — он замялся и уже почти шёпотом произнёс, будто самому себе: — Я люблю воздушные шарики.

Анна чуть наклонилась вперёд, прислушиваясь. Марк заметил это движение, и, собравшись с силами, сказал чуть громче:

— Да... Я всю жизнь их люблю. Это и радость, и какая-то... боль. Особенно когда понимаю, что для других это просто воздух в резине.

Анна кивнула, не перебивая:

— А для тебя?

Сказать это вслух было непросто. Даже себе он редко позволял признаваться в этом полностью:

— Для меня... это тепло. Это чувство, что можно держать в руках что-то хрупкое и прекрасное. Это и желание, и радость, и любовь... и...

Она снова кивнула. Просто дала понять: «Я здесь. Я слышу».

— Вы подумайте, что я псих... или извращенец какой-то... — он словно съёжился, сжался в себе, как маленький комочек, — Но я их хочу не просто как предмет. Я хочу обнимать их, играть с ними, садиться на них... чувствовать их под собой... и... получать настоящее удовольствие.

Анна с лёгкой, тёплой улыбкой поправила в кресле:

— Почему ты решил, что я подумаю именно так? — в её голосе не было осуждения, только спокойствие. — Это не извращение и не болезнь. Это фетиш. И, если хочешь знать моё мнение — это невероятно мило. Что мешает тебе просто радоваться этому?

Марк усмехнулся горько и безрадостно:

— Люди. Их слова. Их лица. Их реакции... иногда даже тех, кто казался близким.

Марк сжал чашку чуть крепче и, наконец, решился сделать глоток.

Анна сделала короткую пометку в блокноте, затем посмотрела на него:

— Ты уже рассказывал кому-то об этом? И получил в ответ что-то болезненное? — в её голосе прозвучало сочувствие. — Люди иногда не понимают, как такие, казалось бы, простые вещи могут ранить.

— Да... — его голос дрогнул, дыхание сбилось. Он поставил чашку на стол, но продолжал обхватывать её ладонями. — Помните, я говорил про Антона? Мы были вместе до Алекса. Он тогда поддерживал меня. Первый, кто начал откровенно говорить со мной о сексе. А я ужасно стеснялся этих тем... — он тяжело вздохнул. — Я рассказал ему про свои чувства... к шарикам. В начале он всё принял и хорошо отреагировал, даже был готов попробовать. Но потом это было уже совсем не так, как я надеялся.

Марк невольно вернулся в воспоминания. Холодный февральский день. После занятий в институте он заехал к Антону. Если быть честным, Марк иногда пропускал пары только ради того, чтобы провести с ним больше времени. После недавних откровенных разговоров он решился: по пути к Антону зашёл в киоск и купил несколько воздушных шариков. Всю дорогу перебирал их пальцами в кармане, не веря в собственную смелость.

После приветствия — пылко, с объятиями и поцелуями, они направились в комнату.

Антон, как обычно, устроился в своём компьютерном кресле и стал раскачиваться в нём, вращаясь туда-сюда, как юла.

Марк сел на край кровати. Он всегда садился именно так, будто был здесь чужим, хотя они встречались уже несколько месяцев.

Антон, посмотрев на Марка, спросил:

— Ты сегодня какой-то напряжённый. Что-то случилось?

— Нет... — немного растерянно ответил Марк, а потом попытался улыбнуться. — Помнишь, я говорил, что мне нравятся шарики?

— Ага, — кивнул Антон и продолжил крутиться в кресле. — Я обязательно подарю тебе на день рождения целую охапку воздушных шариков!

Марк ничего не ответил, лишь расплылся в улыбке, представляя этот сладостный момент.

Антон остановился, с озорным блеском в глазах повернулся к Марку:

— О! А ты видел? Уже вышел новый сезон «Отчаянных домохозяек»! — он сделал хитрое лицо и подмигнул. — Я уверен, тебе очень понравится!

— Да? И что же там?

— Сейчас увидишь! — Антон повернулся к монитору и запустил новую серию.

Они смотрели вместе, затаив дыхание, как всегда — любимый сериал, уют, близость. Но вдруг случилось то, чего Марк не мог предвидеть: его любимая героиня, с улыбкой, почти с наслаждением, начала безжалостно протыкать каждый элемент из воздушных шаров в декоративной композиции.

Марк застыл. Лицо вытянулось в изумлении и тихом ужасе, словно кто-то вторгся в его внутренний мир и разрушил что-то очень личное.

Серия подошла к концу. Антон повернулся к Марку с лукавой улыбкой:

— Ну что, понравилось?

Марк молчал. Внутри всё оборвалось — он чувствовал себя так, словно землю выбили из-под ног. Лишь отрицательно покачал головой.

— Как так? — недоумённо спросил Антон. — Тут же даже, считай, ради тебя лопнули шарики! — он усмехнулся. — И серия такая мощная! Тебе не понравилось?

— Прости... — Марк опустил взгляд и замялся. — Просто... их лопали с такой ненавистью. А мне... мне они нравятся.

— Серьёзно? — резко бросил Антон. — Ну хоть так. Это же круто, что хоть кто-то вообще обратил внимание на шарики в кино!

Эти слова пронзили Марка так же, как лезвие ножниц пронзает воздушный шар. Он сжался, не в силах возразить — ощущал, что его всё равно не поймут.

Антон между тем продолжал с тем же озорным тоном:

— Кстати... кто-то вроде сегодня собирался немного поиграть, а? Или ты опять застеняешься и передумаешь?

Марк молча вытащил из кармана охапку шариков — десяток штук. Он положил их рядом на постель.

Его сердце билось неровно, но он всё же кивнул.

— Ну, давай, — подбодрил его Антон. — Начинай! Только пока с одним. Для начала.

Марк взял один из шариков и стал переминать его в руке, пальцы предательски дрожали, внутри всё клокотало, мандраж не отпускал. Он пытался себя утешить, повторяя про себя: «Всего лишь шарик. Всего лишь вдох и выдох».

Он поднёс шарик к губам, зажмурился и сделал первый выдох, с силой и страхом.

В голове зазвучали чужие голоса, родительские, знакомые, когда-то услышанные: «Он лопнет! Хлестнёт обрывком по лицу! Повредит глаза!»

Второй выдох — он сжал веки ещё крепче.

Третий — он отчаянно держал шар обеими руками, словно умоляя его не взорваться, не ранить.

И вот, короткий вдох, ещё один выдох и Марк открыл глаза.

Округлый, почти полный шар уже заслонял собой часть обзора, от чего он даже невольно вздрогнул. Он поспешно перехватил горлышко шарика и осторожно отвёл его в сторону, рассматривая. Это был нежно-голубой пастельный шарик с изображением снежинок, удивительно красивый, почти сказочный. Ещё немного и он был бы полностью надут. Марк решился: сделал последний рывок и попытался завязать шарик, но тот упорно выскользывал из дрожащих пальцев.

Он жалобно, почти растерянно посмотрел на Антона:

— Ты не сможешь?

— Да! — отозвался тот без колебаний, оторвал кусочек нитки и быстро перевязал горлышко.

Марк бережно положил шарик на постель и посмотрел на него с нежностью.

— Ну, а что теперь? — спросил Антон с нетерпением. — Давай, играй, как ты там хотел...

— Я не знаю... — растерянно прошептал Марк.

Антон чуть наклонился вперёд, положил руку ему на колено:

— А что ты хотел с ним сделать? Как бы ты с ним поиграл? Лечь на него? Сесть? Просто сжать руками?

— Прости... — Марк отрицательно покачал головой и уставился в пол. — Мне страшно.

Антон убрал руку, встал и прошёлся по комнате. Всем своим видом он показывал раздражение, нетерпение.

— Знаешь, я уже устал тебя тянуть. Всё вытаскивать клещами. Ну кому это нужно?

Марк молчал.

— Если так боишься, то зачем тогда надул? — он не унимался. — Давай я сейчас просто лопну его — и дело с концом!

Он подошёл к столу и схватил канцелярский нож.

Марк резко откинулся на спину, подвинув шар кончиками пальцев ближе к стене, и вскинул руки:

— Нет! Не надо так.

— А как? Чего ты испугался? Хлопка? Мне тоже неприятно такое! — он тяжело выдохнул и вышел из комнаты.

Марк услышал, как Антон сел за пианино в соседней комнате, но не пошёл за ним. Он просто остался лежать, глядя на свой шарик.

Марк чувствовал, как внутри него бушует ураган, бешеный коктейль из страха, любви, нежности, боли и осуждения. Он смотрел на шар и вдруг поймал себя на мысли, что начал злиться на него, как будто это он виноват в его нерешительности.

Не выдержав, Марк толкнул шар пальцем. Тот откатился, мягко ударился о стену и медленно прикатился обратно, почти касаясь его лица. Марк выдохнул. Остался лежать, позволяя себе немного успокоиться. Сердце постепенно приходило в норму.

Наконец он встал. Ему нужно было пойти к Антону. Тот всё ещё сидел за пианино, беззвучно перебирая клавиши. Марк подошёл, обнял его сзади, уткнувшись лбом в его плечо.

— Прости... для меня это не так просто, как может казаться.

— Я уже понял, — мягко ответил Антон, обняв его в ответ. — Давай просто... аккуратно лопнем его и пока отложим такие игры, ладно?

Марк без слов кивнул.

Они вместе вернулись в комнату. Шарик всё ещё катался по постели: такой безобидный, невесомый, почти не виноватый.

Антон кивком дал понять — пора.

Марк бросил на шарик жалостливый взгляд, залез на кровать и осторожно опустил на него. Шар вытянулся под его весом.

Он стал медленно раскачиваться. Антон, предвидя финал, прикрыл уши, и Марк машинально повторил за ним.

Прыжок. Хлопок. И шарика больше не было.

Марк усмехнулся про себя: «Это было не так уж и страшно...»

Но Антон не разделял его спокойствия:

— Ты что?! — он вскочил. — Это было невероятно громко! Больше никаких взрывов шариков! Ни у меня дома, ни вообще!

Он резко повысил голос, возмущённо размахивая руками:

— Это ненормально, Марк! Весь дом, наверное, услышал этот хлопок!

Марк виновато посмотрел на него и медленно слез с кровати. Антон подошёл к постели, схватил обрывки шарика и с силой швырнул их в приоткрытое окно.

— Это просто ужасно! — зло выдохнул он. — Хочешь — лопай сколько угодно, но только не у меня. Понял?

Спустя пару недель Марк снова приехал к Антону. Как обычно, между ними завязался разговор о «сексуальных хобби» — так они с лёгкой иронией называли эти интимные темы. На этот раз Марк осмелился предложить попробовать нечто новое: купить надувную игрушку для бассейна. Он был уверен: если уж она и лопнет, то не с таким оглушительным звуком, как шарик. К тому же, это ведь совсем иное ощущение: приятнее, мягче, безопаснее. Антон нехотя согласился.

Но всё оказалось не так просто. В февральском мегаполисе, далёком от моря и курортов, найти надувную игрушку оказалось настоящим квестом. Обуреваемый фантазиями, Марк проявил смекалку, провёл настоящее расследование, вычисляя, где может скрываться этот заветный кусочек радости.

Вдвоём они отправились в путешествие на край города, в отдалённый магазин. Марк чувствовал себя охотником, выслеживающим добычу. Он отважно заглядывал один за другим в отделы, вдыхая воздух предвкушения.

И наконец — победа! Их приключения увенчались успехом. Марк, сияющий, прижимал к груди коробку с покупкой, счастливый, как ребёнок.

Вернувшись домой, он поспешно разорвал упаковку, достал ярко-жёлтую игрушку и сразу же принялся надувать её. Антон с удивлением наблюдал за этой неожиданной решительностью. Марк будто преобразился.

Надувать игрушку оказалось гораздо труднее, чем шарик. Уже на середине пути Марк почувствовал предательскую усталость, но остановиться было невозможно. Он продолжал, сжав зубы и выдыхая с напором, пока не добился желаемого.

Наконец, перед ними стоял он — чудной, яркий, слегка нелепый жёлтый динозаврик с фиолетовыми пятнами на спине. Марк сел рядом, гордо положив руку на его покатуную спину, его лицо сияло, он был в полном восторге.

Антон смотрел с недоверием на огромного жёлтого зверя и на Марка, переполненного восторгом:

— Ты уверен, что он не взорвётся громко? И вообще... выдержит ли он нас?

Марк утвердительно кивнул:

— Да! Я видел видео — такие игрушки лопнуть непросто. Посмотри, какой он милаха! — он не мог сдержать восторг — Я просто влюблён в него!

Он поглаживал спину динозавра, нежно проводя рукой по нарисованным фиолетовым пятнышкам.

Повернувшись к нему лицом, почти прикасаясь носом к его мордочке, Марк не выдержал и поцеловал надувную игрушку прямо в нарисованную улыбку и засмеялся. В ответ Антон лишь закатил глаза и отвернулся к шкафу. Недолго порывшись в нем, он достал пушистый кофейного цвета плед.

— Ну, посмотрим... — Антон с недоверием вздохнул и кинул на пол будущую подстилку. — Так сойдет?

— Да! — Марк сразу вскочил с места и стал расстилать по полу плед.

— Только не испачкай его, он от бабушки.

Марк кивнул:

— Ага! — Марк посадил надувную игрушку в центр расстеленного кофейного озера и приготовился залезть на неё — Ты же не против если я первый попробую? Да?

— Нет, не против, — усмехнулся Антон — И даже не против если ты сам с ней поиграешь.

Воодушевленности Марка можно было позавидовать. Он скинул с себя одежду, словно сбрасывал лишний груз. Тело обдало прохладой комнаты, и этот контраст только усилил нетерпение. Он осторожно уселся на жёлтого динозавра, чувствуя, как под ним поддаётся, пружинит упругая поверхность, поскрипывая при каждом вдохе. Винил был прохладным, но быстро стал тёплым от его прикосновений. Марк провёл ладонями от макушки до покато́й спины динозаврика, вжимая пальцы в гладкость, и на миг прикрыл глаза. Он медленно начал покачиваться, чуть сильнее нажимая ногами в пол, и каждая волна движения прокатывалась сквозь него, от бёдер вверх по спине, расплескивая жар по

всему телу. Он слышал собственное дыхание, чуть сбивчивое, короткое, и лёгкий скрип игрушки, сливающийся с глухим стуком сердца. Он знал, что Антон наблюдает, чувствовал на себе этот взгляд и от этого желание становилось почти невыносимым. Марк обернулся и протянул руку:

— Иди сюда.

Антон подошёл и сел позади, обхватывая Марка руками. Теперь каждое покачивание стало глубже, резче, словно они вместе задавали один и тот же ритм. Игрушка под ними сдавленно шуршала, прогибаясь и выпрямляясь, будто подталкивая их к границе. Дыхание смешивалось, руки то крепче сжимали, то отпускали, и с каждой секундой внутри Марка натягивалась тонкая струна. Он уже не замечал, как ускоряются их движения, как звук поскрипывающего винила становится всё громче и выше, словно предупреждая о скором финале.

И вдруг — взрыв. Оглушительный, резкий хлопок разорвал воздух. Игрушка сдалась и лопнула, исчезнув под ними, и Марк в этот же миг сорвался в собственный, тихий и яростный, как удар молнии, взрыв. Тело выгнулось, дыхание оборвалось, и на секунду весь мир исчез, оставив только пульсирующее тепло внутри.

Они рухнули на плед поверх ярких обрывков. Марк ещё несколько мгновений лежал, тяжело дыша, и только потом, чуть улыбнувшись, провёл рукой по части желтого винила.

— Ну... это было... круто! — протяжно, сбивчиво, но счастливо протянул Марк чуть хрипло.

Антон сразу вскочил с пола и стал возмущенно повышать голос:

— Это, по-твоему, тихо? Она же бабахнула громче шарика! — он недовольно махнул рукой — Это было оглушительно! Соседи решат, что мы стены ломаем, и скажут родителям!

Он вышел из комнаты рассерженный и хлопнул дверью ванной комнаты. Марк, ещё не успев отдышаться, уже потерял то сладкое ощущение счастья. Он был словно нашкодивший зверёк, которого ругают за его невинную шалость. Он остался лежать так — обессиленный и с чувством вины.

Вскоре вернулся Антон. Марк замер, всё ещё лежа на тёплом, чуть влажном пледе, среди ярких лоскутов винила. Под ним — неровная кучка раздавленных обрывков, ещё пахнущих новым пластиком, и собственное, предательски горячее тело. Он почувствовал,

как кровь прилила к лицу, и опустил взгляд, не решаясь шевельнуться. Пальцы всё ещё сжимали край пледа и каждый нерв кричал о том, что встать сейчас — значит выдать себя полностью.

Антон уже наклонился, собираясь выдернуть из-под Марка остатки надувной игрушки:

— Убери это. Немедленно. — сухо бросил он, не глядя в глаза.

Марк сглотнул, пытаясь подобрать слова, но во рту было сухо. Он всё ещё чувствовал, как дрожат ноги, и потому медлил, надеясь, что Антон отвернётся. Но тот стоял рядом, ожидая.

— Сейчас... — тихо выдохнул Марк, наконец поднимаясь, стараясь, чтобы движения выглядели как можно спокойнее, хотя внутри всё жгло стыдом и неловкостью.

Глава 3

Солнечный и холодный осенний день. Марк уверенно шагал по улице в тёмно-синих джинсах и бежевой куртке. Одна рука была спрятана в кармане, он перебирал пальцами ключи от квартиры. За спиной болтался небольшой серый рюкзак, сдувшийся и мягкий, словно воздушный шарик на длинной верёвочке. Его походка, как всегда, была чуть торопливой, будто он куда-то опаздывал. Даже сейчас, никуда не спеша в выходной день, Марк шёл быстро.

Запрещающий сигнал светофора остановил его у края пешеходного перехода. Он стоял, глядя на мелькающие перед глазами машины. Вскоре рядом с ним появилась шумная компания — трое подростков лет семнадцати. Они громко смеялись, перебрасывались репликами, курили. Горьковатый, тягучий запах табака обволакивал Марка. Он невольно поморщился, вдыхая этот запах, перед глазами всплыли лица Алекса и Антона. Оба с раздражением уговаривали его бросить курить, отчитывали, как старшие братья, требовали: «Хватит! Немедленно!» Марк почувствовал, как в нём закипает раздражение. Он уже почти повернулся к ребятам, чтобы вежливо, но твёрдо попросить их не обкуривать прохожих. К счастью, светофор сжалился — загорелся зелёный. Марк сделал шаг, оставив эту сцену позади.

Проезжая часть была широкой, с несколькими полосами и разделителем по центру. Он шёл по переходу, когда взгляд зацепился за большой белый грузовик. Обычно он не обращал внимания на припаркованные машины, но этот привлек внимание сразу: по обеим сторонам фургона были нарисованы воздушные шары: десятки полупрозрачных, ярких, почти светящихся. Над ними красовалась крупная надпись: «Доставка воздушных шаров!»

Марк замедлил шаг. Эти шары отличались от привычных праздничных. Они казались больше, продолговатее, цвета — слаще, мягче. В них было что-то по-настоящему манящее, почти сказочное. Он не мог оторвать взгляда.

Перейдя улицу и направляясь к супермаркету, Марк вдруг представил: а что если бы тот самый грузовик проезжал не мимо, а приехал именно к нему, чтобы привезти охапку гелиевых шаров? Он представил, как возвращается домой с покупками, снимает обувь, вешает куртку в шкаф, идёт на кухню, неспешно разбирает пакеты, расставляет продукты в холодильнике. И вдруг звонок в дверь. Марк удивлён — он никого не ждал. Подходит, заглядывает в глазок — на пороге стоит курьер в синей форме, в руках — связка лент. Он открывает дверь и на миг замирает: за лентами скрывается целая россыпь невесомой, сияющей радости — воздушные шары: тридцать, а может, и больше.

— Вы Марк? — строго спрашивает бородатый мужчина в спецовке. — Доставка для Марка по этому адресу.

— Да, это я.

— Держите. Вам нужно расписаться вот здесь.

— Конечно, — Марк берёт планшет, расписывается, — А от кого они?

— Отправитель не указан, — буднично отвечает курьер, забирает планшет и, кивнув, уходит. — Всего доброго!

— Спасибо. До свидания...

Он осторожно, следя, чтобы ни один шар не задел дверной косяк, протаскивает охапку внутрь. Несколько секунд стоит в коридоре, раздумывая, куда бы их пристроить. И вот придумал! Он направляется к компьютерному креслу. С любовью и бережностью Марк начинает отделять каждый шарик от общей охапки и один за другим привязывать к подлокотникам. Получается почти скульптура из лёгкости и цвета, воздушная корона над его рабочим местом.

Когда последний шар нашёл своё место, Марк взобрался в кресло, откинулся на спинку, запрокинул руки за голову и... просто смотрел вверх. Улыбка не сходила с его лица. Над ним покачивались и тихо шуршали шары, как тихие друзья, принесённые неведомо откуда. Как радость, которую не надо было просить.

Разогнавшись до скорости бешеного экспресса, Марк и не заметил, как пролетел всю улицу до супермаркета. Он стремительно взбежал по ступенькам, ворвался в торговый зал и едва не врезался в тележку зазевавшегося покупателя. Схватившись за её край, он виновато посмотрел на мужчину и, слегка покраснев, извинился. На губах всё ещё играла едва заметная улыбка — остаток сладкой мечты, которая продолжала жить в нём. Он взял пустую тележку и машинально стал набирать продукты, не отрываясь от фантазий. В голове крутились образы воздушных шариков: цвета, упругая форма, лёгкое шуршание, рисунки. Он с любовью представлял каждый из них, как будто уже держал их в руках.

Заглянув в телефон, он проверил список. Оставалось совсем немного: резиновые перчатки, моющее средство и леденцы, которые он любил брать с собой по утрам на работу. Он направился в отдел промтоваров, не подозревая, что оставшиеся покупки поджидают его в самых предательских местах.

Дойдя до нужного ряда, Марк на автопилоте бросил в тележку желтые перчатки. И тут он заметил нечто особенное в соседнем отделе. Там, среди плюшевых игрушек и сезонных товаров для отдыха, продавались воздушные шарики и надувные игрушки для бассейна. Он удивился: осень уже вступила в свои права, так почему их ещё не убрали?

Он остановился. Затем подошёл поближе, бросил взгляд через плечо — нет ли поблизости людей? Убедившись, что никто не наблюдает, стал рассматривать прилавок. Товаров было немного: несколько коробок с яркими надувными фигурками, пачки с воздушными шарами, сваленные кое-как плюшевые игрушки. Над всем этим пестрели яркие красные ценники со скидками. Марк ощутимо напрягся и нахмурился. Его взгляд внимательно скользил по коробкам, изображениям, надписям, цветам. Наконец он робко, почти с испугом взял в руки коробку с изображением большого синего дельфина. С упаковки на него смотрело улыбающееся мультяшное существо и будто говорило: «Привет, парень! Давай повеселимся! Надувай меня скорее!».

Задержавшись в нерешительности у полки с надувной мечтой, Марк вдруг ощутил на себе тяжесть чужого взгляда. Рядом с ним стояла солидная женщина лет пятидесяти.

Она метнула в его сторону недовольный, оценивающий взгляд и, не сказав ни слова, стала пробираться к полкам пониже. Марк вздрогнул от неожиданности и рефлекторно попятился прямо на свою тележку с покупками, чуть не нырнув в неё с головой. Женщина снова посмотрела на него, а он, виновато улыбнувшись, поспешил прочь. В голове неслось, как гулкое эхо: «Она всё поняла. Она знает. Знает, какой я жалкий, грязный, мелкий человек. Расскажет всем, кто я на самом деле...». Он побледнел. Пальцы задрожали. Он ускорил шаг и направился к кассе.

Когда Марк начал выкладывать покупки на ленту, он вдруг понял: всё это время в руках у него был этот предательски манящий дельфин. Он отложил коробку в сторону, как бы случайно, почти незаметно, но всё внутри него сжималось. На автомате попросил кассира добавить к покупкам мятные леденцы.

Кассир, монотонная женщина с усталым лицом, пробивала товары один за другим, отправляя их в общую кучу. Марк тем временем обходил кассу и методично, словно спасая, складывал покупки по пакетам и рюкзаку.

— Это тоже ваше? — вдруг резко спросила кассир, подняв коробку с дельфином.

Марк краем глаза заметил знакомую упаковку и, машинально кивнув, ответил:

— Да.

Но уже через секунду осознал, что это тот самый дельфин.

— Нет! — резко передумал он.

— Так да или нет? — с явным раздражением повторила кассир. — Я уже пробила.

— Да... — пробормотал он, понурившись.

Дельфин отправился в кучу к остальным покупкам. Марк тотчас же схватил коробку и засунул в рюкзак, будто боялся, что кто-то вдруг заметит его тайну.

— Какие вам леденцы? — монотонно спросила кассир, приоткрыв узкий шкафчик за спиной. Там, рядом с пачками конфет, красовались и сигареты.

В висках стучал пульс. Руки дрожали. Увидев пачки с табаком, он будто снова ощутил тот знакомый, тягучий, древесно-сладковатый аромат. Губы сами собой выдали:

— Парламент.

— Это не леденцы, — хихикнула кассир и обернулась.

— Ой, да... — смущённо усмехнулся Марк. — Тогда пачку сигарет и леденцы, вот те, с ментолом, пожалуйста.

— По вам и не скажешь, что вы курите. — с лёгкой ухмылкой пробормотала она, пробивая последние позиции.

— Я бросаю. — тихо сказал он, вытаскивая из бумажника банковские карты.

— Ясно. Ходите по краю лезвия. — фыркнула кассир, не подозревая, как метко попала в самую суть.

Дома, разобрав покупки, Марк устало опустился на диван. Рядом на подлокотнике лежала коробка с надувным дельфином. Он не мог отвести от неё взгляд, внутри продолжала бурлить смесь облегчения, тревоги, стыда и растерянности.

Чтобы хоть немного сбросить напряжение, Марк потянулся за пачкой сигарет. До этого дня он никогда не курил в квартире — только на балконе или, в крайнем случае, высовываясь в окно. Однажды он даже едва не выпал наружу, пытаясь уместиться на узком подоконнике. Рассказывая эту историю друзьям, он часто слышал в ответ: «Вот до чего доводят эти проклятые сигареты!» Но сейчас ему было не до морали. Он зажёл сигарету и, сделав первую сладостную затяжку, откинулся на спинку дивана, раскинувшись как есть, стараясь хоть на мгновение забыться.

Спустя несколько минут он уже пожалел: горечь от дыма, въевшегося в воздух, стала невыносимой. Марк торопливо распахнул окна и пошёл на кухню, на автомате залезая в шкафчик под раковиной. Вернувшись с аэрозолем с яркой этикеткой в виде перечёркнутой сигареты, он принялся обходить квартиру, распыляя нейтрализатор запаха во всех углах. Когда дошёл до коридора, его взгляд упал на большое зеркало. Он остановился, вглядываясь в своё отражение — бледное лицо, взъерошенные волосы и те самые зелёные глаза. Смотря себе прямо в них, Марк шепнул: «Я тебя совсем не узнаю... Что ты делаешь?»

Выдохнув, Марк спокойно направился в комнату и сел за письменный стол. Запустив компьютер, он потянулся, размял пальцы и взглянул на экран. В браузере мерцали уведомления: в общем чате с друзьями накопилось много непрочитанных сообщений, а одно выделялось, личное, помеченное специальным значком. Марк не спешил открывать переписку. Вместо этого он щёлкнул на строку поиска и, немного подумав, ввёл: «Воздушные шарики с доставкой на дом».

Он не запомнил точное название магазина, изображённого на том самом грузовике, но очень хотел понять, откуда были те необычные, полупрозрачные и яркие шары, по форме отличающиеся от привычных. Поиск, к сожалению Марка, выдавал в основном

рекламу — однотипные сайты с праздничной атрибутикой и заказами по шаблону. Марк пробовал формулировать по-другому, менял слова, но всё было тщетно. Наконец он просто решил описать увиденные шарики подробно и послал запрос. Взгляд зацепился за одну странную ссылку в верхних результатах поиска. Под ней была короткая цитата из какого-то поста: «...да, эти шары манили меня так, что я не удержался — стал жадно их тискать, трогать, обнимать, я залез на один из них и...» Марк удивлённо вскинул брови. Он медлил, не решаясь кликнуть. Казалось, будто кто-то следит за ним, будто сейчас всплывёт предупреждение: «Вы нарушаете нормы приличия», будто его схватят за руку и навсегда отключат от сети, повесив ярлык: «извращенец». Он хмыкнул, усмехнувшись про себя: «Маразматик. Ну и бред...» — и всё же нажал.

Сайт оказался простым: светло-голубой фон, форумные ветки, текстовые сообщения вперемешку с фотографиями. Но фотографии моментально захватили его внимание. Это были не просто воздушные шары — это были люди рядом с ними. Кто-то обнимал их, кто-то лежал среди них, кто-то играл с такой радостью и теплотой, что Марк почувствовал, как в груди защемило. Он начал читать посты. Где-то удивлённо приподнимал бровь и тихо хмыкал, где-то смущённо отводил взгляд в сторону, словно заглянув в чей-то слишком личный, но одновременно родной мир.

Этот новый, дивный мир оказался таким необычным и притягательным, что Марк просто не смог удержаться и, конечно, тут же зарегистрировался. По привычке указал своё настоящее имя. Иногда он немного изменял его, но всё равно оставлял подсказку: это я, я настоящий.

Марк всегда с любопытством рассматривал имена других пользователей. Чем причудливее и необычнее, тем сильнее ему хотелось узнать их историю: как они его придумали? почему именно так? Особенно его интриговали те, кто назывался просто «Безымянный». Это звучало настораживающе и в то же время чарующе. Он не раз замечал, что такие «Безымянные» в играх или на форумах оказывались самыми весёлыми, компанейскими и доброжелательными. Загадка без имени, но при этом живые, тёплые люди.

Он умел легко начинать разговор даже если вокруг шла бойня в сетевой стрелялке. За игрой завязывались знакомства, иногда дружба. В виртуальном мире Марк был иным — открытым, общительным, даже слегка флиртующим. Таким, каким редко позволял себе быть в повседневности.

Именно так, однажды играя в GTA, он завёл знакомство, которое запомнилось надолго. Для кого-то это могло бы показаться глупостью: подружиться с кем-то в игре, не зная даже настоящего имени. Но для Марка это было по-настоящему важно. Они болтали часами о жизни, работе, увлечениях. Иногда игра забывалась, уступая место простой человеческой переписке. Его собеседник был чуть старше, работал в банке, был женат и воспитывал двоих детей. А ещё недавно купил дом, чем хвастался с особым, трепетным восторгом. Он рассказывал, как долго шёл к этому, мечтал и наконец осуществил заветную покупку. Марк искренне радовался вместе с ним. Он чувствовал, что это настоящая связь. Пусть и в пикселях, но живая, настоящая, без масок и неловкости.

Марк зарегистрировался и сразу же пожалел о выбранном имени. Он вернулся на сайт, пытаясь создать новый аккаунт, но тот упорно выдавал ошибку. Пришлось смириться и просто притвориться кем-то другим.

Участники сайта носили совсем иные имена. Часто откровенные, вызывающие, а порой и вовсе кричащие. Конечно, не все. Но Марк старался избегать общения с такими пользователями: обычно за громкими никами скрывались грубость и агрессия.

Он листал форум, поражаясь увиденному: целые темы о совместных закупках, о поисках конкретных игрушек, обсуждения «игр», разговоры о чувствах, привязанности и даже о любви. Это был настоящий разрыв шаблона. Марк, столько лет сдерживавший себя, боявшийся своих желаний, внезапно увидел целый мир, где никто не борется. Где люди утопают в этом, принимая и проживая свои чувства.

Сердце бешено заколотилось. К горлу подступил ком и в голове зазвучала тревожная мысль: «Нырнув в эту пучину — уже не выплыть». Но остановиться он не мог. Он читал жадно, будто глотая воздух. От одних историй по телу волнами растекалось тепло. От других накатывал холод оцепенения.

Прошло немало времени, прежде чем Марк, наконец, смог оторваться от монитора и вернуться в реальность. Организм напомнил о себе безжалостно: он был голоден. Отправившись на кухню, он продолжал мысленно возвращаться к историям, которые только что прочитал. Едва обращая внимание на происходящее, он быстро проглотил свой запоздалый обед и уже с последним кусочком вернулся в комнату. Он всё ещё жевал, небрежно стёр рукой крошки с губ, когда взгляд наткнулся на коробку с надувным дельфином, мирно лежащую на диване.

Пройти мимо просто так оказалось выше его сил. Он взял коробку в руки и аккуратно открыл. Отбросив ненужную упаковку, достал долгожданную игрушку. Расправив её, он удивился: даже в сдутом виде она казалась довольно большой. «А какой же она будет, когда надуется?» — с лёгким волнением подумал Марк.

Любопытство и внутренний зов толкнули его на решительные действия. Когда дельфин был готов, он положил его на середину постели. Мягкий свет лампы отражался на блестящей спине, создавая ощущение, будто тот вышел из морской глубины. Марк сел рядом, провёл рукой по округлому боку, прижимаясь щекой к упругой поверхности. Он осторожно забрался сверху, почувствовав, как винил пружинит под его весом, и начал медленно покачиваться. Каждое движение отзывалось в нём пульсирующей волной, и он уже не пытался сдерживать дыхание, которое становилось всё более частым. Ладони скользили по глянцевой поверхности, обнимали дельфина крепче, будто боялись отпустить. Темп нарастал. Скрип винила под ним становился громче, воздух в комнате густел от его дыхания. Он закрывал глаза, полностью растворяясь в этом чувстве, в этой тайной, но такой желанной близости.

Когда волна накрыла его, она была стремительной и безжалостной — тело выгнулось, пальцы вцепились в чуть жёсткие ручки игрушки. В этот миг весь мир сузился до яркого, горячего всплеска внутри. Марк обессиленно сполз рядом, прислонившись к тёплому боку дельфина. Он гладил его медленно, как живое существо, и на губах появилась тихая, уставшая улыбка.

Но сладостный миг единения прервал навязчивый телефонный звонок. Марк не собирался вставать и тем более не собирался спешно отвечать. Телефон не унимался, разрывая тишину нетерпеливым трезвоном. Тяжело вздохнув, он всё же подошёл и взглянул на экран. Знакомый номер. Он ответил:

— Алло... — голос звучал приглушённо, устало.

— Ну ты где, чувак?! Мы все уже собрались! — в трубке раздался звонкий, возбуждённый голос.

— Я... дома... — растерянно произнёс Марк. — А что случилось?

— Дома?! Ты что, совсем? А как же спектакль Алины?! — в голосе уже звучало возмущение. — Живо дуй в театр!

— Чёрт! Я еду! — словно очнувшись, бросил Марк и тут же сбросил вызов.

Он швырнул телефон на диван и бросился собираться, бегая по комнате, вырывая одежду из шкафа, ругаясь вслух и спотыкаясь о вещи.

Это был небольшой театр недалеко от центра города. Несмотря на скромные размеры, вход выглядел почти помпезно: целая аллея колонн торжественно поддерживала массивный козырёк. Перед зданием почти не осталось людей, лишь одинокая фигура в длинном пальто привлекала внимание — это был Виктор, друг Марка. Он стоял у входа, нервно затягиваясь сигаретой.

Марк выскочил из такси — чуть растрёпанный, с криво застёгнутой рубашкой. Увидев его, Виктор сразу шагнул навстречу.

— Ну где ты шляешься? — произнёс он с показным недовольством, но с едва заметной улыбкой. — Что за вид? Застегнись хоть как человек.

— Прости... я совсем забыл, — виновато сморщился Марк. — Я... просто заснул. Ты меня разбудил звонком.

— Да ладно, — махнул рукой Виктор, прищурившись. — Склеил кого-то, а я вам помешал?

— Нет, нет, — Марк поспешно замотал головой, растерянно улыбаясь. — Просто устал за неделю... и вырубился.

Они вошли в зал. Свет уже был приглушён и спектакль только начинался. Виктор уверенно шёл вперёд, зная, где находятся их места, а Марк поспешно следовал за ним. Они пробирались между рядами кресел, стараясь не задеть колени зрителей и не наступить никому на ноги.

Наконец, устроились. Марк с удивлением отметил, что зал был почти полон — довольно редкое зрелище для постановки театрального училища. Оглядевшись, он заметил ещё одного знакомого друга, сидевшего чуть дальше. Они негромко поздоровались жестами и улыбками.

Сам спектакль не особенно интересовал Марка — очередная модернистская постановка Шекспира в новом прочтении. Но все собрались ради одного: поддержать Алину, общую подругу и по совместительству возлюбленную Виктора.

Уже через пару сцен Марк начал клевать носом, опираясь щекой на ладонь. Постепенно он провалился в дрему и воспоминания о спектакле потонули в забвении. Сон подкрался мягко, обволакивающе. Во сне перед ним плыл его новоиспечённый друг —

синий дельфин. Он улыбался, мирно покачиваясь на волнах тёплого моря. Летнее солнце отражалось от его глянцевого бока. Марк, по пояс в воде, подходил ближе, гладил его по спине, притягивал к себе. Он слегка обнял надувного друга, прижался к нему, подарил лёгкий поцелуй в нарисованную мордочку. Ему даже почудилось, что дельфин подмигнул в ответ.

Громкий шквал аплодисментов разбудил Марка. Он вздрогнул, но, быстро сообразив, что происходит, поднялся на ноги вместе с друзьями и принялся горячо аплодировать. Усмехнувшись про себя, он подумал, что, возможно, это была самая приятная часть вечера.

После спектакля все направились к выходу в просторный холл театра. Снаружи здание казалось куда меньше, чем внутри. Холл был залит мягким светом, по его краям располагались панорамные окна, отражающие мерцающие огни города. Потолок был низковат, но благодаря свету и отделке пространство не теряло ощущения свободы.

Друзья оживлённо болтали, обсуждая спектакль и блестящую игру Алины. Марк стоял чуть поодаль, сдержанно кивая и улыбаясь. Он всё ещё не мог окончательно проснуться — сладкая, ускользающая дрёма уводила мысли прочь.

Внезапное прикосновение к лицу вернуло его в реальность, лёгкая ленточка скользнула по щеке. За ней вторая, третья...

Марк поднял взгляд и обомлел. Весь потолок был усыпан гелиевыми воздушными шариками. Сотни белых шаров с логотипом театральной школы покачивались, а их длинные ленты, словно струи проливного дождя, свисали вниз. Посетители, проходя сквозь эту шуршащую завесу, старательно раздвигали ленточные пряди руками.

Виктор, заметив, как Марк засмотрелся вверх, приподнял брови, вскинул руки и с улыбкой схватил несколько лент, притянув к себе шарики. Следом подхватили инициативу и другие — охота началась. Марк почувствовал напряжение.

Из зала к ним уже подходил ещё один из их друзей — высокий, крепкий парень с короткой лохматой стрижкой. Он, как всегда, завёлся с пол-оборота: раскинув руки и громко крикнув «Хватай!», он нырнул в самую гущу воздушной грозди. Шары шумно шуршали, сопротивляясь, словно обсуждая между собой это бесцеремонное вмешательство.

Собрав внушительную охапку, друг попытался вытащить её, но шары упрямо цеплялись за воздух, не желая быть пойманными. Он дёрнул их вниз и вырвал, выбивая из

общей массы. Виктор, не сказав ни слова, мгновенно повторил его движения. Он тоже собрал охапку, чуть меньшую, но с ещё большей гордостью на лице.

Марк, затаив дыхание, наблюдал за этим почти священнодействием. Рядом стояли ещё трое — вроде бы знакомые, но он не был уверен. Те не стали рваться вперёд, но всё же притянули к себе по паре шариков, осторожно и будто с уважением.

Виктор подошёл почти вплотную к Марку и с широкой улыбкой кивнул:

— Ну?

Марк сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду. В голове пронеслось: «Сейчас или никогда».

Он рванулся вперёд. Хватал ленты торопливо, будто каждая из них была шансом, который вот-вот ускользнёт. Где-то внутри разыграло детское чувство восторга. Он не помнил, когда в последний раз позволял себе так забыться. В итоге набрал больше всех и вернулся к друзьям с гордо сияющим лицом.

— Ну что? Погнали, ребята? — весело спросил Виктор.

— Да, давай! Я уже хочу расслабиться и выпить, наконец! — нетерпеливо подхватил друг.

— Эй, Дред, это тебе не попойка — мы отмечаем дебют Алины. — с лёгким укором напомнил Виктор.

— Да пофиг! — пожал плечами тот и направился к выходу, не отпуская охапку шариков.

Разумеется, «Дред» — это кличка ещё со школы. В те времена все слушали альтернативный рок, а он ходил с дредами и кучей серёжек в ушах. Прическа давно канула в прошлое, но имя прижилось.

Все подошли к выходу из театра. Это был не главный выход, а боковой — как раз у панорамных окон. За стеклом маячила улица, а перед ними стояли автоматические двери. Дред вышел первым. Марк настороженно следил за его охапкой шаров, и, конечно, случилось то, чего он опасался: три шара, зацепившись за дверной проём, с треском лопнули. Следом шёл Виктор — не менее неаккуратно, но его шарики, будто из упрямства, остались целы. Марк, напротив, двигался осторожно, чуть пригнувшись, будто пряча от ветра драгоценный груз. Он аккуратно провёл свою связку сквозь двери. Троица, наконец, оказалась снаружи.

Дред, не выпуская из рук шары, попытался натянуть на себя куртку. Возня оказалась неудачной: часть шаров выскользнула и, не колеблясь, рванула вверх в тёмное небо. Вслед за ними из театра вышли трое ребят — те самые, что сидели рядом на спектакле. У каждого в руках было по паре шаров. Увидев, как шары друга уносятся ввысь, они переглянулись, улыбнулись и тоже отпустили свои. Все, включая Марка, проводили их взглядом, наблюдая, как они кружатся, растворяясь в прохладном вечернем воздухе субботы.

Марк всё ещё был в куртке — он так и не снял её за весь спектакль. Зато Виктор, одной рукой держа свою охапку, другой пытался расправить длинное пальто.

— Дай, я подержу, — предложил Марк, подходя ближе.

— Да, конечно, — с благодарной улыбкой ответил Виктор и с радостью передал ему связку.

Он поправил воротник, застегнулся и уже собирался забрать свою добычу обратно, как Марк, прижав ленты к груди, усмехнулся:

— Нет, не отдам!

— А ну, давай сюда! — не растерялся Виктор, мгновенно схватил его и начал щекотать.

— Ааа! Это нечестно! Нечестно! — смеясь, вскрикнул Марк, отступая назад.

Наконец, он сдался и протянул ленты обратно. Виктор с победной улыбкой забрал их.

Трое возможных знакомых с некоторым удивлением наблюдали за этими дурачествами. Казалось, будто друзья так и не выросли со школьной скамьи — всё те же весёлые, озорные ребята.

Дред прикурил сигарету, сделал пару шагов и махнул в сторону дороги:

— Пошли через площадь, я там припарковался.

Марк, удивившись, переспросил:

— А как же Алина?

— Она сейчас со своими поужинает, отметит там немного и через часок подтянется, — отмахнулся Виктор. Потом повернулся к троице: — Вы с нами или как?

— Мы на своей поедем, — ответил высокий, почти тощий парень с чёрными волосами. Он демонстративно достал из кармана ключи и звякнул ими, как бы подчёркивая: «Мы самостоятельные».

— Хорошо, — кивнул Виктор, и, поймав удивлённый взгляд Марка, тихо пояснил:
— Это друзья Алины, они тоже с нами будут отмечать.

Все дружной компанией направились к скверу. В расслабленной, тёплой обстановке, среди людей, которых Марк знал уже много лет, он наконец позволил себе немного отпустить напряжение. Тревога и внутреннее волнение отступили. Хотя бы ненадолго он мог быть собой. Он улыбался, шутил, поддевал друзей, а те привычно отвечали тем же.

Когда они перешли дорогу и ступили на брусчатые дорожки сквера, Дред подтянул один из шариков за ленту, взял за узелок и резко поднёс ко рту. Марк с удивлением и лёгким смутением наблюдал за происходящим. Дред вгрызся в шарик с такой силой, что тот сразу же лопнул. Марк вздрогнул. Но друга это только развеселило. Он уже тянул за следующую ленту.

На этот раз он действовал иначе: вытянул горлышко шарика за узелок, прикусил и перекусил. Изнутри зашипел гелий и Дред с жадностью стал его вдыхать. Затем, раскинув руки, он повернулся к друзьям и начал говорить глупости забавным мультяшным голосом. Не рассмеяться было невозможно. Виктор тут же схватил другой шарик и тоже попробовал вгрызться в него сбоку. Шар гулко лопнул. Марк недовольно посмотрел на него, и Виктор, поймав этот взгляд, спросил:

— Что такое?

— Да ничего, — чуть раздосадовано пробормотал Марк.

Но Виктор уже тянулся за следующим шариком. Прежде чем укусить, он вновь взглянул на Марка:

— Что?

— Ты мог бы... не лопать их, — смущённо сказал Марк, потупив взгляд. — Они же такие красивые. Мне они нравятся.

— А! Ну да, точно! Ты же любишь шарики! — весело отозвался Виктор. — Совсем забыл!

Марк тут же покраснел, испуганно огляделся по сторонам. С ними рядом шли трое малознакомых ребят, да и в сквере было немало прохожих. Сердце забилось чаще.

— Перестань, всё нормально. Мы же свои! — сказал Виктор, дружески положив руку на плечо Марка и подмигнув ему с улыбкой. — Ща, попробую кое-что.

Он принялся с усердием развязывать шар: тянул, крутил, пытался зацепиться зубами за узелок. Шар лишь жалобно поскрипывал в его руках. Виктор снова посмотрел на Марка:

— Прости. — С этими словами он укусил шар, и тот лопнул. — Этот не поддался.

Но он не сдавался. Взял ещё один шар и продолжил попытки. Марк отвернулся не в силах смотреть, как даже самый близкий друг один за другим уничтожает то, что ему дорого. Однако, уже через секунду до него донеслось весёлое шипение — шар сдался. А следом голос Виктора, звонкий и комичный от гелия. Марк обернулся. Виктор дурачился, всем видом демонстрируя свою победу.

Он резко остановился прямо перед Марком, посмотрел тому в глаза и, говоря всё тем же смешным голосом, произнёс:

— Я же говорил, что справлюсь! — Он показал сдутый, но не лопнувший шарик. А затем, не спрашивая разрешения, засунул его в карман куртки Марка.

Так они и шли — весёлой, шумной компанией через сквер к своим машинам. Друзья смеялись, шутили, дурачились, перебрасываясь колкостями и глупостями. Виктор успел аккуратно развязать с десяток шариков и незаметно заполнил ими оба кармана куртки Марка. Дред продолжал по-своему — разрывал шары зубами, и некоторые из них лопались с грохотом, заставляя прохожих вздрагивать. В итоге к концу пути лишь у Марка осталась по-настоящему внушительная охапка — лёгкое, пёстрое облако гелиевых шаров.

Дред подошёл к нему, сунул оставшуюся поредевшую охапку шариков и, не дожидаясь ответа, залез в машину. Через секунду он приоткрыл окно и с усмешкой сказал:

— Ребят, я всё понимаю, но эти шары... вы сюда не впихнёте. — Он бросил взгляд на Марка. — Да, да, Марк. Это в первую очередь про тебя.

— Блин... — Марк задумчиво посмотрел на охапку. — Может, я на такси?

— Нет, — отрезал Виктор. — Мы берём их с собой. Все. Сейчас придумаем как.

Он обошёл маленький автомобильчик, внимательно осмотрел его со всех сторон, открыл заднюю дверь, нырнул внутрь по пояс и стал что-то активно перекладывать. Сзади слышались смешки и приглушённые перешёптывания друзей.

Мимо неспешно проехал чёрный седан. Он моргнул фарами и подал короткий сигнал клаксоном — друзья Алины. Дред снова высунулся в окно:

— Они уже уехали. Ну что, долго ещё?

Виктор подошёл к Марку, потянулся за шариками:

— Так, давай половину мне. Я первым залезу, а ты за мной. Осторожно.

— Ты серьёзно? — Марку было неловко и стыдно. Он чувствовал себя словно ребёнок с нелепой игрушкой. — Может, правда, я вызову такси?

— Нет, у нас уже есть такси. — Виктор с усмешкой кивнул в сторону водительского места.

И, как ни странно, его план оказался блестящим. Он умудрился разместить всех — и людей, и шары. Никто не пострадал, ничего не лопнуло, и даже сам Марк со своей охапкой ехал с комфортом.

Дред, оставшись за рулём, вежливо подвёз Марка до его дома. У подъезда они с Виктором вышли из машины.

— На, держи, только смотри, чтобы тебя не унесло куда-нибудь в страну Оз, — сказал Виктор, весело протягивая шары.

— Тогда держи меня! — в шутку откликнулся Марк, начав кружиться с охапкой шаров, словно лёгкий вихрь.

— Ребят, быстрее! Мы и так опаздываем! — крикнул из машины Дред.

— Ладно, пошли, я помогу, — сказал Виктор и понёс часть шаров следом за Марком в его квартиру.

Глава 4

Утром следующего дня Марк обнаружил себя в собственной постели. Он обнимал надувного дельфина, а его тело было едва прикрыто смятым одеялом. Открыв глаза и встретившись взглядом с мордочкой своего винилового друга, он вздрогнул и отпрянул. Перевернувшись на спину, Марк уставился в потолок — тот был усыпан воздушными шарами.

Он тихо простонал, сморщившись от боли в висках. В голове пульсировала единственная мысль: «Что вчера вообще было?». Попытка приподняться обернулась всплеском тошноты и тяжестью в теле — предательское похмелье. Поворочавшись немного, он решился всё-таки встать. Одеяло соскользнуло с его тела, и, глянув вниз, Марк замер.

— Вот чёрт... — выдохнул он.

В ту же секунду послышался звук. Кто-то шумел на кухне.

По телу Марка прокатилась волна ужаса, холодная, как январский ветер. Он метнулся к полу, схватил ближайшую декоративную подушку и прикрылся ею, насколько мог. Осторожно приблизился к дверному проему. Дверь была распахнута.

Высунувшись в коридор, он осторожно выглянул на кухню и тут появился Виктор. Он стоял в футболке, весело помахивая кухонной лопаткой.

— Эй! С добрым утром! — радостно сказал он, как ни в чём не бывало.

В ответ Марк тяжело вздохнул и скрылся в недрах комнаты. Он плюхнулся на край кровати, всё ещё придерживая подушку одной рукой. Сгорбившись, он ощутил, что память продолжает его подводить.

В комнату вошёл Виктор и торжественно протянул стакан с мутной жидкостью.

— На, выпей. Тебе полегчает.

Марк взял стакан и сделал большой глоток, почти залпом опустошив половину. Осторожно взглянул на друга и хрипло спросил:

— Что вчера было?

— А ты не помнишь? — Виктор улыбнулся, забавно приподняв брови.

— Нет, — растерянно сказал Марк и умоляюще посмотрел на него. — Только скажи, что я не натворил глупостей.

— Не натворил, — торжественно заверил друг.

— Ну... — Марк тяжело выдохнул. — Всё-таки, расскажи. Что было?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Виктор. — Болтали, смеялись, выпивали, слушали музыку. Обычная тусовка.

— И всё?

— Ага.

— А как я тут оказался?

— Ну... — Виктор усмехнулся, разведя руками. — Ты выпил. Сначала долго болтал с Дредом, потом пришла Алина, мы с ней зависли на кухне. Когда я вернулся, ты уже мирно спал на диване.

Марк допил остатки из стакана и поставил его на пол. Он устало провёл рукой по лбу и продолжил смотреть на друга.

— Алина ещё сказала... — Виктор хихикнул. — Что ты сексуально храпишь.

— Я храпел?! — Марк удивился.

— Тихонько, как сурок.

— Ясно... а что дальше?

— Ну, когда все разошлись, ты так и остался спать. А мы с Алиной... ну, ты понял... — Виктор деликатно кашлянул, прикрывая рот рукой. — Извини.

— За что? — Марк удивлённо приподнял бровь. — Вы это... прямо при мне?

— Ага, — весело кивнул Виктор. — Как же я тебе завидую — ты даже не пошевелился.

Марк шлёпнул себя ладонью по лбу.

— Потом Алина сказала, что тебя бы неплохо домой отправить. Я пытался тебя разбудить — без шансов. А ещё... — лицо Виктора озарилось воспоминанием. — Когда я вернулся с кухни, ты уронил коктейль и весь им облился. Я думал, ты вскочишь, но ты даже не перестал сопеть.

— Ого, — Марк сам удивился.

— Да уж. Ну, кое-как я тебя разбудил, хотя ты сопротивлялся. Вызвал такси, довёз до дома. Ты буквально вывалился из машины. Я понял, что один ты не доберёшься, и дотащил тебя сюда. Ты жаловался, что весь мокрый и испачканный. Я помог тебе снять куртку, рубашку и брюки — и уложил спать.

— И всё? Точно?

— Ага. — Виктор кивнул, не скрывая улыбки.

— Понятно... — Марк на секунду задумался. — А как же я остался... ну... совсем голый?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор. — Это ты уже сам.

Марк с облегчением выдохнул, но тут в его сознании промелькнула ещё одна тревожная мысль. Он сидел на кровати, а за спиной, во всей красе, возвышался надувной дельфин. Паника охватила его. Он округлил глаза и дрожащим голосом спросил:

— А это... ты уже видел? — он показал пальцем за спину.

— Ага, — Виктор кивнул. — Я вчера сразу понял — подцепил кого-то и отрывался по полной. Потому и спектакль забыл.

Марк строго посмотрел на друга, а тот рассмеялся.

Марк с усталостью в глазах откинулся на спину. Подушка съехала, едва не оголяя его полностью.

— Ладно, — махнул рукой Виктор. — Приходи в себя, умойся и иди на кухню. Я завтрак приготовил.

Он вышел из комнаты. Марк ещё некоторое время лежал, прикрыв лицо руками, — пытаясь собрать мысли и вернуть себе чувство реальности.

Позавтракав и немного придя в себя, Марк сидел на диване в гостиной. Напряжение всё ещё не отпускало его. Виктор это видел и чувствовал. Между ними всегда существовала странная, труднообъяснимая связь. По крайней мере, Марку казалось, что она странной.

Они были очень разными. Марк — сдержанный, нерешительный, предпочитал тихие вечера дома шумным встречам и вечеринкам. Виктор же, напротив, вечно искал приключений, не упускал ни одного повода повеселиться, был шумным, живым, бесстрашным. Он не раз подталкивал Марка к резким, импульсивным поступкам — к тем, на которые тот сам бы никогда не решился.

И всё же, при всей своей несхожести, они умели понимать друг друга без слов. Что-то тонкое и неуловимое связывало их, как будто за внешними различиями скрывалась та самая ниточка, по которой передаются взгляды, полунамёки, чувства. Марку было с ним трудно, но спокойно. А Виктору, казалось, всегда удавалось найти путь к его внутреннему миру, даже если сам Марк ещё не знал, где тот начинается.

Играя и слегка пиная ногой гимнастический мяч, Виктор подкатил его к Марку. Он с задором плюхнулся на него и начал раскачиваться, а потом и слегка подпрыгивать, с каждой секундой увеличивая темп.

Марк недовольно покосился на друга:

— Меня сейчас укачает.

— Ладно, ладно. — Виктор тут же остановился и сел спокойно, упершись ладонями в колени Марка. — Не парься, всё нормально. Мы с тобой и не через такое проходили.

— Ага, ещё клуб вспомни, — буркнул Марк с кислой миной.

— О, да! — Виктор расплылся в широкой улыбке. — Это была жара! Ты тогда отжигал не по-детски.

— Давай забудем уже.

— Да расслабься ты! Чего ты такой весь зажатый? Всё ведь круто — повеселились, ты наконец оторвался со своей... огромной синей штукой!

— Что?! — Марка передёрнуло. — Ты... о чём вообще?

— Ну, — друг рассмеялся. — Когда я уже лёг спать на диване, услышал, как у тебя за стенкой что-то поскрипывало. Может, кровать, может... ты с этой своей штукой.

— Что?! — на лице Марка проступил ужас. — Ты слышал? Ты... видел?!

— Нет! — Виктор покачал головой. — Не видел. Я закрыл дверь и всё. Но догадаться несложно.

Марк замер. Лицо его побледнело, он явно собирался провалиться сквозь землю. Виктор тут же сделался более серьёзным, выпрямился и твёрдо заговорил:

— Так. Слушай меня внимательно. Даже если бы я и видел, в этом нет ничего такого. Слышишь? Вообще ничего. Каждый имеет право на своё удовольствие. Это естественно. Думаешь, я сам не кайфую, когда мне хочется?

Он посмотрел на друга спокойно и прямо, почти по-отцовски.

— Я всё понимаю. Это твоё. И, честно, я бы даже позавидовал. У меня всё скучно и банально, а у тебя... ты хоть что-то чувствуешь по-настоящему. Мы с тобой знаем друг друга не первый год. Я знаю, кто ты. И я рад, что ты наконец-то отпустил себя хоть на чуть-чуть. Это классно, слышишь? Так держать. Перестань грызть себя по пустякам. Всё хорошо.

Стыд, смущение, наслаждение, странное чувство свободы и тяжёлые остатки похмелья смешались в голове Марка в дикий, головокружительный коктейль. Он мягко кивнул. Виктор, заметив это, наконец отпустил его колени, хлопнул по ним и, подпрыгнув на мяче в последний раз, встал.

— Мне уже давно пора. Ты как? Нормально?

— Да.

— Справишься? Не будешь тут убиваться в одиночку?

— Всё хорошо. — Марк как мог улыбнулся и кивнул.

— Вот и славно.

Виктор вышел в коридор и стал собираться. Он подхватил свои вещи, разбросанные по комоду, надел куртку и, уже стоя у двери, усмехнулся себе под нос:

— Ненасытный прыгун...

— Что? — переспросил Марк, приподняв бровь.

— Ничего, — быстро ответил Виктор, уже громче, с тёплой интонацией: — Береги себя!

Марк уловил в голосе что-то не совсем искреннее. Нотку шутливой лжи. Но переспрашивать не стал.

Виктор открыл дверь и, задержавшись на пороге, махнул рукой:

— Ну давай, до встречи!

Он уже шагнул в подъезд, как вдруг обернулся и добавил с озорной улыбкой:

— Кстати, классный мяч! Надо и себе такой прикупить.

Глава 5

Одним обыденным тихим вечером Марк вновь сидел перед монитором. Он медленно покачивался на гимнастическом мяче, изредка подпрыгивая. Теперь он точно знал: приоритеты были расставлены неверно. Мяч не стоило сдувать и прятать на дальнюю полку — он прочно занял место компьютерного кресла, которое теперь обосновалось на балконе.

История за историей, Марк читал форум LoonerPlanet. Он наблюдал, как люди делятся опытом, откровенно рассказывают о самом сокровенном. Всё это поражало и восхищало. Он уже многое успел узнать: кто-то просто любит шарики и так называемые «надувашки», кто-то — именно процесс их лопания. Одни их бережно хранят и коллекционируют, другие — модифицируют, превращая в секс-игрушки. Были те, кто любит только шарики, и те, кто предпочитает исключительно надувных зверей.

Форум стал для Марка почти Библией. Но оставалась одна вещь, на которую он всё ещё не решался — написать самому. Рассказать о себе. Даже здесь, среди таких же, как он, в уютной атмосфере понимания, он боялся быть осуждённым. Ведь как признаться, что при всей своей любви к надувным вещам он также получает удовольствие и от их лопания?

Читая всё больше, Марк с тревогой начинал осознавать: таких, как он, здесь не очень любят. Любителей popping'a, так их называли, воспринимали с опаской — как угрозу хрупкому счастью, как разрушителей нежности. Это пугало. Он думал: «Неужели даже в своей грязной страсти я ничтожен и потерян?»

Мир надувной любви оказался сложнее, чем он ожидал. Его желания, чувства и игры порой противоречили друг другу. Он искренне любил своих воздушных и резиновых друзей, он впервые позволил себе это признать. И когда читал лиричные, почти романтические истории на форуме, как кто-то просто надувал игрушку, чтобы быть рядом, чтобы она просто радовала одинокими вечерами, сердце Марка наполнялось теплом. Эти рассказы были о любви. Тихой, необычной, но настоящей. Эти нежные рассказы о заботе и бережности к своим надувным друзьям мгновенно вернули Марка в детство.

В его жизни надувная игрушка появилась, как он всегда считал, довольно поздно — ему было около двенадцати. Каждое лето его родители уезжали в загородный дом, и Марка почти всегда оставляли там на всё лето с бабушкой.

То лето выдалось особенно жарким. Марк часто ходил на озеро, куда приходили как местные ребята, так и такие же, как он, городские — временные гости на каникулах. На озере был небольшой пляж, но он занимал лишь крошечную часть береговой линии. Самым интересным местом для подростков была дальняя часть — та, где над водой нависало большое поваленное дерево. Его корни подмыло озеро и теперь оно медленно, будто задумчиво, склонялось к воде. С него прыгали в озеро, как с трамплина, а чуть позже кто-то привязал к его толстой ветке тарзанку.

У Марка была всего пара друзей среди местных детей. Один был чуть младше, другой на пару лет старше. Этим летом всё изменилось. Тот, что младше, ещё два года назад уехал с родителями в другой город. А старшего приятеля отправили учиться в училище, а на каникулах сразу в лагерь. В это лето они уже не встретились.

Марку казалось, что он остался совсем один. Он переживал и стеснялся идти к поваленному дереву — там всегда толпились старшие ребята. Один, без друзей, он чувствовал себя уязвимым. Не потому, что боялся воды — наоборот, плавал он уверенно, легко держался на воде и чувствовал себя в озере как дома. Но без компании терялась уверенность — рядом с друзьями он смеялся, прыгал с дерева, раскачивался на тарзанке и даже забирался на самые высокие ветки, чтобы нырнуть особенно эффектно. А теперь всё это было как будто где-то в прошлом, далёком и недостижимом.

Тем летом Марк приходил к поваленному дереву не для того, чтобы прыгать. Он сторонился старших ребят, и если и забирался на ствол, то только туда, где было неудобно спрыгивать в воду. Туда, где можно было остаться наедине с собой. С этого места открывался хороший обзор на пляж, и Марк подолгу наблюдал за отдыхающими. Точнее — за надувными игрушками, которые они приносили с собой.

Обычно это были круги и маленькие пляжные мячики. Но иногда кто-то приносил с собой большую надувную игрушку: дельфина, матрас в форме кита или гигантского дракона. Тогда Марк замирал и наблюдал за ними, не отрываясь, затаив дыхание, будто хищник, притаившийся в листве. Он выглядывал из-за веток, чуть пожелтевших от солнца, и следил за каждым движением этих глянцевых существ. В глубине души он тайно надеялся, что, наигравшись, кто-то оставит игрушку на берегу или даже отпустит её в

озеро. Тогда бы Марк прыгнул в воду и со скоростью света поплыл бы к ней, к своей заветной мечте! Но реальность оказывалась куда менее щедрой: никто и никогда не бросал своих надувных друзей. Это только усиливало их ценность в глазах Марка.

Тем же летом в загородный дом приехали друзья родителей Марка. С собой они привезли свою маленькую дочь пожить пару недель на свежем воздухе. Марку поручили присматривать за ней. Он покорно согласился и, чувствуя ответственность, не отходил от девочки ни на шаг. Она была значительно младше него, но он охотно играл с ней в любые игры, какие только ей приходили в голову.

Когда она немного освоилась на даче, Марк предложил научить её плавать. Сначала у неё совсем не получалось, она даже расплакалась. Но Марк был терпелив. Он мягко, но уверенно подбадривал её, снова и снова заходил с ней в воду, показывал, как держаться на поверхности, как грести. И потихоньку девочка начала справляться. Она сияла от гордости, каждый раз, когда плыла чуть дальше, чем в прошлый.

На выходных к ним приехали родители девочки. Они были в восторге от её успехов и, сияя гордостью, преподнесли подарки — те самые, от которых глаза Марка вспыхнули ярким, почти детским восторгом. Пара небольших упаковок и одна большая коробка. Марк жадно рассматривал изображения на обёртках: надувной круг, нарукавники и... вот она, большая, по меркам Марка, надувная игрушка: ярко-жёлтый динозавр с фиолетовыми пятнами на спине. Он смотрел с упаковки добродушно и как будто прямо на Марка. Его взгляд был тёплым и дружелюбным, а улыбка почти живой. Сердце Марка замирало. В голове одна за другой закрадывались запретные мысли. Одна из них звучала особенно громко, пульсируя где-то под черепом: «Хватай коробку и беги! Беги!»

Пусть Марк и был тогда ещё совсем юным, он уже понимал, что это неправильно. Он был сдержан и кроток поэтому превозмог эти дикие желаниями и широко, искренне улыбнулся. Он подошёл к девочке и с теплом поздравил её с подарками.

Вечером Марк играл с девочкой в её комнате. Она долго рассматривала упаковку с надувным кругом — особенно ей нравился розовый цвет и девчачьи узоры. Вскоре она с сияющим лицом потребовала:

— Надувай, пожалуйста! И нарукавники тоже! Я завтра с ними пойду купаться!

Марк лишь улыбнулся и с готовностью исполнил просьбу. Он аккуратно надул круг и оба нарукавника, радуясь её восторгу. Затем с особым трепетом он взял в руки коробку с надувным динозавром и предложил:

— А давай и его тоже надуем?

Он смотрел на неё с искренним воодушевлением.

— Нет! — уверенно отрезала она.

— Почему? — удивился Марк.

— Я его боюсь. Он страшный, смотри какой...

— Ну что ты! — Марк мягко улыбнулся и, словно в игре, стал качать коробку на ладонях, будто она плывёт по волнам. — Он же улыбается! Смотри, какие добрые глазки. Он будет катать тебя по воде на своей широкой спине. А если кто обидит — защитит. Он большой, сильный и добрый. Правда-правда.

Девочка посмотрела на него, потом на коробку, нахмурилась и всё же кивнула:

— Ох, ну ладно...

Марк едва сдержал радостный вздох. Он с благоговением вскрыл упаковку, аккуратно достал игрушку и начал её расправлять. Динозавр оказался даже больше, чем он ожидал. Яркий, блестящий, с мягкими плавниками по бокам и теми самыми фиолетовыми пятнами на спине. Пока надувал, он не мог оторваться от него глазами. Когда игрушка обрела форму, Марк не сдержался — обнял её крепко, всем телом, зарываясь в гладкую виниловую поверхность.

Но едва он прижался к динозавру, как к нему подскочила девочка и с громким «Он мой!» стала вырывать игрушку из его рук. Марк тут же отпустил динозаврика, словно боясь причинить тому вред. Девочка обняла его, прижимая к себе, и с торжествующим возгласом швырнула игрушку на кровать.

— Он мой!

Тем летом динозаврик побывал на озере всего дважды.

В первый раз Марк взял его с собой, чтобы покатать девочку по воде. Он с радостью нёс яркую игрушку к озеру, воображая, как она будет кататься на спине большого доброго динозавра и смеяться от счастья. Но всё вышло иначе. Игрушка действительно оказалась слишком велика для неё — спина была покатою, и девочка снова и снова соскальзывала, недовольно хмурясь и отплёвываясь от воды. Марк ловил её

каждый раз, не давая упасть с головой, крепко придерживал и приободрял, но ей всё равно это не нравилось. Она морщилась, капризничала и в конце концов потребовала слезть.

Так как играть с динозавром она не хотела и даже побаивалась его, когда он оставался в комнате, было принято решение о его «выселении». Марк не позволил им просто выставить игрушку во двор. Он защитил динозаврика, как мог: уговорил бабушку не выносить его на улицу, мол, дети всё равно с ним не играют, а вдруг кто утащит или проткнёт. В итоге игрушка была бережно спрятана под лестницей, где хранились старые матрасы и кресла из ротанга. Марк знал: там динозаврику будет безопасно. И действительно, там он никому не мешал, никто его не трогал. Он жил там в тишине, как маленький тайный обитатель загородного дома.

Неделя пролетела незаметно, и вот в выходные за девочкой приехали родители. Они стали собирать вещи и искали по всему дому разбросанные игрушки. Девочка имела привычку оставлять их где попало — в тех местах, где переставала играть, или просто теряла интерес. Куклы, плюшевые звери, какие-то тряпичные клоуны — всё было раскидано: во дворе, на ступенях, в прихожей, даже на кухонном подоконнике.

Марк с сожалением, но всё же, собрав всё своё мужество в кулак, достал динозавра и аккуратно положил его на кровать в комнате девочки. Надувной зверь мирно покачивался, лениво шевеля боками от лёгкого летнего ветерка, что врвался в комнату через распахнутое окно.

Когда сборы были завершены и багаж погружен в машину, настало время прощания. Мать девочки уже устроилась на переднем сиденье, а отец в это время неуклюже пытался смять надутый круг. Марк поспешно остановил его:

— Вы позволите? Я помогу вам.

— Да, бери, — равнодушно протянул ему круг мужчина.

Марк ловко открыл клапан и стал сдувать его, следя, чтобы воздух выходил плавно, без резких звуков. Он аккуратно сложил круг, как что-то драгоценное, и бережно передал обратно. Но тут же заметил, как отец, даже не взглянув, скомкал его и с силой зашвырнул в багажник. У Марка внутри всё сжалось. Надежды, что с динозавром обойдутся мягко, начали стремительно таять.

— Ну что ж, мы поехали. Спасибо за гостеприимство — и тебе, особенно, — отец девочки вдруг строго посмотрел на Марка. — Спасибо, что присмотрел за Машей. И за то, что научил её плавать.

Он протянул Марку руку, и тот с волнением пожал её.

— Ах да! — вспомнил мужчина. — Там остался тот жёлтый надувной... зверь какой-то. Хочешь — забирай себе. Всё равно ты ещё на озеро пойдёшь, пригодится.

— Спасибо! — с трудом сдерживая радость, Марк крепче сжал протянутую руку и принялся с энтузиазмом её трясти.

— Ты не слишком взрослый для такого? — чуть удивился отец, но тут же улыбнулся. — Ну, детство на то и дано, чтобы дурачиться. Развлекайся.

Уже садясь в машину, он обернулся к Марку и добавил:

— Только я его вам во двор закинул. У кустов лежит, посмотри.

Марк замер. Ужас окатил его ледяной волной. Ведь под «кустами» он имел в виду заросли дикой ежевики — настоящие колючие дебри. Как можно быть таким щедрым и одновременно таким... жестоким? Он ждал. Ждал, пока машина тронется с места, пока бабушка не перестанет махать вслед, пока тишина загородного полудня не окутает дом. Только тогда он, весь дрожа, бросился спасать своего нового друга.

Тотчас же бросившись на задний двор, Марк так спешил, что споткнулся и с глухим вскриком упал. Он больно ударился коленом, кожа сразу же разорвалась, и тонкая струйка крови стекала вниз, щекоча кожу. Но он даже не посмотрел. Его не волновала боль. Пусть бы он сломал ногу, он всё равно бежал бы дальше.

Он подбежал к кустам. Да, вот он, динозаврик. Застрял на первых колючих ветках, чуть касаясь надувной лапкой земли. Его жёлтая, блестящая кожа мерцала в солнечных лучах, а фиолетовые пятна казались особенно яркими на фоне тёмной листвы. Марка тут же защипало в глазах. Он зажмурился, но слёзы всё равно начали стекать по щекам.

Он опустился на колени, а затем лёг на живот, осторожно подбираясь под колючие ветки. И тут один из шипов вонзился в кожу на предплечье. Он вскрикнул сквозь зубы, но не остановился. Тонкая алая царапина тут же выступила кровью. Он лишь сильнее сжал зубы и пополз дальше. Боль только прибавляла отчаянной решимости.

Протянув руку вперёд, стараясь не дышать, он кончиками пальцев коснулся знакомого, гладкого брюшка. Динозаврик был тёплый от солнца. Марк аккуратно потянул его на себя, освобождая из колючего плена. Медленно, почти молитвенно он вытянул игрушку на открытую траву. Динозаврик был цел. Нигде не было проколов, ни одного пореза, ни малейшего шипа, проколовшего его кожу. Он был невредим. Жив. Настоящий.

Марк обнял его, прижал к груди так крепко, будто боялся снова потерять, и несмело поцеловал в округлую щёку. Мир исчез. Боль исчезла. Время остановилось. Было только

это: тепло надувного тела, шорох травы, щиплющая кровь на коже и его дыхание — прерывистое, взволнованное.

Он склонился к динозаврику и начал шептать, почти не открывая рта:

— Я с тобой, мой хороший... я с тобой. Теперь всё. Мы вместе. Я тебя никому не отдам...

Он гладил его по мягкому боку, по загнутому хвосту, по пухлым лапкам. Так, как взрослые гладят ребёнка. В его груди кипела такая нежность, будто он спас не игрушку, но друга, родного, самого нужного. И, может быть, именно так всё и было.

Он ещё раз огляделся и, убедившись, что всё спокойно, тихонько прокрался в дом. Сердце колотилось — не от страха, а от волнения, от того особенного чувства, когда в тебе есть секрет, такой большой, такой драгоценный, что ты готов его оберегать как жизнь. Он зашел в ванную, вымыл окровавленные ладони, обработал порезы. Щипало сильно, но Марк не жаловался. Он смотрел, как розовая вода стекает в раковину, и думал только об одном: главное, что он цел, главное, что я успел.

Весь вечер он был как на иголках. Каждый звук за окном, каждый шаг по коридору вызывал тревогу. В голове крутилась одна мысль: лишь бы никто не нашёл, лишь бы не увидели. Он даже ночью не спал как следует. Несколько раз вставал, выглядывал в окно — стоит ли ещё за дровницей жёлтый друг?

И только под утро, когда небо стало серым и тихим, он накинул кофту, на цыпочках прошел через дом и снова вышел во двор. Динозаврик его ждал. Прямо там, где он его и оставил. Мягкий, тёплый от ночного воздуха, чуть влажный от росы.

Марк поднял его на руки, крепко обнял. Теперь он точно знал: они вместе. Он пронес его в дом незаметно через заднюю дверь и спрятал под лестницей, где раньше стояла старая коробка с инструментами. Там было темно, тихо, безопасно.

— Спи, мой хороший. Я рядом, — прошептал он.

После ужина, когда бабушка ушла на кухню, Марк вернулся за надувным другом и отнёс его в свою комнату. Он любил эти загородные поездки, ведь его комната находилась на втором этаже, куда бабушка почти никогда не поднималась из-за больных коленей. Для Марка это место стало настоящим убежищем. А теперь, когда в его мире появился динозаврик, эта комната превратилась в нечто большее — в целую вселенную, где было тихо, тепло и безопасно.

Он уложил динозаврика в постель, обнял, поцеловал в надутый лобик и уснул рядом с ним, не отпуская. Это был их первый настоящий вечер вместе.

На следующий день, когда бабушка уехала за покупками, Марк отправился к озеру, гордо неся динозавра в руках. Он шёл с ним не как с игрушкой, а как с другом, с тем, кто был ближе всех. И в тот момент он был до невозможности счастлив.

Но на пляже он быстро заметил, что сквозь песок пробиваются острые камешки, а дети, привлечённые яркой игрушкой, начинали подходить, трогать динозаврика, пинать его или пытаться оседлать без разрешения. Всё это Марк воспринимал как прямую угрозу. Сердце сжалось.

Он торопливо вернулся домой, спрятал динозавра в своей комнате, усадил на постель и крепко обнял. Он никогда прежде не разговаривал с вещами и не верил в одушевлённое. Но с ним не мог иначе. Он гладил гладкий пластик, шептал сквозь нежные поцелуи:

— Не бойся, малыш, всё будет хорошо. Мы больше туда не пойдём. Ты со мной. И я тебя люблю.

Так прошло всё лето. Он почти не ходил на озеро. Всё чаще и дольше оставался в своей комнате, рядом с ним. Он разговаривал с динозавриком, укрывал его, гладил, спал в обнимку даже в самую жару. Он не отпускал его ни на миг. Это была первая настоящая любовь в жизни Марка: чистая, тёплая, стыдливо спрятанная, но до дрожи настоящая. И только лето знало об этом. Только оно хранило эту нежность в своих закатах, своих ветрах, в лёгком колебании белых штор, в шорохе травы за окном.

Лишь лето знало, как сильно можно любить того, кто никогда не скажет тебе ни слова и всё равно всё поймёт.

А что сам Марк сейчас? Он чувствовал, что сам же предаёт и топчет свою любовь. Он использует надувные игрушки для грязи. Вдруг на самом деле у него чёрная и злая душа? Вдруг радость уничтожения — это радость его превосходства, власти? Эти мысли тяготили и душили. В бессилии справиться с очередной волной переживаний он принял решение: нужно с кем-то это обсудить. Но не с кем попало, а с тем, кто знает, понимает и разбирается.

Набравшись храбрости, он решил сделать небольшой пост. Текст был до банальности прост и начинался с: «Привет! Меня зовут Марк. Я люблю шарики и надувные игрушки...» Он написал всего несколько предложений, сухо описав предпочтения, и поспешно нажал кнопку «отправить».

Уже через минуту он пожалел о своем решении. Он импульсивно отправил сообщение, не дав себе до конца всё обдумать. А вдруг кто-то узнает в нём знакомого и выставит всем напоказ? Или же просто осудит и будет присылать оскорбительные сообщения.

Марк, немного волнуясь, обновил страницу, спустя несколько минут ещё раз. Никто не писал ему и не отвечал на пост. Томительное ожидание его угнетало. Не в силах больше переживать о своём признании, Марк решил отвлечься и заняться домашними делами и подготовкой к следующему будничному дню.

Утром, собираясь на работу, Марк заметил подозрительные сообщения на электронной почте. Это были дублирующийся ответы с форума. Рискуя опоздать, он спешно включил ноутбук и проверил свой пост. Ему ответили сразу несколько человек, в основном это были приветствия. Одно сообщение было особенно примечательным и восторженным: там пользователь с распростертыми объятиями радовался появлению Марка.

От прочитанного Марк весь просиял, а на душе стало тепло. Он даже почувствовал уверенность в себе. Ни одного негативного сообщения, лишь приветствия и поздравления. С улыбкой на лице он поспешил собраться и выйти на работу.

Будничный день проходил как обычно: работа, ни к чему не обязывающие разговоры с коллегами, обсуждения планов на выходные. Настроение у Марка было непривычно лёгким. Он даже позволил себе сделать пару лишних комплиментов коллеге, которая всегда была к нему особенно добра.

Вернувшись с обеденного перерыва, он увидел новые уведомления с форума. Но читать их не стал — на работе он старался не отвлекаться и всячески отгонял мысли, связанные с шариками и надувными игрушками.

Через пару минут пришло ещё одно сообщение, потом ещё. Марк нахмурился: похоже, в его теме что-то начало происходить. Осмотревшись, убедился, что никто не смотрит, и открыл телефон. На форуме его поприветствовали ещё несколько

пользователей, но главное — в личных сообщениях висело сразу несколько новых писем. Все от одного и того же человека. Марк сжал губы. «Ну вот. Началось. Сейчас скажут, что я больной».

Он открыл сообщения одно за другим — ничего страшного. Но одно всё же зацепило. Пользователь с ником ЛунныйЛунер написал, что стоит быть осторожнее в формулировках. Мол, на форуме есть недоброжелатели, и если кто-то заметит, что Марк не только любит надувные игрушки, но и интересуется парнями, могут быть проблемы.

Формулировки были мягкими, тон вежливый. Не нападки — скорее совет. Марк извинился и пообещал пересмотреть пост. Вскоре пришёл новый ответ с предложением просто пообщаться. Марк согласился. Переписка продолжилась.

ЛунныйЛунер писал спокойно и уважительно, без давления. Это Марку нравилось. Он терпеть не мог, когда кто-то лез в личное, а тем более сразу начинал с намёков или неприличных предложений. Такие он игнорировал. А тут было по-другому. Просто разговор. Без лишнего.

В целом, Марк всегда был открыт к общению. Но он не знал, как реагировать, когда разговор внезапно превращался в поток непристойностей, а тем более, когда ему присылали интимные фотографии. В таких случаях он сразу прекращал переписку и больше не отвечал.

Когда Марк с кем-то знакомился, для него было важно видеть лицо. Не просто фото — портрет. Он вглядывался во взгляд, улыбку, в мимику порой больше, чем в сами черты. Из-за этого он часто винил себя за поверхностность, ведь в итоге выбирал, как ему казалось, только красивых. Но психолог успокаивала его: дело не во внешности. Он ищет тепло, отклик, чуткость. Он смотрит не на форму лица, а на доброту, которая может светиться в глазах.

На этот раз аватарка собеседника и вовсе была рисованной. Но, странное дело, Марк не придавал этому значения. Он увлёкся самой перепиской. Казалось, собеседник будто угадывал его мысли: вопросы звучали вовремя, фразы были в точку, словно между ними существовало невидимое понимание. Когда в чате появился вопрос «Откуда ты?», Марк не стал задумываться — просто ответил. А в ответ получил: «О, круто! Я тоже. Давай встретимся?»

Вот тут Марк и растерялся. Он никогда не считал себя особенно привлекательным. Среднего роста, чуть не дотягивая до 180, с каштановыми волосами, зелёными глазами,

мягкими чертами лица и немного плотной фигурой — он сам себе казался заурядным. И был уверен, что именно поэтому до сих пор один.

Он написал: «Я подумаю». Но собеседник оказался настойчивым и нашёл отличный повод — предложил вместе сходить в магазин, который специализировался только на воздушных шарах. Там, по его словам, можно было найти буквально всё: от самых простых до редких коллекционных моделей. Он как раз собирался туда в выходные. Предложение было слишком заманчивым, чтобы его игнорировать. Любопытство взяло верх, и Марк согласился. Впервые за долгое время он почувствовал волнение — лёгкое, приятное. Они договорились встретиться в выходные. Марк откинулся на спинку стула и выдохнул. Было страшно, но почему-то хорошо.

Глава 6

Наступили долгожданные выходные. Марк всерьёз разволновался перед встречей. Настолько, что дважды переодевался, никак не решаясь, какую рубашку выбрать. В итоге, уже чувствуя, что опаздывает, он хлопнул дверцей шкафа и достал толстовку.

Он редко позволял себе яркую одежду, но вспомнил слова Виктора: «Ты всегда так строго и мрачно одеваешься. У тебя ведь есть целых три потрясающих ярких толстовки — хоть на выходные надевай их!»

Марк на секунду замер, затем, не раздумывая, схватил первую, что попалась под руку. Это была ярко-красная толстовка с бежевыми рукавами и принтом скейлера — подарок от дяди. Немного велика, но мягкая и уютная. Передумать было уже поздно. Он натянул её через голову и поспешил к выходу.

Договорённость о встрече тоже тревожила Марка. Он предложил встретиться в метро, но пользователь написал, что будет на своей машине и не хочет спускаться в подземку. Тогда Марк предложил встретиться на площади у выхода, чтобы не сообщать свой адрес сразу.

Пересекая площадь, он проверил телефон. В нём была наводка: тёмно-серый внедорожник с запасным колесом на задней двери. Он оглядел припаркованные машины — как назло в ряд стояли сразу три внедорожника и все были разных оттенков серого.

Марк никогда не водил машину и не хотел учиться. Его пугала сама идея управлять автомобилем. Да, многие справляются, но ему казалось это слишком тревожным,

непредсказуемым, даже опасным. А, живя в мегаполисе с развитым транспортом и вечными пробками, на метро он добирался куда быстрее чем это было бы за рулём.

Он медленно прошёл вдоль машин, всматриваясь внутрь. Все они были пусты. Обернулся — не стоит ли кто-то на площади, не машет ли рукой? Но вокруг лишь прохожие, спешащие к метро или выходящие из него.

Вдруг рядом с ним раздался короткий гудок. Марк не обратил внимания. Затем ещё один, более настойчивый. Он обернулся. У края проезжей части стоял тот самый тёмно-серый внедорожник. Водитель опустил стекло и, весело махнув рукой, позвал:

— Марк? Садись скорее!

Подходя к машине, Марк с лёгкой тревогой подумал: «Откуда он меня узнал? Он же никогда меня раньше не видел...»

Марку ничего не оставалось, кроме как сесть в машину. Закрывая дверь и пристёгивая ремень, он вдруг осознал, что даже не успел толком рассмотреть водителя. Осторожно, почти испуганно он взглянул в его сторону.

Это был мужчина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и удивительно глубокими, тёмно-синими глазами. Голос у него был низкий, но тёплый, почти ласковый:

— Не бойся, я не кусаюсь, — с улыбкой сказал он. — Я ЛунныйЛунер. А по-настоящему — Адам. А ты?

— Марк. Это и есть моё настоящее имя, — чуть смущённо ответил он, а потом не удержался от вопроса: — А как ты понял, что это я?

— Да просто, — усмехнулся Адам. — Три внедорожника, одна парковка у площади... Где же тебе ещё быть? Хотя, скажу честно — место для встречи неудачное. Парковка битком, еле остановился. Можно сказать, нарушил.

— Прости, я не знал, — виновато сказал Марк.

— Сразу видно — пешеход, — рассмеялся Адам.

Марк сидел неловко, будто не знал, куда деть руки. Он старался не касаться ни двери, ни панели. Адам это заметил:

— Да расслабься ты. Места полно, — сказал он, бросив взгляд на Марка. — Новоиспечённый лунер, свеженький. Ух, затискаю тебя!

Марк сглотнул, представив себе нечто пугающее. Адам рассмеялся и быстро добавил:

— Да я шучу! Ты, главное, не пугайся. Вид у тебя как у загнанного кролика. Спокойно. Мы просто едем в магазин закупаться шариками! — он снова бросил на него

быстрый взгляд. — И если тебе будет спокойнее: у меня есть партнёр, мы живём вместе уже пять лет.

— Понятно. Это... очень здорово. — Марк немного расслабился. — Хорошо, когда есть крепкие отношения.

— А ты расскажи-ка, как такой классный парень до сих пор один? Где такие вообще водятся?

— Да как-то само собой получилось... — пожал плечами Марк.

— А когда ты понял, что тебе нравятся шарики и надувашки?

Адам говорил так легко и непринуждённо, что Марку даже стало завидно.

— Я и сам не знаю... наверное, с детства они меня привлекали, но только недавно понял, что нравится это мне как-то не так, как всем.

— Не так, как всем... — Адам усмехнулся и покачал головой. — Да ты поэт! Скажи прямо — кайфуешь от них!

— Это как-то... слишком прямо, — покраснел Марк. — А ты?

— Я? С детства, как и ты. А потом как понеслось — ух! Теперь и не остановишься, — весело рассмеялся Адам. — Вот и сейчас еду закупаться. Через неделю у нас большая вечеринка для лунеров.

— Лунеров?

— Ну да, — кивнул он. — Лунеры — это мы с тобой. Любители надувного фетиша.

— Ого... Я и не знал, — Марк удивлённо приподнял брови. — А нам ещё долго?

— Нет. Магазин рядом. Но эти проклятые пробки! — раздражённо, но всё же добродушно проворчал Адам. — Ладно, расскажи, что ты любишь делать с шариками? И с надувашками?

— Ну... играть, — застенчиво сказал Марк. — А ты?

— Играть — это как? — Адам понизил голос, почти пародируя робкую интонацию Марка. — Поконкретнее?

— Эм... ну... — Марк замялся. — Сесть на надувашку и попрыгать... и на шарик тоже.

— Угу! — заговорил Адам своим обычным, низким, добрым голосом. — И шарик тогда лопнет, так?

— Ага, — тихо кивнул Марк.

— Интересно. А надувашка? — с долей иронии спросил Адам. — Также может лопнуть?

— Угу, — ещё тише.

— Значит, ты — лоппер. Это хорошо. Нас таких мало, — обрадовался Адам. — А как именно любишь лопать? Просто садишься и прыгаешь? Всё?

— Угу, — едва слышно.

— А пробовал надуть до лопа?

— Нет, — пробормотал Марк. — Я боюсь...

— Что? — Адам повысил голос. — Говори громче, а то я вообще ничего не слышу. Знаю, ты стесняешься и переживаешь, но постарайся, ладно?

— Хорошо, — чуть увереннее сказал Марк. — Нет, я не пробовал. Боюсь. И вообще, боюсь сам надувать.

— Серьёзно? — удивлённо вскинул брови Адам. — Тогда надо тренироваться! И чем раньше, тем лучше. Поехали к нам на вечеринку — налопаешься вдоволь!

— Я не знаю... надо посмотреть, свободен ли я... — Марк замялся.

Он не успел даже как следует отреагировать, как Адам протянул ему шарик:

— Надуй, а? Я за рулём.

— Может не надо? — растерянно пробормотал Марк.

— Да ладно тебе. Для меня! — Адам потянулся, выглядывая из-за руля, чтобы припарковаться. — Пожалуйста.

— Ну, я попробую... а он сильно большой должен быть? — Марк взял шарик. Это был простой красный, но даже в сдутом виде он казался крупнее обычных.

— Да! Огромный! — Адам повернулся к нему, отстегнул ремень и расплылся в широкой улыбке. Его глаза сверкали. — Давай, не стесняйся!

Марк вздохнул, готовясь к неизбежному. Всё в нём напряглось. Он сразу почувствовал — тут что-то нечисто. Его явно хотели спровоцировать: шарик наверняка будет надут до предела, стоит дунуть чуть сильнее и он взорвётся прямо в лицо.

Но делать было нечего. Он решительно поднёс шар к губам и начал надувать. К его удивлению, шар поддался сразу, мягко растягиваясь. Марк почти машинально ощупал его пальцами и понял: возможно его не обманули. Воздуха в шаре уже было много, а он всё ещё оставался мягким, огромным. Он продолжал дуть, с каждым разом всё решительнее, и даже начал понемногу получать удовольствие от этого ощущения — от его растяжения, упругости, размера. Он уже давно ожидал сопротивления, а оно всё не наступало. В этот момент его настиг не страх, а раздражение.

Отняв шар от лица, он хмуро спросил:

— А не пора ли остановиться?

Он взглянул вперёд и вдруг понял, что шар раздулся так, что упёрся и в лобовое стекло, и в переднее сиденье. Он буквально заполнил собой весь перед машины, расплываясь, как мягкое облако, по всему салону.

Вдруг на другом его конце с глухим «буф» влетел Адам. Он притворился, будто его придавило, и драматично завопил:

— Помогите! Я задыхаюсь! Шар пожирает меня!

Марк не выдержал и рассмеялся. Шутка была глупой, но обезоруживающе доброй. В отместку он отпустил горлышко шара, и тот со смешным, булькающим звуком начал сдуваться, извиваясь по салону, пока в итоге не прилетел точно в нос Адаму.

— А ты, оказывается, ещё и шутник! — фыркнул тот, почесывая нос, но всё равно улыбаясь.

— Стараюсь! — гордо ответил Марк, сияя.

Выйдя из машины, Адам протёр шарик ладонью, расправил его и тут же зажал горлышко между губ. Марк сразу понял, к чему всё идёт — будет лопать. Он невольно отступил на шаг, внутренне напрягшись.

Адам начал надувать. Быстро, ритмично, почти не делая пауз, будто в нём скрыт компрессор. Марк с изумлением наблюдал, как тот шар буквально на глазах разрастается, становясь всё больше и больше. Уже через минуту он был куда внушительнее того, с которым они сидели в машине. Шарик продолжал расти, неумолимо приближаясь к пределу. Горлышко вытянулось и раздулось, поверхность стала почти прозрачной, а сам шар принял вытянутую форму. Марк, не сводя глаз, машинально попятился назад, пока не упёрся в стену здания. Он даже не осознавал, что задержал дыхание.

И тут — гулкий, почти оглушительный хлопок. Шар взорвался, разлетевшись на тонкие, влажные лоскутки, которые осыпали Марка ярко-красным дождём. Он вздрогнул, прижал ладони к груди и отряхнулся. В ушах звенело, но в глубине души он даже почувствовал облегчение. Он выстоял. Пережил.

Адам рассмеялся, заметив его состояние:

— Здорово тебе досталось, дружок! Не оглушил?

— Нет... — Марк поморщился, но улыбнулся. — Я думал, он громче бабахнет.

На самом деле в ушах звенело так, будто где-то рядом бахнул фейерверк. Но он не стал в этом признаваться. Лучше уж пусть думают, что он храбрый.

— Значит, ты любишь так лопать? — спросил Марк, стряхивая с плеч остатки шарика.

— Обожаю! — с энтузиазмом ответил Адам. — Это называется надувать до лопа! Лучшее, что есть!

Он приобнял Марка за плечи и повёл в сторону входа:

— Пошли! Нас там шарики уже заждались.

Магазин оказался гораздо больше, чем Марк мог себе представить. До этого он видел воздушные шары лишь на крошечном прилавке в супермаркетах — пару пакетов в уголке, притёртых к праздничной мишуре и одноразовой посуде.

Здесь было иначе. Это был настоящий шариковый супермаркет: просторный, яркий, светлый. Вдоль зала тянулись белоснежные стеллажи, увешанные бесчисленными упаковками, сверкающими всеми цветами радуги. Где-то впереди высились корзины с гигантскими шарами. Всё помещение дышало каким-то особым, праздничным воздухом.

Марк застыл на месте, с удивленной гримасой на лице. Он даже не заметил, как приоткрылся его рот — так поразило его увиденное.

Адам подошёл к Марку, толкая перед собой тележку:

— Ну что ты застыл? Пошли выбирать! — Он улыбнулся и уверенно направился в первый ряд. — Ты какие любишь?

— Да обычные... — Марк пожал плечами и пошёл следом, оглядывая полки. Те были переполнены пёстрыми упаковками: шары всех цветов, размеров и форм. Иногда встречались открытые коробки с горками шариков и табличкой «поштучно».

— Ну... — протянул Адам, — Это понятие растяжимое.

— Я, честно, не знаю, — смущённо усмехнулся Марк. — Никогда такого не видел. Всегда думал, шарик — он и есть шарик, один и тот же.

— Да ладно тебе! — Адам рассмеялся. — Они бывают абсолютно разные: по форме, размеру, материалу, цвету, с рисунками и без. Вот, например, шарик на 12 дюймов — его не надуешь сильно, он лопнет раньше, чем станет большим.

— Понятно... — кивнул Марк. — А есть побольше, но не такие гигантские, как тот красный?

— Полно! — Адам широко развёл руки. — Все, какие хочешь!

— Хм... — Марк почесал затылок. — А я и не думал, что это всё так сложно...

— Это? Сложно? — фыркнул Адам. — Сложно — это организовать вечеринку с шариками для Лунеров, вот где задача.

Он ловко снял с полки две разные упаковки и повернулся к Марку:

— Какие цвета тебе больше по душе? Прозрачные или матовые? Хочешь, чтобы лопались громко или помягче?

Он взял одну из упаковок:

— Смотри, вот кристалльные, 16 дюймов. Цветные, полупрозрачные. Лопаются звонко, задорно. А вот пастельные, тоже 16 дюймов, но матовые, цвета более приглушённые. Эти рвутся мягче, нежнее. Что скажешь?

— Я даже не знаю... я ведь ничего из этого ещё не пробовал, — Марк смутился и украдкой оглянулся, опасаясь, что кто-то подслушивает их разговор.

— Значит берём всё! — с энтузиазмом воскликнул Адам и кинул обе пачки в тележку. Затем принялся активно снимать с полок другие варианты. — Ты у нас совсем ещё зелёный, но это поправимо!

— Ого... — Марк подошёл ближе и заглянул в ценник. — А они, оказывается, не такие уж дешёвые.

— Ещё бы! — хмыкнул Адам. — Тут же упаковки по сто штук — в основном для оптовиков.

Он подошёл к Марку и мягко обнял его за плечи:

— Не переживай. Я помогу тебе собрать пробный набор: так ты сам поймёшь, что нравится, а что нет. Потом будешь уверенно брать то, что нужно. И цену не смотри — у меня тут хорошие скидки, как у постоянного покупателя.

— Ты часто сюда приходишь?

— Чаще, чем ты думаешь! — Адам чуть встряхнул Марка за плечо и подмигнул. — В такие магазины закупаются организаторы мероприятий, а я, между прочим, этим и занимаюсь. Так что бываю здесь постоянно.

Дальше Адам уже не спрашивал Марка, какие шары тот предпочитает — он просто увлечённо накидывал пачки в тележку, будто собирал их для старого друга, вкусы которого знал назубок. Марк молча шёл следом, с каждой новой упаковкой всё сильнее напрягаясь — он судорожно представлял, во сколько ему обойдётся эта закупка.

К кассе корзина была переполнена. Шары то и дело стремились вывалиться через край и Адаму приходилось периодически поправлять их, возвращая обратно на вздымающуюся горку.

— Как много... ты уверен, что нужно так много? — с тревогой спросил Марк.

— Это ещё немного, — отмахнулся Адам. — Да и не всё это тебе.

Улыбнувшись, он подкатил тележку к кассе. Они вдвоём стали выгружать покупки на ленту. Марк даже немного устал, пока перебирал и аккуратно раскладывал десятки пёстрых упаковок. Когда всё наконец оказалось на ленте, он заметил, как Адам весело заговорил с кассиром, будто они были хорошо знакомы:

— Привет-привет! Ну как дела?

— Да всё хорошо! А твои как? — в тон ему хихикнула девушка за кассой. — Опять большая вечеринка?

— Да разве это большая! Так, чуть-чуть пошумим, — рассмеялся Адам и, не теряя времени, начал перекладывать покупки по пакетам на другом конце кассы.

Казалось, прошло около получаса, пока кассир медленно пробивала покупки, попутно болтая с Адамом. Тот в это время не терял ни секунды и ловко рассортировывал пакеты, аккуратно раскладывая пачки шариков. Наконец, на экране кассы появилась итоговая сумма.

Марк побледнел. Он машинально достал бумажник и начал искать кредитную карту, надеясь, что лимит не превышен. Но не успел он вставить руку в карман, как Адам резко схватил его за запястье крепко, до боли. У Марка вырвался тихий, испуганный «Ай!».

Адам наклонился ближе и сдавленно, но твёрдо сказал:

— Убери это. Чтобы я больше не видел сегодня твоего кошелька.

Он отпустил руку, и Марк непроизвольно встряхнул кистью — запястье всё ещё саднило. Адам, заметив это, чуть смягчил голос:

— Прости. Иногда не рассчитываю силу. С юности так... когда в лиге боролся. Хватка осталась.

— Мёртвая хватка, — пробурчал Марк, потирая руку.

— Точно! — засмеялся Адам. — Если я что и хватаю, то навсегда.

Они обошли прилавок и начали забирать пакеты. Адам вдруг остановил Марка жестом и отставил часть покупок в сторону. Кивнув на них, он сказал:

— Вот это твоё. Не стесняйся, бери. А остальное — нам на вечеринку.

— Ого, как много... — Марк поднял несколько пакетов. Они оказались ощутимо тяжелее, чем он ожидал. — Ничего себе...

— А ты думал, шарики невесомые? — усмехнулся Адам. — Подожди, вот когда будешь лопать, кайф почувствуешь.

Марк тут же покраснел и оглянулся: за спиной стоял кассир и ещё несколько покупателей. Он тихо прошептал:

— Потише!

— Да тут все свои! — громко рассмеялся Адам. — А для чего, ты думаешь, шарики нужны? Чтобы их лопать!

Марк почувствовал, как внутри всё сжалось. Щёки вспыхнули жаром, но он заставил себя сохранить нейтральное выражение лица. Он опустил взгляд, стараясь не встречаться ни с кем глазами, и изо всех сил делал вид, что всё в порядке. Как будто ничего не произошло. Как будто он совершенно не слышал этой фразы. Но внутри всё горело. Стыд жёг так сильно, что хотелось провалиться сквозь пол. Он лишь крепче сжал ручки пакетов и сделал шаг к выходу, стараясь держаться уверенно. Ни шагом быстрее, ни взглядом в сторону — лишь бы никто не понял, как он на самом деле вспыхнул.

Они подошли к автомобилю и стали раскладывать в багажник пакеты, стараясь не перепутать. Марк сунул руки в карманы толстовки и тут понял свой промах: пачки сигарет с собой не было. Он растерянно стал шарить по другим карманам, в джинсах, в рюкзаке — безрезультатно.

— Что-то потерял, дружок? — с интересом спросил Адам.

— Нет... то есть, да. Кажется, сигареты дома забыл...

— Фу! Ты куришь? — Адам театрально сморщился.

— Бросаю... — неловко признался Марк.

В ответ Адам выразительно закатил глаза и молча направился к водительскому месту. Марк обошёл машину и уже потянулся к дверце со своей стороны, когда Адам, копаясь в бардачке, сказал:

— Подожди, не садись.

Он извлёк изнутри немного помятую пачку сигарет и бросил Марку:

— Лови!

— А я думал, ты против.

— Против, — Адам сдержанно кивнул. — Но мой партнёр курит и прокурил свою машину до неузнаваемости. А в этой я не разрешаю, — он глянул на Марка чуть строже, но без злости. — Не кури, пожалуйста, в салоне.

— Конечно, — поспешно кивнул Марк. Он достал сигарету, прикрыл дверь и отошёл немного в сторону.

Он встал спиной к дороге, глубоко вдохнул и затянулся. Первые несколько секунд никотин отзывался лёгким головокружением. Марк прикрыл глаза. Он не просто курил — он дышал. Переводил дух. Всё, что происходило за последние пару часов, было слишком плотным, слишком насыщенным, слишком... настоящим.

Он выдохнул дым, смотря на пыльный асфальт, и на мгновение ощутил покой. В груди впервые за день стало чуть свободнее. Может быть всё не так уж страшно. Может быть, он справляется.

Тут рядом послышались шаги, и Адам с хохотом хлопнул его по плечу:

— Ну, так далеко убегать от машины необязательно! — подмигнул он. — Она ж не надувная, не лопнет.

Марк чуть дёрнулся от неожиданности, но тут же выдохнул, слегка улыбнувшись. Он молча пожал плечами. Марк всё ещё сгорал от стыда, но внутри будто бы стало немного теплее.

На обратном пути Марк всё же решился сообщить Адаму свой адрес и тот довёз его прямо до дома. У багажника автомобиля они остановились, чтобы разложить пакеты, и Адам, торжественно протянув их Марку, сказал с напутствием:

— Ну что, дружище! Это тебе. Наслаждайся! Но сразу всё лучше не лопай — опыта пока маловато. Надувай одну пачку, поиграй, потискай, ну и полопай, конечно. — он улыбнулся. — Надо же знать, насколько тебя хватит. Кстати, как ты их завязываешь? Небось верёвочкой?

— Да мне этого на всю жизнь хватит, — Марк приподнял пакеты и усмехнулся. — Да, как и все... но узелком я не умею, не получается, шарик всё время выскальзывает.

— А ты не облизывай его так страстно! — засмеялся Адам и достал из кармана шарик. Он быстро и ловко надул синий полупрозрачный шар с принтом фейерверков и поздравительной надписью. Немного оттянув горлышко, стал показывать Марку: — Смотри внимательно! Вот так: вокруг пальцев и внутрь — почти как шнурок, и готово!

Марк с изумлением наблюдал, как ловко и быстро тот завязал узел. Марк, занятый пакетами, не мог взять шарик напрямую и Адам слегка отодвинул правую руку Марка, просунув шар под мышку.

— Только не перетяни узел, — с доброй усмешкой сказал он. — А то, когда сядешь, он оторвётся и всё. — Адам смотрел на Марка с таким теплом, что тот невольно расплылся в улыбке.

— Марк, дорогой. Скажи, а как ты их будешь лопать?

— Ну... сяду и буду прыгать, — немного растерянно произнёс Марк.

— Голым? — прищурился Адам. — Это же райское наслаждение — кататься на шарике без одежды! Но смотри: когда он лопнет, резинка может больно хлестнуть. Если кожа чувствительная, может остаться след.

Он кашлянул и продолжил мягче:

— Лучше надень что-нибудь приятное, но хотя бы немного защищающее. Ну, спортивную одежду какую-нибудь.

Марк кивнул, не поднимая глаз.

— Если боишься громкого хлопка, знай: кристальные шары громкие. Надень беруши если надо.

— Спасибо! Ты даже не представляешь, что ты для меня сделал, — с искренним восторгом сказал Марк. — Сколько я тебе должен? Я могу перевести.

— Нет! Даже не вздумай! — тут же отреагировал Адам, наигранно насупившись. — Я обижусь. Это подарок новоиспечённому лунеру. Эдакий базовый комплект.

— Спасибо... — Марк смутился, щёки его порозовели.

— О, а как ты их надувать собрался? Ртом? — Адам уже рылся в багажнике.

— Ну... а как ещё?

— Вот, держи, — он протянул синюю пластиковую коробку. — Не стесняйся, бери! Это компрессорный насос. Всю пачку надует за пару минут. Попробуй парочку надуть до лопа — поймёшь, где у них предел. Потом проще будет ориентироваться.

— Ого... — Марк удивлённо взял насос за ручку сбоку. — Тяжёлый.

— А ты как думал? Зато мощный! — Адам обнял его крепко. Шарик под мышкой заскрипел, угрожающе натянувшись, и Марк судорожно попытался отодвинуть руку.

Адам шепнул на ухо:

— Да пусть уже лопнет наконец!

Почувствовав, как у Марка задрожали пальцы, Адам тут же ослабил хватку:

— Ладно, не бойся. Всё хорошо. Напиши мне потом, как поиграешь, хорошо?

Марк молча кивнул, сжимая в руках подарки. Он стоял на пороге новой жизни. Немного напуганный, но счастливый. Они попрощались.

Глава 7

На следующий день, вдохновлённый Адамом, Марк решился на смелый эксперимент. Он разложил пачки шариков на кровати и долго их рассматривал, не в силах выбрать, с каких начать. Взгляд его снова и снова возвращался к тем, что сияли яркими, насыщенными цветами — кристальные, 16 дюймов. Вспоминая советы нового друга, Марк аккуратно убрал остальные пачки в шкаф и стал перебирать полки, ища подходящую одежду. Наконец, его пальцы нащупали то, что нужно — старые, но плотные обтягивающие спортивные штаны для бега. Чёрные, гладкие, они идеально подходили для безопасных прыжков. К ним он выбрал простую спортивную футболку и бельё, которое долго хранил на особый случай — чуть более откровенное, чем обычно позволял себе носить.

Переодевшись, он почувствовал себя намного привлекательнее, увереннее и даже сексуальнее чем обычно. Приятное прикосновение скользящей ткани, плотно облегающей его тело, стало будоражить сознание. Он даже позволил себе немного провести руками по ногам, поднимаясь все выше и ощущая ладонями соблазнительно гладкую поверхность беговых лосин. Марк носил их, когда занимался активным спортом и поездками на велосипеде, но не придавал им такого значения, как в этот раз.

Зайдя в соседнюю комнату, Марк вставил в уши беруши и приготовился к эксперименту. Он подключил насос, распаковал пачку и устроился на диване. Первый шар — полупрозрачный, красный — начал надуваться, медленно и мягко округляясь. Размеры уже вызывали тревогу, но главный признак критического давления пока отсутствовал — горлышко оставалось тонким и не надулось. Марк решился нажать на кнопку подачи воздуха ещё раз. Шар слегка вытянулся, став продолговатым, и в этот момент он остановился. Осторожно оттянув горлышко, он попытался повторить движения, которым его научил Адам. Но дрожащие от волнения пальцы не слушались и шарик выскользнул, тут же со свистом улетаю по комнате. Марк с досадой вздохнул и, отложив поиски беглеца на потом, взял следующий.

Изумрудный шарик надулся даже больше предыдущего. Он оказался таким красивым, что Марк на мгновение забыл о цели и просто крутил его в руках, любуясь тем, как через полупрозрачный зелёный свет преломляется интерьер комнаты. Попытка завязать снова оказалась нелёгкой: пальцы ныли от натянутой резинки, но он упрямо продолжал. Сжав зубы, он резко и с силой натянул горлышко, обернул вокруг пальцев и, собравшись, пропустил хвостик внутрь петли. Получилось. Он даже не сразу поверил в это, но узелок держался! Счастливым, он аккуратно запустил шарик в свободный полёт по комнате и принялся стряхивать напряжение с рук.

Процесс оказался намного медленнее, чем он ожидал. За полчаса он надул около пятнадцати шаров и больше половины времени ушло на мучительные попытки завязать каждый из них. Но с каждым новым шаром движение становилось чуть увереннее, чуть ловчее. Он знал: это только дело опыта.

Марк продолжал, пока пальцы окончательно не онемели. К этому моменту он справился примерно с половиной упаковки.

Он встал с дивана и оглядел комнату. Шары покрывали весь пол, создавая пёстрый, воздушный ковер. Деревянного паркета больше не было видно. Несколько шаров уютно пристроились на компьютерном столе и подоконнике.

Тут взгляд Марка зацепился за знакомую деталь: на краю телевизора, свисая прямо на экран, болтался тот самый первый красный шар. Раздвигая полупрозрачные купола, он осторожно подошёл и снял его, с любопытством вглядываясь в чуть сморщенный от былого напряжения шарик. Потом, почти шепотом, сказал:

— Ну что, дружок, теперь ты будешь последним.

Он начал надувать шар, с замиранием наблюдая, как тот растягивается. Шарик быстро дорос до размеров остальных и стал больше. С ехидной улыбкой Марк нажал кнопку подачи воздуха ещё раз, словно испытывая судьбу. Шар раздувался всё сильнее, но, к удивлению, так и не лопнул.

— Упрямый, — пробормотал Марк и, решив больше не рисковать, ловко завязал его. На этот раз движения были точными, уверенными, и всё получилось с первого раза.

Какое-то время Марк просто сидел на диване, утопая в море шаров и наслаждаясь неопишимо прекрасной картиной своей мечты. Яркие цвета мягко переливались в солнечных лучах, проникавших в комнату. Весь пол был усыпан шариками, тихо

шуршащими при каждом дуновении сквозняка из приоткрытого окна. На подоконнике, прижавшись друг к другу, покоились два шара, словно милая пара на свидании, наблюдающая за всей этой разноцветной феерией.

Он чувствовал, как сердце его наполняется чем-то тёплым, но вместе с тем странно покалывает изнутри, как будто радость была неполной. Он поймал себя на том, что больше не хочет лопать эти шары. Они казались ему слишком живыми, слишком уязвимыми. Казалось, что они могут испугаться громкого звука. Или, может быть, это он сам боялся нарушить хрупкое равновесие.

Марк осторожно подтянул ноги на диван, перебрался на противоположный край, стараясь не потревожить ни одного шарика, и потянулся к столу за телефоном. Ему хотелось сохранить этот момент нетронутым, лёгким, почти волшебным. Но в этом желании пряталась и другая тоска — та, которую он давно носил в себе. Он мечтал, чтобы рядом был кто-то, кто мог бы просто сесть рядом. Тихо. Без лишних слов. Просто быть рядом, быть свидетелем этого чуда. Улыбнуться, может быть, погладить его по спине и сказать, что всё хорошо. Что он не один. Что он может быть собой.

Он сжал телефон в руках. Сделал несколько снимков, но радости они не принесли. Ему очень не хватало решимости. Он всё еще чувствовал себя будто на границе между мечтой и реальностью, между смелостью и страхом. И между этими двумя мирами он оставался один, хоть и в окружении сотни разноцветных шаров.

Сделав несколько снимков, Марк отложил телефон. Он потянулся к ближайшему шару — оранжевому, полупрозрачному, из кристальной серии. Покрутил его в руках, а затем поднёс к глазам и стал смотреть сквозь него на комнату, словно через яркую линзу. Мир менялся. Все краски, и без того насыщенные, теперь были перелиты тёплым янтарным светом. Шар дрожал в руках словно живой. Марк обнял его и осторожно прижал к груди. Погладил по тугой, упругой латексной поверхности и вдруг почувствовал, как внутри всё сжалось. Желание и страх переплелись в один узел. Он сжал шар сильнее, чувствуя, как тот вытягивается в его объятиях, поддается, натягивается, словно хочет раствориться в нём. Затем ещё сильнее. В голове всплыло одно из любимых видео: парень в маске сжимает шарик до предела, пока тот не...

Он набрал воздух и сжал изо всех сил. Шар выгнулся, вытянулся, плотно обволакивая его торс, горлышко натянулось, но шар не лопнул. Марк ослабил хватку, удивлённо посмотрел на него. Шар по-прежнему был цел. Тогда он крепко прижал его к

себе, словно в поединке, и снова сжал. Шар снова поддался, расплзаясь по его телу, пружинисто тянулся, почти дышал, но всё не взрывался. Тогда Марк осторожно положил шар на диван и, дрожа от предвкушения, стал забираться на него. Он опустился медленно, почти благоговейно, всем телом, стараясь не торопиться. Шар поскрипывал, вытягивался под ним, словно замирал, принимая вес. Эти ощущения были новыми. Глубже. Тоньше. Его спортивные лосины плотно облегли тело, каждое движение отзывалось ярче, каждый нерв казался открытым, обнажённым.

Секунда заминки, резкий толчок и мир взорвался хлопком. Комната дрогнула от звука, тело отозвалось горячей дрожью. Марк зажмурился и выдохнул как после бега, в грудь ударилось сердце, в низу живота разливалось тепло.

Его потянуло дальше. Второй шар он прижал спиной, медленно оседая на него всем телом. Каждый миллиметр резины, сдающейся под давлением, был как вызов. Он чувствовал, как поверхность натягивается, предательски скрипит, и снова — взрыв. На этот раз он рассмеялся — звонко, свободно, с хрипотцой. Смех тут же перешёл в стон, когда он понял, что лосины обжигают давят на возбужденное тело.

Один за другим шарики сдавались под ним. Он то прыгал, то всем весом вдавливался, и каждый хлопок был как электрический разряд. Всё вокруг исчезло. Остался только он, гулкая комната и эти взрывы, разрывающие воздух и его самого.

Наконец он отбросил обрывки латексных шаров в сторону и, не в силах остановиться, схватил мяч. Огромный, гладкий, упругий. Он манил, обещал не мгновенный взрыв, а долгую, упругую игру. Марк запрыгнул на него верхом, ухватившись ладонями за бока. Мяч пружинил, качал его вверх и вниз, толкал к собственной бездне.

Сначала он покачивался медленно, чувствуя, как мышцы натягиваются под обтягивающей тканью, как жар нарастает с каждым движением. Но вскоре ритм стал резче, быстрее, сильнее. Комната наполнилась скрипом пластика, стоном пружинистого шара и его собственным сбивчивым дыханием.

Он сжимался и распрямлялся всем телом пока наконец не потерял контроль. Последний рывок — и он рухнул грудью на гладкую поверхность, дрожа, вцепившись пальцами в мяч. В ушах звенела тишина после взрывов шаров, тело обмякло, а на губах застыла счастливая улыбка.

Марк лежал так ещё несколько мгновений, слушая, как сердце постепенно успокаивается. Лосины липли к коже, а мяч под ним всё ещё покачивался, словно напоминал: он жив, он настоящий и с ним не нужно притворяться.

Глава 8

Как правило, по вечерам Марк ехал домой словно на автопилоте: по той же ветке, в том же вагоне, не замечая лиц и остановок. Но раз в неделю всё менялось: в этот день он спешил. Офисная рутина сменялась бегом в метро, толпой, переходами, ускоренным шагом и всё ради того, чтобы успеть. Успеть в тот самый кабинет, где его ждал разговор, которого ничто не предвещало, но который уже давно стал частью внутреннего маршрута.

Марк опустил на диванчик напротив, будто возвращаясь в знакомое убежище. В комнате всё было неизменно: светлые стены, стопка книг на подоконнике, чашка с чаем в руках психолога. Эта тишина действовала на него почти как лекарство. Здесь не нужно было изображать кого-то ещё, можно было хотя бы немного быть собой.

— Как прошла неделя? — мягко спросила она, слегка склонив голову. Голос у неё был ровный, спокойный, с той самой интонацией, которая подталкивала говорить чуть больше, чем хотелось.

— По-разному, — Марк пожал плечами. — Иногда кажется, что всё под контролем. А потом ловлю себя на мысли, что снова думаю о том дне.

— О каком дне, Марк?

Он поёрзал, словно диван внезапно стал тесным.

— Я... да... — Марк замялся. — Но я не хочу сейчас об этом.

— Не хочешь, значит, не время, — она не настаивала, только чуть наклонила голову. — Но, знаешь, иногда то, что мы откладываем, всё равно возвращается.

Марк усмехнулся, скорее себе, чем ей.

— Оно и возвращается. Постоянно. Но я... я не готов.

Повисла пауза. Он сжал руки в замок и вдруг, будто оправдываясь, тихо добавил:

— У меня это всегда так. Сначала тянусь, хочу шагнуть... а в последний момент отступаю.

Она уловила главное, но не стала давить:

— И что ты чувствуешь когда отступаешь?

Марк посмотрел в окно.

— Злость. На себя. И... стыд. Будто я снова подросток, которого застали за чем-то... неправильным.

Он помолчал, собираясь с мыслями:

— У меня это с детства. Даже самые простые вещи могли казаться запретными. Помню, в школе на празднике я мечтал взять воздушный шарик. Просто взять как все. Но не решался. Стоял в стороне, делал вид, что мне всё равно. А внутри сгорал.

Её взгляд стал мягче, но голос оставался спокойным:

— Похоже, ты привык наказывать себя за свои желания.

Марк криво усмехнулся:

— Звучит почти как диагноз. Но да. Наверное, так и есть.

Марк замолчал и в комнате воцарилась тишина. Только секундная стрелка настенных часов двигалась с сухим щелчком. Он не отводил взгляда от пола, словно там было написано что-то важное, что он никак не мог прочесть.

— Марк, тебе тяжело говорить об этом? — тихо спросила она.

— Нет... — Марк помотал головой, потом усмехнулся. — Наоборот, слишком легко. Как будто стоит открыть рот и вывалится всё сразу. Но я не хочу... не хочу пугать вас этим.

Она слегка улыбнулась уголком губ.

— Меня трудно испугать.

Марк поднял глаза и на секунду задержался в её спокойном взгляде.

— Может быть. Но я боюсь сам себя. Иногда.

Анна сделала паузу, давая этим словам отзвучать.

— Боишься, значит, внутри есть что-то очень важное. Что-то, что ты пока оберегаешь. Мы можем вернуться к этому, когда ты будешь готов.

Он кивнул с облегчением и одновременно с досадой, будто втайне хотел, чтобы его всё же вынудили говорить, но при этом радовался, что этого не случилось.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Но, если честно... мне уже легче.

— Иногда достаточно даже не сказать, а просто признать: «Да, это есть». — она сделала паузу. — Это уже шаг.

Марк усмехнулся:

— Шаг... который я всё-таки сделал. Хоть какой-то.

— А значит, ты способен и на другие.

Он сжал пальцы и выдохнул. В этот момент ему впервые за долгое время показалось, что он не один против своей тени.

Марк взял чашку со стола, обхватив её обеими руками.

— Какой необычный привкус... и такой знакомый запах, — Марк покрутил чашку в руках, осторожно поднёс её к лицу и отпил. Тёплый чай будто скользнул внутрь, оставляя послевкусие воспоминания.

— Я рада, что ты заметил, — Анна улыбнулась и чуть наклонилась вперёд, её голос звучал особенно тепло. — Знаешь, я очень долго искала именно этот чай. Сегодня принесла его специально для тебя. Угадаешь, что это за аромат?

— Даже не знаю... но что-то до боли знакомое, — Марк вновь вдохнул запах, прищурился. — Напоминает железную дорогу. Это, наверное, глупо, но... я словно снова стою на том мосту с шариком в руках, смотрю вниз на поезда.

— Да! — её лицо озарилось радостью. — Ты прав. Это особый сорт, с лёгким ароматом пропитки для шпал. Я знала, что только ты это почувствуешь. В детстве я жила рядом с железной дорогой. Этот запах впитался в память, как у тебя.

Марк на секунду задержал взгляд на ней, кивнул, поставил чашку на столик. Затем медленно достал из кармана брюк маленький полиэтиленовый пакетик. Сжал его в ладони, как будто собирался с духом и протянул Анне.

— Когда я шёл сюда, подумал: вы — единственный человек, кому я могу это подарить. Возьмите, пожалуйста.

— Воздушный шарик... — Анна бережно взяла пакетик, её улыбка стала почти невесомой. — Спасибо, Марк. Это такой же, как в тот день?

— Да, — он слегка улыбнулся. — Думаю, если вы когда-нибудь решите украсить дом к празднику, он может стать частью этого. Или просто лежать в ящике. Всё равно он будет... с вами.

Анна чуть сжала пакетик, не пряча его сразу.

— Это очень трогательно. Такой подарок — всегда больше, чем просто вещь. Спасибо, что доверился.

Марк едва заметно кивнул. Для него этот жест был не просто спонтанным — он был шагом навстречу. Маленьким, но важным.

Марк вновь взял чашку чая, вдохнул аромат с тихим удовольствием. Запах, по-прежнему пронзительно знакомый будто возвращал его в особенное время. Он сделал ещё глоток, медленно смакуя вкус, позволяя ему растечься теплом по телу. В груди было

светло и спокойно. Он чувствовал себя до невозможности расслабленным и, наверное, впервые за долгое время по-настоящему счастливым.

— Я чувствую, что ты на пути к пониманию своего увлечения, — мягко сказала Анна, не сводя с него внимательного взгляда. — Скажи, был ли хотя бы один момент, когда твой фетиш не казался тебе постыдным?

— Да... — Марк чуть улыбнулся и поставил кружку. — Был один человек. Одно видео. Он делал всё это так... по-настоящему. Без кривляний, без фальши. В нём было что-то настоящее: уважение, любовь. Его глаза были счастливыми. Я до сих пор храню эти записи. Это было задолго до моих первых отношений. Я тогда просто случайно наткнулся на них, пересматривая ролики в сети. И с тех пор, — он слегка усмехнулся. — Я всё думал, как же он свободен. Как я хочу быть таким же. Как я хочу быть с ним.

Марк на мгновение задумался, опустив взгляд в чашку. Затем аккуратно поставил её на столик, чуть облокотился на подлокотник и заметил, что Анна наблюдает за ним. Мягко, но очень внимательно.

— А знаете... — его голос стал чуть теплее. — В прошлые выходные я всё же сделал шаг. Настоящий шаг.

Он улыбнулся. Небольшая, но искренняя улыбка.

— Я познакомился на тематическом сайте с одним лунером. Это те, кто любит шарики и надувные игрушки. Он мне столько всего рассказал! И даже повёл в магазин шаров. Представьте себе супермаркет, но вместо еды и бытовой химии всё уставлено пакетами с шарами. Полки до потолка! Я не знал, что вообще так бывает.

— Я так рада, Марк. — Анна тоже улыбнулась, прижав чашку к груди. — Это здорово. Ты молодец.

Затем, немного помедлив, она мягко добавила:

— Но ты ведь понимаешь... в новый мир не стоит нырять с головой. Постарайся идти постепенно, аккуратно, не теряя себя.

Марк кивнул. Он знал. Или хотел верить, что знает. И продолжил рассказывать: с живостью, со светом в глазах. Он описывал знакомство, дорогу, магазин, как старался завязать первый узелок, как у него всё не получалось, но потом всё-таки получилось. Анна слушала его с вниманием, которое не казалось холодной профессиональной выдержкой. Он чувствовал, что она действительно с ним прямо там, в том магазине, среди полок с шариками.

— Помните, я в прошлый раз говорил, что ходил в театр? — Марк хихикнул. — Такая у меня была насыщенная культурная программа! И, как ни странно, даже там без шариков не обошлось.

Он рассказал и про театр, и про вечер, и про утро после: про шары, про Виктора, про лёгкость и радость. Ему было хорошо. Впервые за долгое время он делился этим, не прячась, не фильтруя каждое слово.

Анна продолжала слушать с открытым вниманием до тех пор, пока он не обмолвился, что напился и уснул. Этот момент её взгляд стал чуть иным. Не жёстким, скорее чуть сдержанным. Как лёгкий ветер, сменивший направление. Марк уловил это сразу. Как будто в комнате стало тише. Он осёкся. И в ту же секунду внутри, как отклик, всплыла та история. Та самая, которую он всё время старался забыть. Про клуб. Про вечер, когда всё вышло из-под контроля.

Марк замолчал. Его губы ещё оставались в форме полуулыбки, но в глазах уже отражалась усталость. Он не знал, что сказать дальше.

Однажды, ещё во время учёбы в институте, Виктор уговорил Марка сходить в тематический ночной клуб. Вернее, буквально привёл туда, не оставив шансов отказаться. Марк никогда прежде не бывал в таких местах. Впрочем, он вообще редко бывал в клубах. Виктор же, наоборот, чувствовал себя в таких пространствах как рыба в воде: легко вливался в любую компанию, знал, как себя вести, как шутить, как зажигать. Даже его одежда всегда идеально попадала в настроение вечера.

В тот раз Виктор был в модных штанах с заниженной талией в стиле милитари и немного облегающей, но не кричащей футболке. Марк, напротив, выглядел так, будто сбежал с пары: прямые тёмные джинсы, светлая рубашка, тонкий кашемировый свитер. Чисто, аккуратно, но неуместно строго.

Уже у входа в клуб, в толпе огней и музыки, Марк одёрнул друга и замедлил шаг.

— Я не уверен, что нам стоит туда идти...

— Да что ты как школьник, ей-богу! — рассмеялся Виктор. — Там всё нормально. Люди как люди, просто веселятся. И, между прочим, клуб-то по твоей теме.

— Посмотри на меня, — Марк развёл руками. — Я вообще похож на того, кто ходит по клубам? Я... я даже одет не так.

— Это легко исправить! — Виктор ухмыльнулся и в мгновение оказался рядом. — Давай, не дёргайся, руки подними.

— Что? — Марк непонимающе глянул на него.

— Подними руки, говорю. Свитер снимаем.

Марк с недоверием подчинился. Виктор ловко стянул с него тонкий лазурно-голубой свитер и тут же повязал его себе на бёдра, словно аксессуар из модного журнала.

— Стой! Верни! Это подарок... он из чистого кашемира!

— Расслабься. С твоим свитером всё будет в порядке, — Виктор уже расстёгивал пару верхних пуговиц рубашки Марка. — Сейчас из тебя конфетку сделаем.

— Я в ужасе, — мрачно произнёс Марк.

— Да ты просто слишком красивый, чтобы это скрывать, — парировал Виктор, засучивая ему рукава до локтя. — Вот, так уже лучше. Гораздо.

Он отступил на шаг, критически осмотрел Марка, и, чуть прищурившись, подошёл ближе. Его рука без предупреждения потянулась к нижней пуговице рубашки — той самой, что прямо у ширинки, и одним движением расстегнула её.

— Ты что творишь?! — Марк захлопал глазами, растерянно улыбаясь.

— Финальный штрих, — невозмутимо сказал Виктор. — А теперь пошли.

Марк вздохнул и последовал за другом, ощущая себя абсолютно не в своей тарелке — будто вышел на сцену без сценария и в слишком откровенном костюме. Но было и кое-что другое. В самой глубине, лёгкое, почти трепетное тепло: не каждый день кто-то рядом так ловко и по-дружески помогает тебе стать чуть смелее, чем ты привык быть.

Внутри клуба было темно. Оглушающая музыка пульсировала в груди, пытаясь подстроить сердце под свой ритм. В зале сновали световые лучи проектора и всполохи софитов, отражаясь от стеклянных бокалов и блестящей кожи. На танцполе толпилось всего несколько человек, большинство же сидели за столиками или кучковались у бара.

Марк и Виктор сразу направились к стойке. Заказали коктейли. Виктор потягивал свой напиток с видом человека, у которого всё под контролем. Он двигался в такт музыке, немного покачиваясь, ловко вписываясь в пространство. Марк же, наоборот, то и дело озирался, не зная, куда деть взгляд. Его плечи были напряжены, а пальцы теребили край стакана. Заметив это, Виктор заказал другу второй коктейль в надежде, что алкоголь хоть немного поможет ему расслабиться.

Тем временем на сцене появился ведущий. Музыка стихла до ритмичного фона, и парень с микрофоном стал заводить толпу, объявляя программу вечера. В голосе его звучала хрипотца, от которой у кого-то могли бы по спине побежать мурашки.

Алкоголь действительно стал действовать. Тревожность Марка немного приглушилась, и он позволил себе расслабиться. Они болтали о всякой ерунде: о музыке, об одежде, о соседях по барной стойке, и Марку стало казаться, что вечер обойдётся без лишних испытаний.

Пока он так думал, Виктор уже оглядывал зал, выискивая в толпе потенциально симпатичных парней. Наконец, он ткнул локтем Марка и заговорщицки прошептал:

— Смотри! Видел? Вон тот классный. Думаю, подойдёт тебе.

Марк обернулся и заметил парня с обнажённым торсом, который оживлённо смеялся в кругу друзей.

— Да не! Ты что... — он смущённо отмахнулся.

— Ладно, тогда смотри вон туда. — Виктор кивнул в сторону высокого парня в обтягивающей майке, что стоял у сцены и внимательно вглядывался в танцпол. — Тоже вариант, да?

— Ну уж нет, — Марк скривился. — Это вообще не мой тип.

— А этот? — Виктор развернул Марка лицом к зеркалу, и, указав на отражение, усмехнулся: — Вот, смотри, серьёзный, молчаливый. Прямо в твоём вкусе.

Они оба рассмеялись. Марк сделал глоток из бокала, перевёл взгляд на друга:

— Ты же знаешь, большинство здесь ищут кого-то на ночь. А мне такое не нужно.

— Ну, разок другой не страшно, — пожал плечами Виктор. — Скажи ещё, что у тебя не было ни одной короткой связи.

Марк посмотрел на него с почти извиняющейся улыбкой и отрицательно покачал головой.

— Серьёзно? — Виктор вытаращился.

— Да.

— Совсем?

— Совсем.

— Обалдеть... — выдохнул Виктор. Он даже ненадолго замолчал. — Ты знаешь, ты удивительно редкий экземпляр, Марк. Хрупкий и честный. Осталось только это принять и научиться не прятать.

Музыка неожиданно стихла и в зале снова раздался голос ведущего. Он энергично призывал всех к вниманию, весело объявляя конкурс. В его голосе слышалась уверенность: казалось, он был абсолютно в своей тарелке и обожал свою роль. Он пытался раззадорить публику, бросал шутки, хлопал в ладоши и стал звать добровольцев на сцену.

Но после смеха в зале повисла пауза. Откликнулся лишь один парень. Ведущий не сдался и стал ещё активнее подначивать толпу, обещая «мелкие, но пикантные» призы. Кто-то засмеялся, кто-то отмахнулся. И тут Виктор резко вскочил с барного стула и стал размахивать руками над головой.

— Вот здесь! Он здесь! — кричал он, указывая прямо на Марка. — Берите его, он наш герой!

— Ты что творишь?! — Марк ошарашенно обернулся к другу, вскинул руки, мотая головой. — Нет! Нет, ты с ума сошёл!

Он пытался спрятаться за стойкой, но всё было бесполезно. Один из участников шоу, подкачанный парень в кожаной жилетке на голое тело, уже направился к ним. Он подошёл к Марку, как будто они давние друзья, и, обняв его одной сильной рукой за плечи, мягко, но настойчиво повёл в сторону сцены.

— Пойдём, дорогой. Это будет весело, — сказал он с тёплой улыбкой, но напором, от которого не осталось простора для возражений.

— Я не хочу... — пробормотал Марк, неуверенно сопротивляясь. Он резко повернулся, протягивая руку к Виктору. — Я не хочу!

Его голос звучал глуше, чем он сам рассчитывал. В зале снова начинала подниматься музыка и слова тонули в низких басах. Виктор, заметив панику друга, приподнял брови, как бы говоря: «Расслабься, всё под контролем» и широко улыбнулся. Но Марк не улыбался в ответ. Он чувствовал, как мир снова летит под откос, словно толчок под лопнувший шарик. И хоть сцена казалась игрой, всё внутри кричало: это не игра. Он не готов.

Вскоре Марк уже стоял на сцене. Яркие прожекторы били в лицо, скрывая за ослепительным светом весь зал. Пространство за кромкой сцены стало бесплотным, распавшись на шум, гул и переливы света. Он стоял, будто на экзамене, на который его вытащили силком.

К нему тут же подошёл ведущий — высокий, громкий, слишком близкий. Он положил ладонь на плечо Марка и, сияя улыбкой на весь зал, воскликнул:

— Ну как тебя зовут, красавчик?

— Марк, — едва слышно выдавил он, будто имя застряло у него в горле.

— Вау! Какое красивое имя! — захлопал в ладоши ведущий и, не давая времени на реакцию, легонько хлопнул Марка по попе. — Ну что, готов к конкурсу?

Но никто не ждал ответа. Всё шло по заранее заданному ритму, в котором Марк был не человеком, а реквизитом шоу.

К ним присоединился третий участник и всех построили в линию. Следом аплодисменты и шорох каблучков: на сцену вышла драг-дива в блестящем корсете, с широким макияжем и царственной грацией. Она игриво вертела в руках пластиковую линейку и подошла к ведущему, демонстративно поцеловав его в щёку.

— Ребята, не разочаруйте девушку! — сказала она, развернувшись к участникам и хохотнув.

Марк пытался понять, что происходит, но его мысли взяли в шуме зала и собственном напряжении. Он улыбался механически, не чувствуя лица, лишь холод в ладонях и предательски сжимающийся живот. Что-то было не так. И предчувствие крепло с каждой секундой.

Когда ведущий объявил начало конкурса, Марк вздрогнул. Драг-дива шагнула к первому участнику, слегка наклонилась и с томным голосом произнесла:

— Покажи свою прелесть, сладкий.

Он без колебаний оттянул пояс брюк, выставив себя на суд линейки. Смех, аплодисменты, присвисты. Дива повернулась к публике и театрально вздохнула:

— Такой результат будет трудно побить!

Марк стоял, будто в тумане. Он чувствовал, как нарастает паника, как сжимается горло. Он не мог пошевелиться — только с трудом сглотнул. Его взгляд метнулся к краю сцены, в зал, к стойке... где-то там был Виктор. Где-то там был выход. Он хотел что-то сказать, отступить, уйти, но ноги будто приросли к полу. А драг-дива уже шагала к следующему...

Ужас и оцепенение охватили Марка. Он чувствовал, как паника нарастает волнами, будто тёмная вода, переливающаяся через край. Пот выступил на лбу, в ладонях, за воротом рубашки. Он покосился в сторону выхода инстинктивно, судорожно, но на краю сцены, словно привратник, стоял всё тот же парень в кожаной жилетке. Его руки были скрещены, лицо спокойное, но в глазах читалось: «Ты никуда не пойдёшь». В голове Марка стучала одна мысль, пульсируя в висках: «Я в ловушке. Это конец».

Второго участника встретила такая же сцена, как и первого: лёгкий смех, игривые комментарии, щелчок линейки. И вот теперь шаги драг-дивы к нему. Её каблуки будто врезались в пол, каждое «тук» звучало, как выстрел.

Ведущий положил ему руку на плечо и сказал чересчур добродушно:

— Ну, Марк, не подведи! Я за тебя болею!

— Покажи мне свой леденец, дорогой, — протянула драг-дива, подмигивая и уже поднимая линейку.

Марк застыл. Его трясло. Он не мог дышать — словно в лёгкие налили густой туман. Всё внутри сжалось. Казалось, что вот-вот польются слёзы. Он хотел уйти, просто прыгнуть со сцены и исчезнуть. Но тело не слушалось. Толпа молчала. Давление росло.

— Давайте поддержим Марка! Громче! — воскликнул ведущий, хлопая в ладоши. — Ещё! Он просто стесняется, ребята! Это нормально! Все мы когда-то были новичками!

Марк понял: выхода нет. Или бежать, или... согнуться. Он тяжело выдохнул, будто ныряя в ледяную воду, и, дрожащими пальцами, медленно расстегнул ширинку. Тишина на мгновение стала почти гулкой. Он чувствовал на себе все взгляды, даже не видя лиц.

Драг-дива слегка скривилась в ухмылке и протянула:

— Ну... не плохо, конечно. Но я надеялась на большее!

— Эх, Марк, ну что ж ты так перенервничал? — театрально сокрушался ведущий, развернувшись к залу. — Но вы не судите строго, он просто застенялся! Давайте поддержим парнишку, а?

Аплодисменты. Смех. Кто-то посвистел. Марк торопливо застегнул молнию и шагнул в сторону, к выходу, но парень у края сцены покачал головой: нет. Он не отпустит.

Ведущий тем временем объявлял результаты. Победителю — бутылка игристого и годовой сертификат в элитный спортзал. Второму — сертификат на массаж. Марк почти не слышал. Всё слилось в глухой шум, как будто он оказался под водой. Лишь собственное сердцебиение отдавалось в ушах гулко и болезненно. Он стоял как в вакууме. Всё внутри опустело.

И только когда к нему подошёл ведущий с перевернутой фетровой шляпой, накрытой платком, сознание чуть прояснилось. Ведущий театрально воскликнул:

— А теперь и твой приз, дорогой! Пусть и утешительный, но не менее ценный! Давайте аплодисменты Марку!

Марк застыл. Пауза длилась дольше, чем нужно. Все ждали. Он протянул руку. Пальцы дрожали. Он аккуратно поднял платок, словно открывая капкан.

Внутри — кучка смятых купюр разного номинала, и сверху — маленький листок. Ведущий вытянул его и с улыбкой зачитал:

— Бесплатные напитки для тебя и спутника на всю сегодняшнюю ночь!

Толпа взревела. Кто-то рассмеялся. А Марк стоял с пустыми глазами, сжав в руке клочок бумаги. Он чувствовал себя не победителем, не проигравшим, даже не участником. Он был вещью, забавой, и только где-то глубоко внутри теплился еле заметный стыд за то, что не смог уйти.

Наконец, после бурных поздравлений, аплодисментов и вручения призов Марка отпустили. Он спрыгнул со сцены со скоростью пули и нырнул в толпу. В зале царили тьма, неоновый свет, грохочущая музыка и размытые силуэты. Он словно оказался в незнакомом лесу во время урагана — всё мелькало, сливалось, и невозможно было сориентироваться.

Марк пробирался сквозь тела, вспышки, запахи алкоголя и пота, отчаянно и вслепую ища бар и Виктора. Его трясло. В пальцах он всё ещё сжимал свой утешительный приз, как будто он был чем-то важным или наоборот лишним, липким напоминанием о пережитом. Слезы подступали к глазам, но он моргал, не давая им пробиться, стискивал зубы, шёл дальше.

Наконец, в просвете между людьми, он увидел знакомую фигуру друга у барной стойки. Подойдя почти вплотную, Марк резко бросил ему в грудь шляпу с деньгами и билетом, и глухо, сквозь зубы процедил:

— Ненавижу тебя.

Он не ждал ответа, толкнул Виктора плечом и, развернувшись, ушёл в темноту коридора.

Он не знал, куда идёт. Ему было всё равно. Лишь бы найти хоть какую-то щель, укрытие, место, где можно сжаться и исчезнуть. Первый поворот вёл в тупик. Второй тоже. И лишь на третьем он заметил светящуюся вывеску: «Туалет».

Внутри — тихий приглушенный свет, запах дешёвого дезинфектора и кафель, будто нарочно отражающий всё до мельчайших деталей. Кабинки оказались без дверей. Ни уединения, ни защиты. Всё открыто. Уязвимо. Но дальше идти было некуда.

Марк дошёл до самой дальней кабинки и сел прямо на крышку унитаза, уткнувшись лицом в руки. Он плакал. Громко. Сдавленно. С рыданиями, которым давно нужен был выход. Клубная музыка доносилась глухо и это, к счастью, заглушало его голос. Здесь, пусть и на открытом месте, он мог наконец сорваться.

Он не знал, сколько просидел так. Минуту? Пять? И вдруг — рядом шаги. Кто-то подошёл. Тихо. Осторожно. Чужая рука коснулась макушки и ласково потрепала его волосы. Марк вздрогнул и поднял голову.

Перед ним стоял стройный парень с доброй, до невозможности тёплой улыбкой.

— Не плачь, — мягко сказал он. — Оно того не стоит. Правда. Что бы там ни случилось, ты не обязан проходить через это один.

Марк смотрел на него ошеломлённый. Слова, простые и тёплые, как одеяло, будто выдернули из него пробку, выпустив напряжение. Незнакомец протянул к нему руки:

— Давай. Я тебя обниму. Просто так.

Марк встал. Они обнялись. Без лишнего. Без слов. Несколько секунд, но будто целая вечность. Объятия были тёплыми, спокойными, словно кто-то взял его боль и немного понёс вместе с ним.

Парень чуть отстранился, поцеловал его в щёку и шепнул:

— Ты невероятный. Береги себя.

Он ушёл. А Марк остался, прислонившись к стене кабинки, постепенно возвращаясь в себя. Он умылся, посмотрел в зеркало. Усталое, вспухшее лицо, красные глаза. Но внутри чуть больше тепла, чем минуту назад.

Когда он вернулся к Виктору, тот уже заказал коктейли и с озадаченным видом озирался.

— Ну ты где пропал-то? — спросил он, стараясь казаться беззаботным. — Я уже начал переживать.

— Мне нужно было остыть, — твёрдо сказал Марк. Он сел рядом. Взгляд его был сосредоточен. — Ты понимаешь, что подставил меня?

— Да ладно тебе, — Виктор всплеснул руками. — Я не подставлял. Я просто... хотел, чтобы ты расслабился. Повеселился.

— Я там чуть не умер, — Марк покачал головой. — Это не «повеселиться». Это было насилие. Я не был готов.

— Ну, честно? — Виктор смутился. — Я думал, там конкурс будет типа танцевального... не знал, что такое. Правда. Прости.

Он протянул коктейль. Пауза. Марк взял его, не глядя. Сделал глоток.

— Смотри, какие крутые призы! — попытался вернуть лёгкость Виктор. — Халявный бар и куча денег!

Марк слабо усмехнулся. Устало. Горько. Виктор понял. Серьёзно взглянул на друга.

— Ладно. Прости. Реально. Я перегнул. Не думал, что всё вот так выйдет.

Марк молча положил руку ему на плечо и слегка сжал. Знак, что он услышал. Понял. Но рана всё ещё открыта.

Они сидели молча. Музыка снова взяла своё. Лица за соседними столиками светились огнями экрана, люди смеялись, танцевали, пили. Всё вокруг будто не заметило, что Марк только что пережил конец света, пусть и маленький, но свой, настоящий.

Он сделал ещё глоток коктейля, стараясь не думать. Не чувствовать. И только где-то внутри тихо пульсировало: «Я больше так не могу. Никогда больше».

Глава 9

Марк запрокинул голову назад, сидя на диване, и зажмурился. Он провёл ладонями по лицу, будто стирая всё, что только что чувствовал, и тяжело выдохнул. Тишина, что наполняла комнату, оглушала. В ней гудело слишком многое. Он ощущал себя маленькой каплей в огромной воде — неподвижной, но дрожащей.

— Ты сказал, что хочешь вернуться к самым тяжёлым моментам. Тогда давай попробуем осторожно и бережно вспомнить их, — уверенным, добрым и проникновенным голосом сказала Анна, возвращая Марка в реальность.

— Фух! — Марк громко выдохнул, возвращаясь в привычную позу — Да. Один день, который я прокручиваю уже в сотый раз в голове. И это даже не тот, когда Алекс ушёл. Я помню только его последнюю фразу, что мне без него будет лучше, что он лишь портит мне жизнь. Она постоянно отдаётся эхом у меня в голове, как и весь тот чёртов день! — Марк наконец посмотрел в глаза психологу. Он это делал крайне редко, избегая прямого контакта. — Я не говорил вам об этом потому что боялся, что вы не поймете, да и я сам себя не понимаю. Но тогда, за пару недель до своего дня рождения, я сказал Алексу про свой интерес к шарикам. И если бы он это не принял, то я бы сделал всё, чтобы

избавиться от этого интереса. Но он принял и сказал, что не видит ничего плохого и даже готов был попробовать.

Город погрузился в рождественскую суету. Повсюду праздничные украшения, гирлянды, светящиеся фигуры, олицетворяющие волшебство. Витрины соревновались в яркости: каждая стремилась перещеголять другую, крича о чуде.

Марк тоже был захвачен подготовкой. Он никогда прежде не устраивал праздничный ужин самостоятельно, поэтому волновался, суетился и одновременно был по-настоящему счастлив. Для многих предпраздничная беготня — мучение, но для него это было как попасть в Нарнию — новый, чарующий, ослепительно светлый мир.

Он с увлечением выбирал украшения для дома, шёл по списку продуктов, составленному заранее, и, самое главное, наконец определился с подарком.

Целый месяц Марк раздумывал, что подарить Алексу. Это был их первый совместный праздник, и подарок должен был быть по-настоящему особенным.

Он перебрал множество вариантов: кожаный портфель для партитур, изящный бумажник, кашемировый шарф, а может, новую цепочку к старинным карманным часам Алекса. Марк всегда находил в них особое очарование — в этих часах была история, жест из прошлого. Но у них не было цепочки, и Алекс просто носил их в кармане брюк.

Войдя в торговый центр, Марк уверенно направился в знакомый бутик, в который заглядывал не раз. На этот раз он точно знал, за чем пришёл.

Поздоровавшись с продавцом, который его узнал, он попросил показать один бумажник. Он уже держал его в руках раньше и теперь просто нуждался в последнем взгляде чтобы быть уверенным: это тот самый.

Он кивнул, и, не раздумывая больше, попросил его аккуратно упаковать, после чего отправился к кассе.

Выйдя из магазина с заветной коробочкой в руках, он сразу направился в лавку сувениров выбрать праздничную упаковку.

Он знал точно, какую хочет: белую, с рисунками нот, музыкальных инструментов и силуэтами людей, играющих на них.

Вежливо попросил строгий, но изящный бант — не вычурный, а утончённый, как Алекс.

Когда всё было готово, Марк бережно убрал подарок в пакет и с лёгкой улыбкой направился за остальными покупками.

На рождественском богослужении Марк не мог усидеть на месте: он украдкой поглядывал на часы и с нетерпением ждал окончания службы. Поздравив родителей, он тепло попрощался и поспешил домой. Всю дорогу в голове прокручивался план на день: закончить украшение дома, надуть шарики и не забыть про пирог, и обязательно проследить за временем его приготовления.

Всё угощение он решил приготовить сам. Марк вообще любил готовить, делал это неплохо, но в этот раз готовка вызывала не только радость, но и трепет. Он словно собирал всё своё тепло и любовь, чтобы вплести их в праздничный стол.

На горячее — кролик, приготовленный по-старинному, почти античному рецепту. Алекс изучал историю, увлекался ею всерьёз, и Марк с особым рвением искал для него нечто изысканное, с отголоском времени.

Каждая закуска, каждый гарнир были только теми, что нравились Алексу. Даже пирог он решил испечь сам, хотя раньше не решался — в этот раз всё должно было быть особенным. Всё ради него.

Увлечённо размешивая соус на плите, Марк негромко напевал любимый рождественский гимн:

*«Полный благости, полный радости,
Благодатный день Рождества...
Мир грехом томился — вот Христос родился...
Радуйся, радуйся, Божий люд...»*

Большая часть дня ушла на приготовления. Но Марк не унывал и с головой погрузился в хлопоты, старательно следуя плану. Почти всё время его сопровождал таймер: он напоминал не только о кулинарных задачах, но и обо всех остальных делах, которые должны были быть сделаны вовремя, строго по расписанию.

Даже к надуванию воздушных шаров Марк подошёл с аккуратной, почти военной собранностью. На постели он заранее разложил нарезанные отрезки верёвочек для завязывания и разложил рядом несколько упаковок шаров, купленных накануне в местном торговом центре.

Он надувал их уверенно, сосредоточенно, думая только об одном: нельзя терять ни минуты, всё должно быть идеально.

Когда всё было готово, он оглядел комнату и даже удивился, как быстро и гладко всё получилось. Гордо и с лёгкой улыбкой он окинул взглядом то, что создал своими руками: в центре кровати, словно главный герой сцены, возвышался большой голубой шар с глуповатой, но такой родной улыбкой — именно тот, с которого всё началось. Вокруг лежали ещё несколько шариков, аккуратно распределённых, а на полу раскинулась целая радуга: десятки ярких шаров, будто воздушное покрывало, скрывали паркет и превращали комнату в нечто нереальное. Казалось, постель парила в облаках, окружённая небом из латекса и предчувствием чуда.

Подарок Марк разместил под наряженной ёлкой так, чтобы он не бросался в глаза сразу, но и остаться незамеченным не смог. Он убрал с журнального столика все привычно разбросанные мелочи, сменив их на небольшой аккуратный рождественский венок со свечами.

Бросив взгляд на часы, Марк тихо выругался:

— Вот проклятие...

Стрелки приближались к семи. Не теряя ни секунды, он поспешил в ванную, на ходу срывая и сминая одежду. Скомканную рубашку он метко закинул в корзину, словно мяч в кольцо, и с неожиданной детской радостью хмыкнул, довольный попаданием.

В ванной он стоял под тёплой струёй душа дольше обычного. Вода стекала по телу, как будто могла смыть не только усталость, но и волнение. Марк прикрыл глаза и пытался представить, как всё пройдёт: как войдёт Алекс, как улыбнётся, как удивится.

Он вытерся, обмотал полотенце вокруг талии и подошёл к зеркалу. Его отражение смотрело на него с таким же трепетом, какой жил внутри. «Ты справишься», — сказал он себе, проводя рукой по щеке. — Сегодня всё будет по-настоящему».

Он долго выбирал, что надеть. Не слишком строго, но и не буднично. Хотелось быть красивым, но не нарочито. После нескольких попыток остановился на чём-то, что, по его мнению, могло понравиться Алексу: тёмные, мягкие брюки, уютный свитер с высоким воротом, который делал его особенно хрупким и домашним, чистые носки, чуть

смущающе смешные, с маленькими снежинками. Марк подумал переобуться, но потом передумал. «Пусть так. Это я».

Закончив, он ещё раз прошёлся по комнате, взглянул на шарики, лежавшие на полу. Марк решил аккуратно их поправить, двигая один чуть левее, а другой к ножке кровати. Смахнул с подоконника невидимую пыль. Подул на свечи, не зажигая их, — просто чтобы убедиться, что всё выглядит аккуратно. Дважды подошёл к зеркалу, поправил воротник. Остановился у двери, взгляделся в ёлку, в упаковку подарка под ней. Потом вернулся к постели и, как будто невзначай, ещё раз поправил тот самый шарик с глупой мордочкой.

Он стоял в центре комнаты и не знал, куда себя деть. Всё готово. Осталось ждать.

С каждой минутой ожидание становилось всё гуще, словно воздух в комнате становился плотнее.

Вот Марк уже стоял перед зеркалом. Он застёгивал свежеприобретённую рубашку — белую, с ненавязчивым узором в виде колокольчиков, веточек ели и рождественского леденца. Изначально он хотел надеть тонкий синий свитер-водолазку с изображением снежинок полосой через всю грудь. Он даже успел его примерить и немного пощеголять перед зеркалом, но быстро понял, что в нём будет слишком жарко для домашних посиделок.

С неохотой он снял свитер, аккуратно сложил его и отложил в шкаф, отдав предпочтение рубашке, в которой чувствовал себя одновременно и нарядно и домашнему комфортно.

Раздался звонок в дверь. Ровно семь часов вечера — Алекс никогда не опаздывал. Марк поспешил открыть и, едва увидев его, со счастливой улыбкой сразу же обнял. Он помог ему снять пальто, бережно стряхнул несколько снежинок с плеч и повесил его в шкаф.

— Проходи, дорогой! — Марк сиял, как будто сам стал одной из игрушек на ёлке.

— Спасибо, — довольно сухо ответил Алекс, держа в руках пакет, из которого выглядывала коробка в подарочной упаковке.

Марк бросил взгляд в сторону комнаты и, заметив, что забыл зажечь свечи, поспешил туда первым, опережая Алекса. Он наклонился и стал поочерёдно зажигать четыре свечи на венке.

— Прости, забыл про них.

— Марк, право, что ты. Это лишнее, — Алекс отмахнулся и направился к ёлке, держа руки за спиной, сжимая ручки пакета.

— Тебе нравится? Многие из этих игрушек старинные, мне их подарила бабушка, — с лёгким налётом гордости проговорил Марк, заметив, что Алекс действительно проявляет интерес.

Алекс повернулся к Марку, достал из пакета подарок. Это была плоская вытянутая коробочка, аккуратно упакованная в чёрную бумагу с серыми и серебристыми полосками. Её украшала чёрная толстая лента с блёстками, пышный серебристо-чёрный бант и веточка омелы. Он протянул подарок Марку:

— Это тебе. С праздником и с днём рождения! — Алекс чуть улыбнулся. — Ну и угораздило же тебя родиться в Рождество.

— Спасибо, дорогой! — Марк смущённо пожал плечами и взял коробку. — Ох, тяжёленький... а что там?

— А ты посмотри! — с заговорщической улыбкой сказал Алекс. — Не знаю, понравится ли тебе, но думаю, такого у тебя точно нет.

— Ты же знаешь, что мне всё понравится. Ведь он от тебя! — Марк присел на диван, с интересом рассматривая упаковку, выбирая, с какого края лучше начать, чтобы не повредить бумагу. — А твой подарок, как и положено, ждёт тебя под ёлкой.

Алекс взял коробку, которая стояла под елью, и, не глядя на упаковку, просто порвал бумагу, доставая коробочку. Крышку он отбросил на диван, затем вынул изнутри небольшой бархатный мешочек, в котором лежал бумажник. Марк с затаённой надеждой следил за каждым движением, надеясь, что Алекс оценит подарок и сам выбор, обёртку, заботу в деталях. В этом был весь Марк: он вкладывался до мелочей, жил этой трепетной радостью. Но всё это снова ускользнуло.

Алекс, будто не замечая, держал бумажник между двумя пальцами и слегка потряс его:

— Спасибо. — он взглянул на Марка. — Ты решил упорядочить мой вечный хаос в карманах?

— Ну, немного... я просто часто видел, как ты не можешь найти нужную карту или купюру, — с лёгкой улыбкой ответил Марк, всё ещё держа на коленях свой подарок.

— Ты же знаешь, в этом весь я, — вздохнул Алекс.

— Знаю, конечно, — Марк улыбнулся чуть неуверенно, стараясь скрыть нахлынувшее чувство саморазочарования. — Но теперь хаос будет в бумажнике. Сколько угодно! Он довольно вместительный.

Алекс сел рядом с ним, отложил коробку, а бумажник небрежно положил на стол. Он обнял Марка, поцеловал в висок и тихо проговорил:

— Спасибо, дорогой.

Отпустив, он провёл рукой по подарочной упаковке, которую Марк всё ещё держал на коленях:

— Надеюсь, тебе понравится.

— Конечно, — мягко сказал Марк и стал аккуратно поддевать бумагу ногтем. Но та предательски начала рваться под пальцами.

— Да порви ты её уже. Зачем она тебе? — с лёгкой усмешкой сказал Алекс.

Марк сдался. Бумага разорвалась, и изнутри он достал сам подарок — это оказались резные, ручной работы шахматы. Красивая деревянная шкатулка с доской, а внутри каждая фигура аккуратно уложена в свою ячейку.

— Ох, Алекс! Они прекрасны! — восторженно и нежно прошептал Марк.

— Рад, что тебе понравилось, — Алекс снова обнял его за плечи.

— Мы обязательно должны сыграть, — сказал Марк, хоть и знал: он плохо играет в шахматы, ему трудно выстраивать стратегию и почти всегда он проигрывает.

— Всенепременно! — бодро отозвался Алекс.

Марк поднялся, провёл рукой по спине Алекса, чуть растрепав ему волосы, и подошёл к письменному столу. Он бережно положил туда шахматы, а затем стал собирать упаковочную бумагу, коробочки и ленты.

— Ты не против? — Марк кивнул в сторону собранных обёрток.

— А что с этим ещё делать? — равнодушно пожал плечами Алекс.

Вскоре Марк вернулся с кухни, неся в руках поднос с тарелками, бокалами и приборами. Он нёс его с гордостью — это был особый праздничный сервиз, подаренный ему родителями на новоселье. Английский фарфор с изображениями сельских пейзажей Британии в мягких светло-синих тонах. У многих есть такая посуда, которую бережно хранят и достают только в особые дни. И для Марка это было как посвящение — первое Рождество в собственной квартире, первая сервировка этим набором, первый вечер, полностью им организованный.

Пока Алекс сидел на диване, уткнувшись в телефон, Марк методично и бережно расставлял приборы. Блюда, бокалы, салфетки — всё должно быть красиво и правильно. Да, это был всего лишь журнальный столик перед диваном в гостиной, но сейчас он стал праздничным обеденным столом. Столом для двоих. Он не мог не гордиться собой, этой атмосферой тепла, камерности, простого, но искреннего торжества, которое он создавал с любовью.

Марк вновь ушёл на кухню и вскоре вернулся с подносом, уже уставленным блюдами.

Аромат томлёного кролика с пряными травами наполнил комнату, смешиваясь с запахом корицы и свежего имбирного печенья.

Он аккуратно разложил горячее по тарелкам, поставил рядом гарниры и салаты.

— Ты не поможешь, дорогой? — спросил Марк, протягивая Алексу бутылку вина.

— Хорошо, — отозвался Алекс с лёгким поднятием бровей. Он нехотя отложил телефон и стал разливать вино по бокалам.

Марк тем временем приглушил свет, взял пульт и включил заранее подготовленное видео с записью огня в камине. Мягкое потрескивание дров, полумрак, запах рождественской еды, бокалы вина и Алекс — вот как Марк всегда представлял своё Рождество. Не шумное застолье, не семейная суета, а тихий, уютный мир вдвоём. Без лишних слов.

Он поднял бокал, глядя на Алекса:

— Может, выпьем за праздник? — Марк улыбнулся тепло, почти робко. — С Рождеством.

— С днём рождения, — как бы поправляя, произнёс Алекс.

Они соприкоснулись бокалами. Едва слышный хрустальный звон и вот, каждый сделал первый глоток сухого красного вина. Марк провёл несколько недель в поисках идеального напитка: расспрашивал коллег, друзей, читал форумы, но всё предлагавшееся казалось недостаточно тонким, недостаточно особенным.

В итоге он решился и отправился в специализированный винный бутик — один из тех, где продавцы одеты в строгие костюмы, говорят негромко и называют вино "он" или "она".

Он выложил немалую сумму, оставшись почти на грани банкротства, но ведь это Рождество. Их первое Рождество. Как он сам себе повторял: «Кто считает деньги, когда покупает кусочек счастья?»

— Прекрасное вино, да? — с искренним наслаждением спросил Марк, ощущая бархатное послевкусие.

— Да, вполне, — ответил Алекс, поставив бокал на стол. — Нормальное.

Марк замер. В слове «нормальное» прозвучало что-то неприятно тусклое, как будто вино вдруг стало слишком дешёвым, слишком простым, хотя он так верил сомелье, так надеялся, что всё будет идеально.

Они приступили к ужину. Марк ел медленно, сдержанно, наслаждаясь каждым кусочком — не только вкусом, но и тем, как всё получилось: текстура соуса, аромат трав, подача. Он украдкой наблюдал за Алексом, ловя даже малейшие признаки удовольствия: жест, взгляд, улыбку. Но тот лишь лениво водил вилкой по тарелке, почти не прикасаясь к еде. Его внимание то и дело возвращалось к экрану телефона.

Прошло несколько минут. Тарелка Марка уже опустела, но он не спешил подавать следующее блюдо — тарелка Алекса была пуста только наполовину.

— Ты не голоден? — тихо спросил Марк с лёгким волнением в голосе.

— Не особо, — холодно отозвался Алекс. — Вся эта праздничная суeta отбивает аппетит. Я вообще не люблю праздники. Особенно Рождество.

— Даже сегодня? — растерянность проступила в голосе Марка. — Ведь сегодня особенный день... он ведь только наш.

Алекс на секунду задержал взгляд на нём, потом, сдержанно усмехнувшись, изобразил пальцами кавычки:

— «Особенный»... да, единственное, что делает его таким — это то, что ты решил, будто он таким должен быть.

Слова резанули. Как будто комната вдруг опустела, погас свет, исчезли запахи еды и мерцание свечей. Марк молча потянулся за своей тарелкой, а потом за тарелкой Алекса:

— Я могу убрать?

— Да.

Выйдя на кухню, Марк поставил тарелки в раковину и едва не расплакался. Он стиснул кулаки, опуская взгляд в столешницу и с усилием выдохнул. «Нет... только не сегодня» — сказал он себе мысленно, стараясь удержаться на плаву.

Он принялся готовить кофе. Пока вода закипала, достал из шкафа большое блюдо из того самого сервиза — с голубыми английскими пейзажами, предназначенное для десерта. Аккуратно выложил на него пирог, украсил веточкой розмарина и, собрав всё на поднос, снова вернулся в гостиную.

Алекс, как и прежде, сидел, уткнувшись в экран телефона. Словно этот вечер, его старания, и сам Марк были где-то за пределами зоны видимости.

Расставляя чашки и тарелки на столе, Марк всё же не выдержал:

— Посмотри... этот пирог я сам испёк. Сегодня утром.

— Хорошо, — отозвался Алекс всё так же отстранённо. Он не улыбнулся, не взглянул — просто отложил телефон.

— Ты сегодня особенно... отстранён, — осторожно заметил Марк, присаживаясь на край дивана.

— Я же говорил, — Алекс махнул рукой в сторону свечей в венке. — Не люблю праздники. Особенно Рождество. Всё это такое мещанство.

— Я могу убрать... если тебе не по душе, — тихо сказал Марк, уже почти жалея, что зажигал свечи.

— Нет. Тебе же это нравится, — ответил Алекс, и в его голосе не было ни теплоты, ни поддержки. Только усталость или равнодушие.

Марк молча опустился на подушку дивана. Он чувствовал, как силы покидают его, будто весь день, весь этот праздник протёк сквозь пальцы. Он смотрел на свою чашку с кофе, будто надеясь найти в ней хоть какие-то ответы.

Алекс, между тем, потянулся к пирогу, взял сервировочный нож и отрезал себе щедрый кусок.

Марк смотрел на него, затаив дыхание: «Неужели хоть это его порадовало?»

Он ждал, что Алекс отрежет и ему, ведь так было принято. Маленький жест внимания, заботы, простого участия. Но тот просто сел и стал есть, запивая пирог кофе, будто был здесь один. Лишь мельком взглянув на Марка, он кивнул — мол, бери сам. Марк без слов отрезал себе кусочек и, сжав губы, тоже начал есть.

Пирог оказался на удивление удачным. Нежный, рассыпчатый, с лёгким ароматом груш и корицы. Но вкус не приносил утешения. Он просто был.

Алекс доел быстрее, чем обычно. И вдруг, словно вспомнив что-то, вскочил с дивана и вышел в коридор. Оттуда донеслись звуки возни с застёжками. Через минуту он вернулся, держа в руках бутылку. Он шумно поставил её на стол, как тост за то, чего никто не сказал.

— Виски? — удивлённо спросил Марк.

— Ага. Ты же как-то говорил, что хотел его попробовать.

— Ты думаешь... сегодня подходящий день?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Алекс, словно всё это пустяк, как выбор соуса к мясу.

Марк посмотрел на бутылку, потом на опустевшие тарелки. «А почему бы и нет?» — отозвалось внутри. «Раз уж всё пошло под откос...»

Он молча встал и начал убирать со стола, не глядя на Алекса. Уносил блюда, салфетки, приборы. Оставил только виски. Бутылка стояла в самом центре стола, подсвеченная тёплым приглушённым светом. Молчаливая, тяжёлая, как маяк в бескрайнем, вымершем море.

Марк вернулся в комнату, держа в руках два бокала для виски со льдом. Он поставил их на столик рядом с бутылкой и, посмотрев на Алекса, спросил:

— Нужно ли что-то ещё?

— Нет, — коротко ответил Алекс и потянулся к бутылке, чтобы разлить напиток по бокалам.

Марк сел рядом. Когда Алекс протянул ему бокал, они почти одновременно слегка приподняли их, словно произнося безмолвный тост, и отпили. Виски обжёг горло. Марк скривился и с трудом сдержал кашель. Он никогда прежде не пил чистый виски. Он бросил взгляд на невозмутимое лицо Алекса и заставил себя сглотнуть, стараясь не выдать слабость.

Алекс, допив, тут же налил вторую порцию. Они вновь выпили, и Марка опять повело от крепости напитка. Но теперь тепло от алкоголя стало растекаться по телу, размывая границы, притупляя боль. Он почувствовал, как внутри что-то оттаивает, и, не в силах больше держать дистанцию, подвинулся ближе к Алексу. Сел рядом, залез с ногами

на диван, прижался к нему, заключил в объятия. Он тянулся к нему всем существом, будто надеясь: если обнять крепче, может, тогда Алекс всё-таки почувствует его, увидит, поймёт, станет ближе. Может, тогда вечер всё-таки получится тёплым, светлым, настоящим.

Алекс не остался безучастным. Он обнял Марка в ответ и какое-то время они сидели так — тесно, молча, обнявшись, потягивая виски. Алкоголь делал своё дело. Лёгкий дурман, смешанный с тоской и надеждой, наполнял грудь.

Марк чувствовал, как тает. Как хочется раствориться в этом тепле, в этих руках. Он начал нежно поглаживать Алекса, кончиками пальцев расстегнул верхнюю пуговицу на его рубашке. Алекс не отстранился — напротив, стал ласково гладить Марка по спине, будто подталкивая, поощряя, приглашая.

Сладость касаний нарастала. Губы стали искать друг друга, поцелуи становились всё глубже, обжигая. Вино, объятия, отчаяние и надежда — всё сливалось в единый порыв.

Но, прежде чем пойти дальше, Марк осторожно выскользнул из рук Алекса. Встав с дивана, он, улыбнувшись, сделал приглашающий жест, игривый, почти детский и медленно направился в сторону спальни. Не оборачиваясь, но зная, что Алекс смотрит ему вслед.

Постель, мирно ожидающие своего часа воздушные шарики и приглушённый, мягкий свет боковых ламп. Марк стоял в дверях спальни, опираясь плечом на косяк. Он ждал Алекса с волнением, с замиранием сердца.

Наконец, Алекс подошёл. В руке у него был ноутбук, что сразу озадачило Марка.

— А он тебе зачем? — с лёгкой улыбкой спросил он.

— Да так, хотел кое-что проверить. Это на пару секунд, — Алекс поцеловал Марка, а затем перевёл взгляд вглубь комнаты, куда чуть было не влетел небрежно. — Ого. Шарики...

— Да, — Марк сдержанно улыбнулся и провёл рукой по талии Алекса. — Сегодня хороший повод для них.

Алекс молча кивнул и направился к постели. Подходя, он двигался как ледокол: шары взлетали и рассыпались в стороны. Одним движением смахнув рукой те, что Марк с любовью выложил в композицию, Алекс рухнул на кровать ничком. Открыл ноутбук и уставился в экран.

Марк вернулся в комнату с двумя бокалами виски. Под мышкой он держал шахматы. Осторожно переступая, пробирался через океан ярких красок, разлитый по

спальне — словно боялся потревожить чью-то мечту. Он просочился к постели и сел рядом.

— Может, сыграем? — тихо предложил он.

— Конечно. Расставляй фигуры, — не отрываясь от экрана, ответил Алекс.

Марк поставил бокалы на прикроватную тумбу и, придвинувшись ближе, освободил место для доски. Он аккуратно расставил фигуры.

— Давай сделаем игру интереснее? — с хитрой улыбкой предложил он. — Проигравший лопаёт шарик?

— Ну, давай попробуем, — наконец закрыл ноутбук Алекс и повернулся к Марку. — Хочешь, чтобы я играл белыми?

Марк кивнул. Алекс уверенно сделал первый ход. Марк ответил, но с каждой минутой становилось очевиднее, что его ходы были неуверенными. Он проигрывал.

Когда партия подошла к концу, Алекс усмехнулся:

— Ты так хотел лопнуть шарик, что умолял меня победить?

— Нет, — Марк чуть улыбнулся. — Просто после виски мне тяжело сосредоточиться.

— Ну конечно, — с лёгкой иронией протянул Алекс.

— Какой шарик? — Марк оглядел лежащие вокруг них шары.

— Да какой хочешь.

— Победитель выбирает. А проигравший лопаёт, — Марк произнёс с напускной торжественностью.

— Ну раз так... — Алекс задумался и указал: — Тогда вот тот, с глупой улыбкой.

Марк замер.

— Может, другой? Он... особенный сегодня, — сдержанно попросил он, не поднимая глаз.

Алекс выдохнул с лёгким раздражением, протянул руку и схватил ближайший шар.

— Тогда вот. — Он протянул его Марку. — Бери и лопай.

Марк взял шар из рук Алекса. Тёмно-зелёный, с праздничными надписями и поздравлением. Он подержал его пару секунд, чуть сжав дрожащими пальцами. Мысль билась в голове, как крыло пойманной птицы: «Только не перед Алексом...»

Он аккуратно положил шарик рядом и, затаив дыхание, медленно опустился на него. Воздух внутри натянулся, шар скрипнул, вытягиваясь. Марк надавил сильнее, но тот лишь вытянулся ещё больше. Тогда он решился и подпрыгнул.

С оглушительным хлопком шарик лопнул под ним.

Алекс даже не вздрогнул. Он лишь сухо бросил:

— Ба-бах. И всё. Громкий какой.

— Да... здорово же! — Марк улыбнулся почти по-детски. — Может, ты тоже хочешь?

— Нет, — Алекс покачал головой, уже расставляя фигуры на доске. — Правила есть правила. Но если ты хочешь, лопни ещё.

Марк чуть замялся, не зная, что сказать, но Алекс добавил, чуть прищурившись:

— Ну же. Ты же сам этого хотел.

Эти слова подтолкнули его. Он взял ещё один шар, оранжевый, точно такой же. Положил рядом, сел. Тот заскрипел, вытягивая горлышко. Марк слегка покачивался, играя, и — хлоп! — второй взрыв.

— Ба-бах, — как будто отмечая галочку, произнёс Алекс. — Ну что, готов сыграть?

— Да! — Марк засмеялся, немного смущённый, но счастливый.

На этот раз он решил победить во что бы то ни стало. Игра шла напряжённо. Он следил за каждой фигурой, стараясь не допустить ни одной ошибки. И вдруг — Алекс ошибся. Марк не упустил шанс: один ход и король оказался в ловушке.

— Ура! Я выиграл! — восторженно вскрикнул Марк. — Теперь твоя очередь лопнуть шарик!

Алекс приподнялся, собираясь встать с постели. Марк уже перевернул доску и принялся собирать фигуры, не скрывая своей радости.

— Что-то мне подсказывает, ты не дашь мне отыгаться, — с хитрой улыбкой заметил Алекс.

— Возможно, — подмигнул Марк, укладывая шахматы рядом с тумбой. Он оглядел пол, выбрал красный шар, положил его на постель — прямо рядом с Алексом. — Вот этот.

— Мне на него сесть? — приподнял брови Алекс.

— Как хочешь. Но... я был бы рад, — с лёгкой улыбкой и чуть пожав плечами ответил Марк.

Алекс послушно опустился на упругий латексный шар. Тот скрипел, вытягивался, но упорно не сдавался. Алекс неловко подпрыгнул, потом ещё, но шарик всё держался.

— Похоже, я слишком лёгкий, — с усмешкой сказал он.

— Ну что ты! Сейчас исправим! — Марк подошёл вплотную, положил руки на плечи Алекса и надавил сверху, вжимая его в шарик.

Алекс сделал ещё один резкий рывок, подпрыгнув, и шар с оглушительным хлопком лопнул. Марк не дал моменту рассыпаться: он тут же повалил Алекса на спину и сам прижал его телом. Их губы встретились в поцелуе. Марк смотрел ему в глаза с искрами восторга, хищного азарта и радостного возбуждения. Он светился. Он жил. Он надеялся.

Но в глазах Алекса читалось совсем иное. Холод. Равнодушие. Словно немой мольбой он говорил: «Отпусти меня...»

— Ещё один? — с восторгом спросил Марк, надеясь переломить этот лёд.

— Нет. Я больше не хочу, — устало отозвался Алекс, начиная осторожно выбираться из-под него.

— Ты не хочешь? — Марк чуть отстранился, растерянно.

— Мне не нравится. Да и от них голова болит, — Алекс перевернулся на живот, потянулся за ноутбуком и, не говоря больше ни слова, вернулся к экрану.

— Но... мы же хотели попробовать... — Марк выдохнул почти шёпотом. Его голос дрожал.

— Ну, ты как хочешь, — холодно бросил Алекс, не отрывая взгляда от монитора. — Хочешь — лопай, хочешь — не лопай. Только хорошо бы их отсюда убрать.

Марк замер. Потом тихо кивнул:

— Ладно...

Он медленно приподнялся, пытаясь сохранить остатки равновесия, и всё же не выдержал. Подошёл ближе, заглянул через плечо в экран ноутбука:

— А ты... что смотришь?

— Да это дурацкая игрушка. Меня в неё втянула одна подруга, — ответил Алекс, не оборачиваясь. Лишь на секунду повернул голову, бросив в сторону Марка почти небрежный взгляд. — Ты иди, а я скоро закончу.

Марк вдохнул и хотел было что-то сказать — но осёкся. Что он мог сказать? Что мог возразить? Слова Алекса прозвучали, как гром среди ясного неба, а его холодность обжигала сильнее пламени. Обида стремительно расходилась по телу, руки Марка

задрожали. Собравшись с силами, он встал с постели и, попятившись, вышел из комнаты, растворяясь в темноте коридора.

Вскоре он вернулся. В руке были ножницы.

— Тебе совсем всё равно? Даже если я их просто проткну? — его голос дрогнул.

Алекс едва заметно кивнул, не отрываясь от экрана. Ни один мускул не дрогнул. Ни взгляда. Ни вдоха. Только это равнодушное погружение в светящийся монитор. Марк почувствовал, как в горле поднимается ком. На глаза предательски навернулись слёзы. В отчаянной попытке удержать себя на плаву, он стиснул зубы, с ненавистью глядя на разноцветные шары, и принялся безжалостно протыкать их один за другим.

Хлопок. Ещё один. Ещё.

Комната наполнялась глухими ударами, как отдалёнными выстрелами. Алекс продолжал лежать. Поглощённый. Безразличный. Как будто происходящее не касалось его вовсе.

И вот — тишина. Остался один. Жалобно прижавшийся в угол, почти незаметный, за тумбочкой. Тот самый — с глупой, счастливой улыбкой.

— И этот тоже? — Марк указал на него ножницами, голос едва не сорвался.

— Как хочешь, — равнодушно бросил Алекс, не отрываясь.

Марк посмотрел на шар. На эту улыбающуюся рожицу, такую беззащитную, как ребёнок, всё ещё верящий в чудо. Его пальцы дрогнули. Но он всё-таки проткнул его. Хлопок разнёсся особенно громко, как будто что-то внутри оборвалось. Шар разлетелся на три голубых лоскута и с каждым из них будто отрывалась часть Марка.

Он оглядел комнату. Всё исчезло. Вся магия, все старания, каждая деталь разрушены его же руками. До него стало медленно доходить, что он только что сделал. Тело затрясло. Волна накрывала с новой силой.

— Я сейчас всё уберу, — выдавил он. Голос был едва слышен, дрожащий.

Он пошёл в ванную. Закрыв за собой дверь. Спешно включил воду. Прислонился к холодной кафельной стене. Всё. Больше не было сил сдерживаться. Слёзы хлынули градом. Он издал сдавленный, истеричный выдох и медленно сполз по стене на пол. Схватив полотенце, сжал его и уткнулся лицом, чтобы никто не услышал его плач.

Прошло довольно много времени, прежде чем Марк смог снова дышать ровно. Он боялся, что Алекс уже обратил внимание на его долгое отсутствие. Вымыв лицо и уняв дрожь, он вернулся в комнату, неся швабру. Молча смёл в кучу все лоскутки лопнувших шаров, с каждым движением будто зарывая их глубже в себя. У порога он остановился, положил швабру и опустился на край постели.

— Ты как? — спросил он, почти шёпотом.

Алекс задумался на миг, не поднимая глаз от ноутбука.

— Я устал. Я... асоциален, ты же знаешь. Я быстро устаю от людей. Даже от тебя. Мне нужно быть одному.

— Даже от меня? — Марк еле слышно повторил, как будто «даже» ударило его по лицу.

— Даже от тебя, — спокойно подтвердил Алекс, потом бросил взгляд на цветную кучу у двери и добавил: — И даже от них.

Марк не ответил. Он только смотрел вперёд, не моргая, не дыша, как будто если сейчас пошевелиться, всё остальное внутри развалится окончательно.

Глава 10

На следующее утро Алекс спешно уехал, оставив Марка с самим собой. Марк тяжело переваривал события прошлого дня, не переставая вспоминать слова Алекса и то, что скрывала недосказанность.

Утро казалось чужим. Серое, холодное, с редкими хлопьями снега, падающими так лениво и тихо, будто даже небо устало.

Марк стоял у окна, прижимая ладонь к стеклу, и долго смотрел, как белые точки оседают на ветках деревьев. Внутри всё тоже замело, оставляя лишь пустоту и тишину.

Вечером рядом был Алекс. Его дыхание, его плечо, его усталые слова. А теперь осталась только тишина и холодная постель.

Он не знал, сколько так простоял. Время размылось. Вчерашний вечер прилип к нему как ледяная плёнка: каждое слово, каждое выражение лица, каждый хлопок шарика. Всё снова и снова прокручивалось в голове, будто он до сих пор жил в той ночи. Да и не было настоящего утра. Было только «после».

Марку не хотелось ни есть, ни двигаться, ни говорить. Даже мысли были вялые, рассыпающиеся. Он чувствовал себя словно пустая оболочка, оставшаяся после праздника, как выброшенная упаковка от подарка — красивая, но больше никому не нужная. Он так и смотрел в окно, словно время просто перестало существовать, пока не начали неметь пальцы.

Он прошёл в комнату. Остатки лопнувших шаров были убраны, но комната всё ещё пахла латексом и корицей. Тяжело вздохнув, он сел на край постели напротив приоткрытого шкафа.

Марк долго сидел в комнате, глядя на шкаф, будто за дверцей скрывалась сама причина его несчастий. Внутри всё кипело: обида, злость на себя и отчаянное желание хоть что-то исправить. Он вспомнил лицо Алекса, его холодный взгляд, фразу, которая будто приговор: «Ты можешь делать что хочешь... а я не хочу в этом участвовать».

Марк взял телефон, лежавший неподалеку, и долго смотрел на диалоговое окно переписки с Алексом. В некоторой нерешительности он набрал сообщение: «Спасибо за подарок, я всегда буду дорожить им! И спасибо за виски! Спасибо за шарики!)) И что был не против их полопать и за участие. Прости, что давил на тебя».

Ещё несколько раз перечитав сообщение, Марк всё же решил его отправить и погасил экран телефона. Он держал телефон в руках, тарабаня пальцами по его поверхности, и затем бросил на подушку.

Тяжело вздохнув от мыслей о безысходности ситуации, Марк встал с постели и подошёл к шкафу. Открыв дверь, он сразу увидел на средней полке две небольшие упаковки с шариками. Накануне он купил их с запасом на случай, если игра перерастёт в экспрессию. За ними на полке прятался белый пакет. Он взял упаковки с шариками и вытащил пакет. Проверив, что больше ничего нет на полке, он швырнул всё к углу кровати. Затем он достал электрический насос, который он не так давно купил для надувных игрушек.

Сев на край постели, он посмотрел в никуда через лежащий рядом пакет. В нём лежала свернутая игрушка — жёлтый динозавр с фиолетовыми пятнами. Такой же, как был у него в детстве, и такой же, как был у него с Антоном. Он смог найти его случайно в маленьком магазине на окраине города. Он вспоминал, как купил его и радовался, как ребёнок, такой редкой находке. Теперь их не производят и найти его не так просто.

С дрожью в губах он взял два пакетика с шариками и закинул их в белый пакет к динозавру. Затем поднял насос и отправил его туда же. Немного помявшись, он взял этот белый пакет и отнес его к мусоропроводу. На прощание он не смог не обнять его. А уже обняв тихо сказал:

— Простите меня...

Он уже делал это раньше. Прятал, выбрасывал, удалял все видео, клялся себе, что больше никогда. Но каждый раз тянуло обратно. Сегодня всё было иначе. Сегодня он будто хоронил себя. Он уверял себя, что больше никогда не вернется в пучину этого болота.

Марк вернулся в комнату, закрыл за собой дверь и упал на кровать, тяжело дыша. Комната казалась слишком чистой, пустой. Ничего больше не выглядывало из шкафа, ничего не пряталось в углу. Он закрыл глаза и попробовал улыбнуться, представив, что Алекс рядом. Что теперь ему нечего скрывать, нечего стыдиться. Что ради него он сделал шаг. Он знал, что для него нет ничего дороже Алекса и если выбор встанет, то Алекс будет всегда на первом месте.

Но улыбка не держалась. Вместо облегчения приходила тишина. Сухая, звенящая пустота. Марк посмотрел в потолок и вдруг понял: «Я выбросил не игрушки. Я выбросил часть себя».

Он медленно провёл рукой по простыне, как будто нащупывал исчезнувшее. И от этого движения в груди стало ещё холоднее. Впервые за долгое время он не хотел ни музыки, ни сигареты, ни даже сна. Лишь пустота, тянущаяся вокруг, будто сама комната отвернулась от него.

Прошло немало времени, прежде чем Марк смог найти в себе силы встать. Он посмотрел на часы — был уже вечер. Он вернулся к окну. Снег всё падал. Огни города мерцали в сумрачном покрывале. Внутри было пусто. Так пусто, что даже боль отступила, оставив только безжизненную тишину.

День за днем, встреча за встречей. Марк уверенно гнал любые мысли, связанные с хобби. Он всё больше утопал в серых буднях, во встречах с Алексом, не вспоминая про брошенного надувного друга, которого беззаветно любил с самого детства.

Глава 11

Прошёл почти год после того, как Алекс ушёл навсегда. Год боли, бессонных ночей, ненужных разговоров, отчаянных попыток вернуть, объяснить, удержать. Но ничего не помогло: Алекс бросил его окончательно.

Вначале Марк, растворяясь в этом, тонул, теряя не только Алекса, но и себя. Весь мир сжался до одного чувства опустошенности. А в голове эхом разносилась лишь одна простая брошенная на прощание фраза: «Тебе без меня будет лучше, я лишь порчу тебе жизнь, как и всем остальным».

Он выбросил всё, что связывало его с шариками и надувными игрушками.

Потом пришла тишина. Не было ни радости, ни боли. Лишь усталость. Непривычная, мёртвая. Как будто с тем пакетом он выбросил и часть себя. Ушло напряжение, ушли желания, ушло всё, что заставляло сердце биться быстрее. Остался лишь холод. Словно выключили свет.

Марк жил по инерции: вставал, шёл на работу, механически общался с коллегами, иногда встречался с друзьями. Смеялся, когда нужно было смеяться, кивал, когда нужно было кивать. Но внутри он не чувствовал ничего, что было прежде, лишь тишину. Даже в зеркале взгляд казался чужим. Всё, что когда-то составляло его жизнь — страсть, увлечение, нежность осталось в прошлом вместе с Алексом.

Целый год он был пустой оболочкой. И только теперь, когда боль от расставания с Алексом слегка притупилась, пришло странное чувство: надо попробовать хотя бы что-то. Сделать шаг, пусть в никуда. Нельзя так просто взять и прожить пустую жизнь. Это решение не в поиске новой любви, на это он не надеялся. Всего лишь свидание. Попытка убедить себя, что жизнь всё ещё продолжается.

Простой зимний вечер. Накануне прошёл дождь, а заморозки следующего дня превратили этот город в настоящую сказку. Деревья покрылись наледью словно хрусталём. Вечерние огни города отражались в обледенелых улицах, создавали непередаваемую атмосферу волшебства. И в довершении всего начался снегопад, падая крупными снежными хлопьями. Этот снегопад стал венцом того вечера, создав уединение и ощущение, что эта сказка — нечто личное и тихое.

Марк ждал спутника в условленном месте у памятника в сквере. Вечер подмораживал, и Марк не мог устоять на месте неподвижно. Переминаясь с ноги на ногу и отогревая кисти рук своим дыханием, он ждал.

В нетерпении он решил закурить. Да, перелом вновь вернул ему тягу к опасной привычке. Его спутник опаздывал на четверть часа и Марк, успев выкурить сигарету, стал окончательно замерзать.

Наконец к нему подошел невысокий парень. Он был чуть ниже Марка, с пылающими синими глазами и доброй улыбкой. Тепло поприветствовав Марка, он извинился за опоздание.

Они решили посвятить этот вечер искусству. В музее современного искусства была новая выставка, а Марк старался не пропускать их. На протяжении пяти лет Марк регулярно посещал все новые экспозиции в этом музее, разве что прошлый год стал исключением. Марк хотел наверстать упущенное и был очень рад схожим интересам своего нового знакомого.

По пути в музей они разговаривали, обсуждая как предстоящую выставку, так и прошлые. Они обсуждали литературу и театральные постановки.

Марк всегда любил литературу и много читал. Как правило он всегда держал при себе книгу и регулярно читал в метро, лишь иногда давая себе передышку между новыми произведениями.

Им было о чём поговорить, и Марк был вдохновлён непринужденной беседой.

При входе в музей они взяли буклеты и брошюру. В ней говорилось, что выставка посвящена проблеме неразличимости «подлинного» и «поддельного», утрате собственной идентичности в условиях медиализированного мира. Прочитав это, Марк чуть удивлённо хмыкнул, словно осознавая, что это — не просто прогулка по музею, а знак. Что-то большее.

Степенно продвигаясь по залам, они с интересом рассматривали картины в духе геометрического абстракционизма, минимализма и модернизма. Особенное внимание они уделяли работам в стиле «оптического искусства», подолгу задерживались у них, словно стараясь уловить скрытую глубину иллюзорного движения.

Чем дальше они шли, тем страннее становились залы. Они миновали коридор, где весь потолок был усыпан свисающими лезвиями. В следующем зале всё было окрашено в

серый цвет, а в центре стояла клетка, в которую предлагалось войти любому желающему. Выставка предполагала не только созерцание необычного, но и прямое участие в происходящем.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в узком проёме, где друг напротив друга стояли обнажённые мужчина и женщина. Чтобы пройти необходимо было соприкоснуться с ними телом.

Протискиваясь между ними, Марк смутился, покраснел и несколько раз извинился, чем вызвал едва заметную улыбку у участников перформанса.

Следующий зал оказался полон пышных облаков из ваты, переплетённых гирляндами. Затем длинный белоснежный коридор, на полу которого была разбросана, казалось бы, небрежно, россыпь миниатюрных динамиков. Каждый из них срабатывал, когда мимо проходили посетители: одни играли музыку, другие — монотонный голос диктора, звуки поезда, животных или что-то совсем неожиданное. Каждое движение по этому коридору рождало свою уникальную симфонию.

И вот они остановились перед двустворчатыми старыми дверями. Деревянные, небрежно окрашенные белой краской, они выглядели чуждыми и зловещими. Это были те самые двери, которые потом не раз будут сниться Марку в кошмарах. Но сейчас он видел их впервые.

Он тут же потянул за ручку — дверь не поддавалась. Марк растерялся: может, это вовсе не часть экспозиции? Но стрелка на полу уверенно указывала вперёд, прямо в эти двери. Он попробовал снова и почувствовал: одна створка слегка приоткрылась. Казалось, кто-то с той стороны держит её, словно не пуская кого попало. Его спутник тоже дёрнул дверь — безрезультатно.

Собравшись, Марк рванул с усилием. Дверь с трудом поддавалась, и тут же раздался характерный щелчок — сработал доводчик, натянутый до предела. То, что он увидел дальше, сковало его дыхание.

Он замер на пороге, побледнев и буквально окаменев. Перед ним открылся огромный зал с высокими сводчатыми окнами и белоснежными стенами. Пространство по пояс было заполнено воздушными шариками. Тысячи шаров, плотно надутых, ярких, переливающихся в свете ламп.

Дальняя стена была прозрачной, из оргстекла. За ней находился узкий проход, через который непрерывно поступали новые шары. Там, по другую сторону, в небольшом помещении, двое людей в чёрной одежде неустанно надували и отправляли шары в зал.

Подошла пожилая женщина — зрительница. Она приветливо улыбнулась:

— Здравствуйте, ребята! Проходите, не стесняйтесь! — Она посмотрела прямо на Марка. — Эта инсталляция посвящена искренней радости. Вы можете делать с шарами всё, что угодно! Играйте, бегайте, лопайте, сколько захотите! Просто позвольте себе быть детьми. Позвольте себе радость.

Но тут Марка резко одёрнули за руку. Спутник нервно прошептал:

— Пошли отсюда. Это какой-то кошмар...

Марк не отреагировал. Его охватила дрожь, внутреннее напряжение будто схватило его за позвоночник. Он стоял как замороженный, не в силах отвести глаз от этого фантастического зала. Море, нет, целый океан воздушных шариков раскинулся перед ним. Почти все были полупрозрачного фиолетового цвета, а верхний слой из просто прозрачных. Вместе они создавали странный, чарующий эффект, будто перед ним расстелилась морская пучина с лёгкой пеной волн на поверхности.

— Прощу, проходите! — вновь обратилась к ним женщина-зритель. — Только, пожалуйста, не держите дверь открытой.

Спутник Марка снова дёрнул его за руку. Теперь уже нервно, почти в панике. Но ничто, казалось, не могло вырвать Марка из оцепенения. Он стоял в нескольких шагах от порога и с жадностью, почти с отчаянием поглощал глазами каждый шар. Они переливались, шуршали, нежно касались его ног, стучали по ладоням — лёгкие, живые. Он чувствовал их, ещё не войдя. Они манили его, как морской прибой в тёплый вечер, звали своим мягким шёпотом. В этом звуке не было ничего пугающего. Лишь обещание покоя, безмятежности и счастья. Он хотел нырнуть в эту пучину, исчезнуть в ней. Просто лечь, раствориться. Быть.

И вдруг резкий, оглушительный хлопок. Один из шариков лопнул в том прозрачном отсеке, откуда их подавали. Хлопок громко отразился от стен и звук эхом прошёлся по всему телу Марка. Но испуга не было. Наоборот, он словно пробудился, окончательно ощутив, насколько всё это реально. Что это не сон, не фантазия. Шары здесь. Они живые. Он может войти. И прикоснуться.

В этот момент взвизгнул его спутник и резко заговорил, почти умоляя:

— Пойдём уже! Мне страшно, правда... это кошмар какой-то...

Он снова потянул Марка за руку и тот, как кукла, подчинился. Медленно, шаг за шагом, он вышел за порог. Но взгляд его оставался прикован к залу. Он не мог оторваться

от этого моря: сверкающего, колышущегося, зовущего. Дверь мягко, почти беззвучно, закрылась за ними.

В коридоре, перед запертой дверью, Марк побледнел ещё сильнее. Дыхание стало рваным. Руки мелко дрожали.

— Ты чего застыл? — раздражённо бросил спутник. — Я же говорю: пошли! Это ужас, а не выставка.

— Да? — растерянно переспросил Марк. — Пожалуй, ты прав...

Прямо напротив зала шла лестница, ведущая на верхний этаж. Спутник уже поднимался по ней, не оборачиваясь. А Марк... Марк шагал следом медленно, робко. Он словно тащил за собой собственную тень. Каждый шаг давался с усилием. Он дважды обернулся на закрытые двери, за которыми остался зал. И ещё раз. И ещё.

Он знал, что этот момент останется с ним навсегда. Как символ. Как зарубка. Как его несостоявшийся прыжок.

Всю оставшуюся часть выставки Марк молчал. Он медленно следовал за своим спутником, не обращая внимания на картины, инсталляции, звуки. Его шаги отдавались глухо, как будто он шёл не по полу музея, а по вязкому сну. Внутри него с нарастающей силой клокотали воспоминания. Те самые, от которых он всегда пытался бежать. Он вновь и вновь перебирал моменты, когда, жадно мечтая всего на секунду побыть собой, замирал. Не позволял себе. Сворачивал. Прятался.

Он вспомнил, как в детстве родители взяли его в большой поход. Палаточный лагерь, лес, река. Последний день. Организаторы вынесли на главную поляну огромные мешки, наполненные воздушными шарами. Шары раскладывали по тропинкам, приклеивали к деревьям, создавали разноцветные коридоры. Другие остались в мешках. Всех детей позвали на конкурс «кто быстрее и больше лопнет шариков».

Марк, едва услышав хлопки, замер. Он спрятался за деревьями. Стоял в стороне, один, склонившись к стволу сосны. Он дрожал. Каждый хлопок, прокатываясь по поляне, будто разрывал его изнутри. Слезы, медленно и предательски, стекали по щекам. Он стирал их рукавом, вжимаясь в кору дерева, обнимая его, как единственное, что могло его понять.

В тот день Марку казалось, что весь шум лагеря отдалился, словно сквозь стекло. Он прятался за тонким сосновым деревом, прижимаясь щекой к коре. Воздушные шарики

трещали от ударов и топота, организаторы весело кричали, дети визжали, кто-то падал, кто-то смеялся. А он стоял в одиночестве, сжав в груди ком, от которого невозможно было дышать.

Он ждал. Надеялся, что кто-то, может быть, тот парень, что был ему симпатичен, единственный, с кем ему было по-настоящему хорошо, заметит, подойдет, протянет руку. Скажет: «Пошли, я с тобой». Но никто не подошёл.

Вместо этого подошла мама. Она увидела его заплаканным. Курить в лагере было нельзя и взрослые отходили подальше. Вот и она стояла рядом, с сигаретой в пальцах.

— Ты что тут делаешь? — спросила она, не подходя.

— Там... будут лопать шарики, — пробормотал он.

— И ты стоишь здесь, ревёшь, как дурак? Почему так трудно быть нормальным ребёнком, а?

Она закатила глаза, отвернулась и ушла. А через несколько минут вернулась не одна. С ней был тот самый взрослый, которого он уже знал и боялся. Он сразу понял — этот пришёл не просто так. И сердце в груди сжалось до боли.

Мужчина подошёл и резко схватил Марка за руку.

— Ты чего тут как ненормальный? — спросил он грубо, выворачивая запястье. От неожиданности и боли Марк вскрикнул и заплакал, но вместо сочувствия получил удар по ягодице. — Веди себя как все! Пошёл веселиться!

Марк опустил взгляд. Он не понимал, за что его наказывают. В стороне мама так и стояла, не сказав ни слова. Она курила и смотрела в пустоту, будто всё происходящее не имело к ней никакого отношения. И в тот момент внутри него что-то оборвалось.

Спустя несколько минут подошёл глава лагеря. Он прогнал мужчину, подозвал Марка, отвёл его в тень и спокойно сказал:

— Всё хорошо. Прости за это. Я попрошу того парня подойти, он поможет тебе. Ты не один.

Эти слова обожгли Марка, будто напоминание, как сильно он на самом деле был один. Ни тот парень, ни кто-либо другой так и не пришёл. Но никто так и не заметил его отсутствия.

После конкурса ведущие собрали оставшиеся шары в центре поляны. Сказали, что теперь с ними можно делать всё, что угодно. Рекомендуются, конечно, лопнуть все. А он, вытерев слёзы, просто развернулся и пошёл в лес. Он шёл, пока не стал совсем один среди

сосен и заброшенного кострища. Устроился у оставшегося пепла, сжался в клубок и слушал, как стучит в груди сердце. А потом, когда стало совсем темно, развёл огонь и лёг рядом. Он не плакал больше — просто смотрел на небо сквозь дым. Тогда он пообещал себе, что больше не будет ждать, пока кто-то придёт. Но каждый раз всё равно ждал.

Он вспомнил, как в школе, раздавая шары детям на празднике, так и не осмелился взять себе ни одного. Все вокруг смеялись, играли, взрывали их с восторгом. А он просто стоял, замороженный, не в силах даже протянуть руку. Он как тень, как молчаливый наблюдатель, лишённый права на участие.

А эта комната... та, что осталась позади... она будто ждала его всю жизнь. Будто кто-то, зная о нём всё, создал её специально с учётом каждой раны, каждого желания. Эту пучину прозрачных фиолетовых шаров, словно зовущую на дно.

Он шёл по залам дальше, но внутри что-то рвалось. Казалось, к его лодыжкам были привязаны невидимые резинки, тянущие назад с каждой ступенью. Голова заболела. На лбу выступил пот.

В кармане руки нащупали рекламные буклеты, и он стал судорожно мять их, разрывать на кусочки, как будто пытаюсь подавить тревогу. Глаза обычно мягкого зелёно-карего оттенка теперь стали холодно-зелёными, яркими, стеклянными. Сердце бешено стучало в груди. Он знал, что это не просто тяга. Это зависимость. Это то, что уже однажды разрушало его жизнь. То, что обнажало всё — и детскую боль, и отчаяние, и стыд.

Но сейчас... сейчас он решил, что хватит. Достаточно. Что бы ни было — это свидание, этот вечер, эта выставка, всё это должно остаться позади. Он обязан идти дальше. Просто жить.

Остановка.

Спутник вопросительно смотрел на Марка, что-то говорил, но тот не слышал. Его мысли всё ещё оставались там за дверьми среди мерцающего латекса, среди несбывшегося. Лишь заметив, что ждут его реакции, Марк тихо спросил:

— Что?

— Ну как тебе выставка? Понравилась? — повторил парень.

Марк молча кивнул и только теперь заметил последний экспонат. Это была репродукция Венеры — классическое лицо, но вся статуя была испачкана потёками

разноцветной краски. На груди два кроваво-красных отпечатка ладоней. Он задержал взгляд, но не сказал ни слова.

Они двинулись к выходу. Те же ступени. Та же лестница. И снова те самые двустворчатые двери.

Оказавшись на нужном этаже, Марк замедлил шаг и подошёл к ним.

— Может, всё же зайдём туда? — робко спросил он, едва слышно.

— Нет. Я не пойду. Я боюсь громких звуков. И... шарики меня пугают, — твердо сказал спутник. — Пошли в кафе лучше.

Марк взялся за ручку двери. Несколько секунд стоял, не двигаясь. Пальцы сжали металл, но тело оставалось неподвижным.

Подошли другие посетители.

— Вы заходите? — спросил высокий парень с мягкой, учтивой улыбкой. Рядом с ним — девушка, светловолосая, с тонкими чертами и прозрачным взглядом.

Марк качнул головой. Отрицательно. Отпустил ручку. Сделал шаг в сторону, пропуская их.

Парень резким движением распахнул дверь и воскликнул:

— О! Шарики! Пошли!

Девушка, легко перекинув назад струящиеся светлые волосы, на секунду задержала взгляд на Марке — мимолётно, почти случайно — и скрылась за дверьми.

В приоткрытой двери Марк увидел весело резвящихся детей. Два мальчика лет десяти, они просто играли с шариками, кидали их друг в друга и радостно смеялись. Марк подумал: «Я ведь уже далеко не ребенок, чтобы так веселиться».

Дверь захлопнулась. Марк стоял. Закрыв глаза. Из зала слышались приглушенных хлопки разрывающихся цветных несбывшихся надежд. Блеснула одна, единственная слеза. Тихая. Неуместная. Предательская. Горечь её жгла веко. Внутри было так же щемяще и жгуче. Но он не мог заставить спутника ждать. Не мог показать слабость. Не мог позволить себе быть тем, кем был. Не здесь. Не сейчас.

Повернувшись к нему, Марк произнёс, тихо, едва хрипло:

— Пойдём.

Они спускались вниз по лестнице. Парень был рад наконец покинуть злосчастную комнату, а Марк словно тащил за собой тяжёлое тело, едва передвигая ноги. Каждый шаг был подобен борьбе с гравитацией, каждое приземление на ступень было тяжёлым,

глухим, как удар сердца. Он словно не чувствовал ног, будто тело его двигалось по инерции, пока разум всё ещё блуждал там, за дверями.

Перед глазами всплывали образы: большой прозрачный шар, лежащий сверху, утопающий в мягкой податливой толще собратьев. Эти фиолетовые шары такие одинаковые с виду, но каждый неповторимый, чуть разного оттенка, чуть отличной формы. Один раздут до предела, другой уже начал сдуваться, будто устал. Марк видел в них что-то большее. Он чувствовал, как его душа прикасалась к ним сквозь толщу воздуха. Их звонкое, приглушённое шуршание всё ещё звучало в ушах будто эхом воспоминания. Он представлял, как раскинет руки и упадёт в эту пучину, позволив себе исчезнуть, раствориться, просто быть.

Когда они вышли на улицу, Марк резко достал из кармана пальто мятый мягкий пакет сигарет и, не обращая внимания на холод, закурил. Его спутник удивлённо взглянул на него: Марк обогнал его на выходе, будто что-то гнало его вперёд.

— Ты куришь? — сказал он с упрёком. — Тебе стоит завязывать с этим. Это вредно.

Марк молча затянулся. Дым немного резанул горло, но эта боль была понятной, привычной. Он не ответил. Просто посмотрел мимо.

— Может, застегнёшься? Холодно ведь. — парень демонстративно поёжился.

— Мне не холодно, — тихо, глухо произнёс Марк.

Он пытался улыбаться, будто для формы, пытался поддерживать разговор, но всё внутри сопротивлялось. Каждое слово отдавалось фальшью, каждая улыбка казалась кривой маской, натянутой на пустоту. Он чувствовал, что играет чужую роль — роль человека, который уже оправился, который снова готов жить.

Но это был всего лишь образ. Под ним сердце оставалось тяжёлым и опустошённым. Имя этого парня исчезнет из памяти так же быстро, как и его голос, его улыбка, его слова. Но сам поход в музей, и особенно одна его комната, останутся с Марком навсегда. Как непройденная черта. Как пружина, которую он не решился нажать. Как невидимая дверь, которую не хватило сил распахнуть.

На следующий день Марк вновь вернулся в музей. Он не стал смотреть экспозиции, которые уже видел, не задержался ни у одной картины. Просто шёл, не торопясь, как во сне, туда, куда тянуло сердце. К той самой комнате.

Остановившись у знакомых дверей, он собрался с духом и потянул за ручку — дверь не поддавалась. Он попробовал ещё раз, сильнее, и снова ничего. После нескольких безуспешных попыток стало ясно: дело не в доводчике. Она действительно заперта.

Марк прошёл в соседний зал и подошёл к администратору.

— Здравствуйте... — с трудом вымолвил он. — Подскажите, пожалуйста... та комната, с шариками... она закрыта.

— Добрый день, — ответила высокая женщина в строгом чёрном костюме. Её голос был сух, но не груб. — Да, зал сейчас готовят к новой экспозиции. Прошлая была однодневной. Такой проект... однократный. Больше его не будет.

Слова «больше не будет» эхом ударили внутри. Как будто мир подтвердил то, чего он больше всего боялся. Что шанс ушёл. Навсегда.

Он молча кивнул и затем прошептал:

— Спасибо... — и, не задерживаясь, пошёл к выходу.

Администратор некоторое время смотрела ему вслед. Необычно было то, как он даже не попытался осмотреть остальное. Просто ушёл, будто ничего вокруг не имело значения.

На улице было серо и сыро. Холодный декабрьский ветер пробирал до костей. Марк, снова не застегнув пальто, достал сигарету и закурил. Потом сел прямо на каменные ступени у входа, не замечая ни холода, ни сырости. Просто сидел неподвижно, как будто кто-то выключил в нём весь звук, весь свет, всю надежду.

Он смотрел в никуда. И всё внутри было — никуда. Пустота. Окончательная. Внутри все оборвалось и больше ему идти было уже некуда.

Глава 12

Марк снова пришёл по уже до боли знакомому адресу. Сидя на бежевом диванчике в кабинете, он облокотился на подлокотник и смотрел на Анну. Тишина казалась почти нереальной после той внутренней бури, что обрушилась на него в прошлый раз.

За окном лениво скользили облака, где-то вдалеке прогудел трамвай и стекло еле заметно дрогнуло. Всё это словно напоминало: мир по-прежнему живёт, дышит, продолжается. А он сидит здесь, на краюшке дивана, сжимая в руках кружку горячего чая, будто боится, что она выскользнет из пальцев и нарушит хрупкое равновесие.

Психолог, как всегда, не спешила. Она чуть наклонила голову, прислушиваясь не столько к словам, сколько к паузам — к тому, как он втянул воздух, как долго не выдыхал.

— Как прошла неделя, Марк?

— Странно, если честно, — он слегка поджал губы. — Плохо спал. Всё время возвращался мыслями к тому, о чём мы говорили в прошлый раз.

— Кажется, мы затронули что-то очень важное, — мягко заметила она. В её голосе не было ни тени давления, лишь тёплое, принимающее приглашение.

Марк хотел что-то ответить, но слова застряли. Казалось, стоит произнести хоть одно и снова хлынет та самая волна боли, что вела его столько лет. Он просто кивнул.

— И в то же время, — продолжила она, — Я вижу: ты не разрушен этим. Ты здесь. Ты способен об этом говорить. А значит, у тебя есть внутри место, которое может всё это удержать.

Его пальцы дрогнули, кружка звякнула о ложку. В груди медленно разлилось тепло. Впервые за долгое время он ощутил не только тяжесть, но и крошечный просвет, будто сквозь плотные облака пробился тонкий луч света.

— В прошлый раз ты говорил, как больно было не встретить отклика, — она ненадолго замолчала, словно оставляя пространство его молчанию. — Но ведь был и другой опыт? Когда ты делился своей тайной не с тем, кто отвергал, а с тем, кто принимал?

Марк чуть заметно кивнул.

— Да. Помните, я рассказывал вам о своём друге Викторе? — Он поставил кружку обратно на стол. — Я рассказал ему ещё на первом курсе. Когда только поступил в институт.

Для Марка это было одно из редких светлых воспоминаний. Тёплым осенним вечером они с Виктором сидели у невысокого заборчика возле клумбы во дворе дома и ждали пока соберётся их дружная компания. Разговор тек неспешно о мелочах, о поступлении, о планах. Всё было спокойно и просто.

Виктор достал пачку сигарет, молча протянул Марку. Они закурили. Повисла тишина. Только лёгкий шум города и аромат табака. На асфальте лежал обрывок воздушного шарика, и Виктор машинально играл с ним носком кроссовка. Марк сделал глубокий глоток пива, сморщился и выдохнул.

— Слушай... — Марк замялся, подыскивая слова. — Можно я скажу тебе кое-что? Только пусть это останется, между нами, ладно?

Виктор кивнул и внимательно посмотрел на него.

— Я люблю воздушные шарики, — выдохнул Марк быстро, как будто боялся, что если скажет медленнее, это прозвучит слишком громко, слишком страшно. — И... и надувные игрушки тоже.

— Все любят шарики, — с улыбкой ответил Виктор.

— Мне они нравятся не совсем так, как всем, — Марк замялся, потом наклонился ближе и почти шёпотом добавил: — Я люблю играть с ними. Ну, там... кататься, прыгать, лопать. Это приносит мне... ну... наслаждение.

— А... прям вот физически? — задумчиво уточнил Виктор. — Ты серьёзно садишься и прыгаешь?

— Угу... — Марк чуть слышно кивнул. — Только, пожалуйста, никому не говори. Никому.

— Конечно, нет! Ты чего! — Виктор ободряюще улыбнулся и положил руку Марку на плечо. — Я ж не трепло. Да и вообще ничего в этом странного нет. Это даже... прикольно, по-своему.

— Думаешь? А то это как-то... неправильно. И грязно, — пробормотал Марк, глядя в сторону.

— Да ерунда! — отмахнулся Виктор. — Это ты ещё не знаешь, что такое «грязно». А это — просто забавная игра. И ничего в ней стыдного нет.

— Правда?

— Правда! — улыбка у него была искренняя, широкая, как всегда. — Забей. Это вообще не проблема.

— А ты пробовал? — Марк прищурился.

— Ну, прям как ты, нет. Но попрыгать на мячике — это приятно, чего уж. — он поднял свою почти пустую бутылку. — Давай. За шарики и надувные игрушки! И за то, чтобы ты никогда не парился из-за ерунды!

— Давай, — улыбнулся Марк, и горлышки их бутылок легко соприкоснулись.

Допив пиво, Виктор посмотрел на него:

— Что-то наши долго... может, ещё по одной?

— Ага. — Марк кивнул, опустошая бутылку.

Они зашли в ближайший магазин, и, пока Марк расплачивался, Виктор задержался у полок с чипсами и сухариками, комментируя вслух упаковки. На обратном пути он всё повторял, чтобы Марк не переживал, что в этом нет ничего постыдного.

И Марку и правда стало легче. Будто отпустило. Где-то внутри появилось ощущение, что он не один. Что его услышали и приняли. В тот вечер он почувствовал особую близость с другом, будто нашёл того, кто способен понять его настоящего.

Вернувшись обратно, ребята привычно уселись на маленький заборчик. Марк тут же открыл банку пива, когда заметил, что Виктор возится с чем-то в кармане.

— Взял что-то вкусное на перекус? — спросил он с любопытством.

— Ага, — хитро улыбнулся Виктор.

Но уже через секунду он вытащил... воздушный шарик. И начал надувать его.

Марк сразу переменился в лице. Былая расслабленность мгновенно исчезла. Он будто напрягся всем телом, даже слегка приподнялся, как будто хотел вскочить.

Виктор между тем, весело кривляясь, завязал горлышко и подкинул шарик в сторону Марка. Тот, немного растерянный, поймал его. Это был простой жёлтый пастельный шар с мультяшным рисунком.

— Ты что делаешь? — озадаченно спросил Марк, сжимая шарик в руках. — Ты серьёзно?

— Ага. Ты же их любишь, — просто ответил Виктор и достал следующий.

Марк остолбенел. Он не знал, как реагировать. Он замер с первым шариком в руках, пока Виктор надувал второй — теперь розовый. Через минуту и тот оказался у Марка. А Виктор уже брался за третий.

— Подожди... а что мне с ними делать?

— А что ты обычно с ними делаешь? Вот и делай. Лопай! — улыбнулся Виктор, не останавливаясь.

Марк оглянулся, и, увидев неподалёку скамейку, направился туда, махнув другу следовать за ним. Виктор, всё ещё надувая шарики, сел рядом и положил зелёный шар на скамью. Затем достал следующий. И ещё.

— Сколько у тебя их там?! — с изумлением спросил Марк.

Но Виктор не ответил, только подмигнул и продолжал надувать. Вскоре на скамейке лежал десяток шаров.

— Всё, — с удовлетворением сказал он, показав пустой пакетик. — Погнажи?

Марк не успел ничего ответить. Виктор схватил розовый шарик, сильно сжал его в руках и тот с громким хлопком разорвался, отразившийся эхом в узком дворике.

— Давай, не стесняйся! Я ж для тебя надувал. Бери и лопай.

Марк замялся, но всё же решился. Он выбрал синий шарик, чуть отодвинул его от остальных и сел сверху. Пожалуй, слишком резко — шарик тут же лопнул.

— Вот! Так держать! — воскликнул Виктор.

Он тут же схватил ещё один и повторил за Марком. И пошло-поехало. Один за другим они лопали шары — кто руками, кто садясь. Вся скамейка наполнилась шуршанием, хлопками и смехом. Беззаботным, детским, настоящим.

Когда последний шарик лопнул, Виктор принёс оставшееся у заборчика пиво, уселся на усыпанную пёстрыми лоскутками латекса скамейку и довольно вытянул ноги.

— Ну, это было круто! Согласись! — сказал он, глядя на Марка.

— Это было... странно, — с ироничной улыбкой ответил тот и отпил пива.

— Да ладно тебе. Весело же!

Марк помедлил. Потом, чуть потупившись, кивнул:

— Да. Мне понравилось. Спасибо, Вик...

Виктор ничего не ответил — просто снова улыбнулся, широко и по-доброму, как умел только он.

Анна что-то быстро пометила в блокноте, затем подняла взгляд и, будто между делом, сказала:

— Кстати... я ведь так и не рассказала тебе. Тот шарик, который ты мне подарил.

Марк, подняв взгляд посмотрел на Анну с интересом. Внутри что-то дрогнуло. Он вспомнил: тогда, несколько встреч назад, он протянул ей красный воздушный шарик с глупой мордочкой. Это было неловко. И страшно. Но он сделал это как знак доверия, как жест из самого сердца.

— Я принесла его домой, — продолжила она. — Муж сразу надул его в тот вечер. Дочка обрадовалась, положила на кровать. И, знаешь, он был такой... смешной. Каждый раз, когда я заходила в комнату, он будто нарочно торчал с краю — такой забавный, выглядывал, как будто дразнил.

Она улыбнулась. Но в её улыбке не было того тёплого света, который Марк ожидал. Там промелькнул блеск. Быстрый, чуть хищный. В голосе — нечто шутовское, почти театральное.

— Он часто лежал на втором ярусе, всё время выглядывая, — она изобразила преувеличенный испуг и вдруг весело рассмеялась. — В какой-то момент, когда дочка была в школе, я просто взяла и проткнула его иголкой. Вот так. — она щёлкнула пальцами. — Хлоп. И тишина.

Марк застыл. Всё внутри словно стянулось. Пальцы похолодели. Кружка в руках стала тяжёлой, будто налитой свинцом.

— Вы... его... лопнули? — еле слышно спросил он, стараясь не дрожать. — Понятно...

Её слова ударили неожиданно и жестоко как камень в стекло. Он ведь подарил ей не просто шарик. Это было больше. Это было про него. Про его страх и про хрупкое «вот, посмотри, я могу довериться». И теперь он слышал, как всё это исчезло. В чужих руках. Одним движением. С усмешкой.

Анна чуть прищурилась, как будто ждала, заметит ли он в её рассказе метафору. Но внутри него была лишь пустота. Как будто с тем хлопком лопнуло нечто важное. Как будто исчезла возможность быть понятным даже здесь.

Она чуть сдвинулась в кресле, отложила блокнот, опёрлась локтем на подлокотник.

— Ты сейчас говоришь спокойнее, чем раньше, — сказала она, будто ничего не случилось. — Как будто внутри стало больше воздуха.

Марк слабо усмехнулся, но в глазах промелькнула тень.

— Воздуха... ну да. В моём случае это... символично.

Он покачал головой и сразу же смутился, будто пожалел, что позволил себе даже эту иронию.

Анна смотрела мягко, чуть склонив голову.

— Вот именно. И ты ведь сам заметил, что, когда говорил про Виктора, ты улыбался. В тебе живёт эта память. О принятии.

Он замолчал и только через несколько секунд тихо сказал:

— Иногда мне кажется, что всё это зря. Что я сам всё испортил. Ведь я выбросил того динозаврика. Сам. Никто не заставлял.

В груди стало горько. Тепло, только что проблеснувшее внутри, снова затянулось серым.

Тишина повисла, как колокол. Глухая, плотная. Марк неловко потёр пальцами кружку, будто хотел согреться через неё или удержаться.

— До сих пор не могу простить себе этого, — прошептал он.

Анна слегка наклонилась вперёд, её голос стал тише, но не менее уверенным:

— Да, Марк, ты выбросил его, — мягко, но твёрдо. — Но не себя. И не свою любовь. Тогда ты был ранен. И это был единственный способ хоть как-то справиться. Но разве это значит, что всё внутри тебя исчезло?

Он не ответил. Только опустил взгляд. Слова кольнули неожиданно глубоко, как будто в самый центр.

— Иногда думаю... — Марк чуть прищурился, глядя в чашку, — Может, он до сих пор где-то живёт. Может, его кто-то подобрал и спас... а может он просто исчез. Навсегда.

Анна не перебивала. Дождалась.

— Значит, он с тобой, — наконец произнесла она. — Не как вещь. А как часть тебя. И ты вправе дать ему другое место. Не в мусорном ведре, а в сердце. И в своей памяти.

Марк слегка кивнул. Медленно. Почти незаметно.

— В памяти... там он точно есть, — он печально улыбнулся. — Иногда даже слишком ярко.

Он откинулся на спинку дивана и на мгновение закрыл глаза. Внутри всё еще ныло. Но это была уже не только боль, а что-то большее. Тёплое и колющее, как шрам, к которому осторожно прикасаешься: он всё ещё болит, но уже принадлежит тебе. И не нужно больше прятаться.

— Знаешь, что я часто слышу от тебя? — сказала Анна. — Ты называешь это «игрушками», «глупостью», «стыдом». Но каждый раз, когда говоришь о шариках или надувных зверях, в твоём голосе появляется тепло. Ты это замечал?

Марк открыл глаза. И, сам того не замечая, впервые за весь сеанс чуть улыбнулся — не иронично, не натянуто. Просто тепло. По-настоящему.

Уже через мгновенье Марк вздрогнул и, опустив взгляд, уставился в пол.

— Может быть... — прошептал он. — Но разве это не просто... игра? Влечение? Что тут может быть тёплого? — Он тяжело вздохнул. — Это же просто моя тёмная часть.

Анна ответила, не отводя от него взгляда.

— Ты называешь это «тёмной частью», — мягко произнесла она, — Но, может быть, это просто та часть, которую тебе никогда не разрешали любить. Та, что сидела в углу и тихо плакала, стыдясь самого желания быть нежным, игривым, желанным. Быть

настоящим. Но это не тьма. Это боль. Принявшая форму игры, шарика, прикосновения. Принявшая форму запроса о близости.

Марк молчал. Его пальцы снова стали тереть рукав. Он будто сжимал в ладони не ткань, а саму суть своего сомнения.

— Это же странность... — прошептал он. — Ну признайте. Странность.

— А разве в твоём сердце это только странность? — дружелюбно, но настойчиво сказала она. — Я ведь не сексолог, ты знаешь. Но мне не нужно быть им, чтобы услышать в твоих рассказах не только возбуждение, но и чувство. Трепет, тепло, привязанность. Ты сам говорил, как смотрел на взгляд XVikey в видео, как чувствовал в нём что-то большее. Искренность. Нежность.

Марк отвёл глаза. В груди что-то болезненно сжалось.

— Да... — выдохнул он. — Это было похоже на настоящую близость. Даже через экран. Даже если это глупо.

— Это не глупо, — спокойно ответила Анна. — Это твой язык. Твой способ дотронуться до того, к чему в жизни так долго не подпускали. К нежности. К радости. Это не просто «игрушка». Это часть твоего стремления к любви.

Внутри Марка всё сжалось, но и что-то оттаяло. В голове всплыла сцена: он целует нарисованную улыбку динозаврика, хихикает, прячет лицо, чувствует себя живым хоть на мгновение.

— Но я же всё испортил, — прошептал он. — Я сам его выбросил. Как будто он ничего не значил... как будто всё было просто... мусором. Я предал себя?

Анна молчала пару секунд. Потом тихо сказала:

— Ты был ранен. Ты делал то, что мог, чтобы выжить. Но разве можно предать то, что живёт внутри и продолжает откликаться? Ты ведь всё ещё помнишь его. Ты ведь до сих пор с ним говоришь, верно?

Марк кивнул. Медленно. Почти незаметно.

— Каждый раз. Я не могу забыть... — он выдохнул. — Если бы только я мог вернуться... я бы никогда не выбросил его. Никогда.

Анна смотрела внимательно, без малейшего осуждения.

— Значит, он с тобой, — произнесла она. — Не как вещь. Как часть тебя. А твоя любовь к этим «странным» вещам — не грязь. Это нечто хрупкое и живое. Это твой дар. Ты умеешь видеть жизнь в том, что для других — просто предмет. Ты умеешь оживлять мир.

Марк сжал пальцы. Внутри ныло, щемило. Но под этой болью дышало что-то новое. Словно крошечный росток пробился сквозь глыбу бетона.

— Никто никогда так не говорил... — прошептал он.

Анна чуть улыбнулась. Без нотки жалости, с теплом.

— Так начни говорить это сам себе. Прими, что твоя любовь к шарикам — это любовь к жизни. К радости. К самому себе.

Склонив голову, Марк прикрыл глаза. В этот момент он впервые позволил себе подумать: может, всё это действительно не про стыд, а про нежность.

— Нет... я не могу так думать. — он нахмурился, потёр колени, затем посмотрел в сторону окна. — Это всё звучит слишком красиво. Слишком... оправдательно. На самом деле это просто позорно. Ну скажите, разве нормальные взрослые люди... играют с надувными игрушками?

Анна будто пыталась прислушаться не только к словам, но и к их раненому эху.

— А кто сказал, что нужно быть «нормальным» по чужим правилам? Ты сам рассказывал о форуме, о лунерах. Там были другие. И ты же не споришь, что это приносило тебе радость?

— Радость — да... — Марк пожал плечами. — Но и боль тоже. Каждый раз. Я чувствовал себя идиотом.

— Но заметь: боль приходила не от шариков, — мягко сказала она. — Боль приходила от того, что ты сам себя обвинял.

Марк замер. Слово «обвинял» как будто ударило по нерву. Он сжал пальцы и тихо произнёс:

— Наверное... но я ведь не мог иначе. Все бы осудили. Все.

— И кто осудил? — спросила она чуть тише, но твёрже. — Да, были те, кто смеялся. Но ведь были и другие. Один друг, помнишь? Просто достал шарики и стал надувать вместе с тобой. Без осуждения. Без страха.

Марк чуть улыбнулся краем губ. Тень былой теплоты скользнула по лицу. Но он тут же отвёл взгляд.

— Это было... удивительно. — его голос стал почти шёпотом. — Но таких людей почти нет.

— Достаточно хотя бы одного, — ответила Анна. — Одного, кто не отвернулся. Ты ведь сам почувствовал тогда, что твоя тайна может быть принята.

Марк шумно выдохнул, провёл рукой по волосам.

— Ну... — он поёжился. — В конце концов это ведь всего лишь фетиш. Ну, странное возбуждение. У всех свои заморочки, у меня свои. Наверное, просто нужно принять, что я не такой как все.

Он произнёс это резко, будто ставил точку. Как будто, назвав это фетишем, мог закрыть дверь и не чувствовать больше этой ноющей уязвимости.

Анна посмотрела на него внимательно, сдержанно покачав головой.

— Ты сам слышишь, как ты это говоришь? «Просто фетиш». Будто стараешься обесценить то, что для тебя было живым. Важным. Настоящим.

Марк скривился, прикрыв лицо рукой.

— А что ещё это может быть? Это же просто... игрушки и воздух. Ну, правда. Это же смешно.

— Нет, — мягко, но ясно сказала она. — Ты не о воздухе говоришь. Не об игрушках. Ты говоришь о близости. О прикосновении. О том, как обнимал, как хранил, как дорожил. Ты говоришь о чувствах. Разве это похоже на просто игру?

Внутри Марка что-то дрогнуло. Он хотел отмахнуться, отвернуться как делал это столько раз. Но не смог.

— Но это же... не любовь, — выдохнул он, словно боясь, что его кто-то услышит.

— А разве нет? — её голос был спокоен, почти ласков. — Ты нашёл свой способ быть нежным. Бережным. Радостным. И почему-то назвал это стыдом. Может, стоит назвать это иначе?

Он молчал. И не потому, что не знал, что сказать, а потому что знал слишком много. Слов было слишком много, они толпились внутри и ни одно не решалось вырваться наружу. Он чувствовал — её взгляд касается чего-то самого сокровенного, того, что он годами прятал даже от себя.

Марк сжал ладони, будто пытался удержать что-то хрупкое, не дать ему рассыпаться. В горле пересохло.

— Я... — начал он и осёкся. — Не знаю. Я всегда думал, что это... странно. Ненормально.

— Но ведь ты не можешь вспомнить, чтобы это хоть раз причинило кому-то вред, — почти шёпотом сказала она. — Единственный, кто страдал — это ты. Потому что

каждый раз отказывался от того, что приносило тебе радость. Это не о разрушении, не об уничтожении, это о любви и радости.

Он опустил голову. Веки налились тяжестью, дыхание стало неровным. Он едва слышно повторил:

— Радость...

Слово прозвучало, как чужое. Но чем больше он вслушивался в него, тем роднее оно становилось. Он поднял глаза, и на ресницах блеснул первый огонёк влаги.

— Знаете... я ведь правда их любил. Всегда. Это было не просто возбуждение. Я мог просто сидеть рядом. Смотреть. Чувствовать, что они живые. Тёплые. Как будто они дарят мне что-то... своё.

Он замолчал, потом чуть качнул головой.

— Я любил их. — Он выдохнул это с таким облегчением, будто наконец снял с себя невыносимую тяжесть. — И каждый раз, когда отказывался от этого, когда говорил себе «нельзя», «стыдно» я чувствовал, что предаю себя.

Она улыбнулась и кивнула:

— Вот теперь я слышу твою правду.

Марк глубоко вдохнул, будто собираясь силами. Голос дрожал, но слова уже не прятались:

— Я всегда боялся признаться даже себе, что это не просто привычка, не игра. Это часть меня. Они были для меня чем-то добрым. Настоящим. Но я выбрасывал их. Всегда. Словно вместе с ними выбрасывал себя.

Повисла тишина. Он ждал осуждения. Того холодного взгляда, к которому был так привычен. Но её глаза оставались мягкими.

— Ты не выбросил себя, — тихо сказала она. — Ты всё ещё здесь. Ты пришёл. Ты говоришь. А значит, у тебя хватило сил сохранить главное.

Марк выдохнул. И вместе с этим выдохом что-то внутри ослабло. Будто старый застрявший ком впервые начал растворяться.

— Но я ведь всё равно... не могу простить, — прошептал он.

— Придёт время, когда сможешь, — ответила она. — Не потому, что забудешь, не потому что оправдаешь. А потому что научишься беречь. И себя, и то, что любишь.

Он кивнул. И впервые за долгое время ощутил не стыд, а тихую, затаённую надежду. Как будто в темноте нащупал невидимую, но настоящую точку опоры.

Они ещё немного молчали. Марк сидел, перебирая пальцами край рукава, будто ища, за что зацепиться внутри себя. И вдруг на какую-то секунду представил: жёлтый динозаврик с фиолетовыми пятнами на спине и доброй, чуть глупой улыбкой снова рядом. Настоящий. Образ. Мягкий, тёплый, родной. Уже не утерянная игрушка, а что-то большее. Символ. Напоминание о том, что он всё ещё умеет любить.

Марк тихо улыбнулся этой мысли. И впервые не оттолкнул воспоминание, а прижал его к себе.

Психолог заметила это, но ничего не сказала. Только чуть кивнула, будто подтверждая: Марк сделал шаг. Туда, где начинается не новый страх, а путь исцеления.

Глава 13

Простой будничный день. Марк, как обычно, обедал в кафе в торговом центре. Он неспешно ел, то и дело отвлекаясь на телефон, активно переписываясь с Адамом. Тем самым, с которым когда-то осторожно завёл разговор о своём увлечении.

Сейчас всё было иначе. Он уже давно показал ему фотографии воздушных шариков, которые с трудом, но всё же решился надуть дома, и теперь они говорили не только о надувных игрушках. Их разговор давно вышел за рамки одной темы.

Они болтали обо всём: о жизни, о работе, о своих увлечениях. У Марка, как и у многих, были и другие интересы. Он с удовольствием играл в сетевые компьютерные игры, а дома с бережностью ухаживал за несколькими орхидеями.

Адам тоже делился своим: он увлечённо занимался радиотехникой — чинил, собирал, переделывал, обожал путешествовать и с воодушевлением рассказывал, как в каждом отпуске открывает для себя новое — то морской берег, то маленькие города, то горные тропы.

Марк давно привык обедать в одиночестве и позволял себе погружаться в переписку прямо за едой. Читая очередной рассказ Адама, на этот раз о поездке к морю и сопутствующих приключениях с надувными игрушками, он невольно улыбнулся. Это было легко, по-доброму. Почти весело.

Но в какой-то момент Адам снова заговорил о вечеринках для Лунеров. Марк уже знал, что рано или поздно это произойдёт. Он не раз получал приглашения, но каждый раз

находил повод отказаться. Несмотря на весь пройденный путь, внутри него жила нерешительность.

Адам был настойчив. Ему, казалось, искренне хотелось, чтобы Марк пришёл. И в этот раз, не придумав внятной отговорки, Марк вдруг написал: «Почему бы и нет? Может, правда будет интересно».

И, отправив сообщение, он задержал палец на экране, будто сомневаясь, но уже не отзывая своих слов.

Были первые выходные ноября. Промозглая, холодная погода не оставляла выбора: пронизывающий ветер заставил Марка застегнуть пальто на все пуговицы и плотнее закутаться в шарф. Он приехал по адресу, указанному в приглашении. Перед ним высилось длинное серое здание из бетона с десятком однотипных этажей. На первый взгляд оно показалось слишком мрачным для места, где собирались устроить яркую вечеринку.

Однако стоило пройти внутрь, как впечатление резко сменилось. За стеклянными автоматическими дверями простирался просторный холл с мягким, тёплым светом. Марк даже удивился: под этой хмурой оболочкой скрывалась неожиданно уютная, почти домашняя обстановка. Здание оказалось старым гостиничным комплексом, теперь сдававшим залы в аренду всем желающим: от корпоративов до частных встреч.

Подойдя к стойке администратора, Марк нерешительно поинтересовался, как ему найти нужный зал.

— Вам нужно подняться на второй этаж, — ответила девушка с доброй, немного сонной улыбкой. — Пройдите по коридору до конца, там будут стеклянные двери, за ними переход. В самом конце и будет зал. Там вас уже ждут.

— Спасибо! — Марк тепло улыбнулся в ответ.

— Пальто можно оставить в гардеробе. Он сразу за углом, — добавила она, кивая в сторону.

Он кивнул, ещё раз благодарно улыбнулся и, стараясь дышать ровно, направился к гардеробу.

Пройдя витиеватый путь по коридорам и холлам отеля, Марк с интересом оглядывался по сторонам. Всё вокруг было оформлено в мягких золотисто-бежевых тонах — уютно, ненавязчиво, почти по-домашнему. На стенах в аккуратных рамах висели

фотографии с городскими пейзажами, у окон стояли строгие кресла и небольшие столики, а на подоконниках зеленели ухоженные растения.

Пройдя сквозь стеклянные двери, он оказался на длинном остеклённом переходе, ведущем к трёхэтажному корпусу. Шаги гулко отдавались по кафелю, а свет от потолочных ламп отражался в стекле, будто подчеркивая странную отстранённость происходящего.

Путь до зала казался бесконечным, и не только из-за расстояния: мысли и тревоги бежали вперёд него. Марк всё ещё не был уверен, стоит ли ему туда идти. Ведь это уже не игра в уединении, не фантазия, а настоящая встреча с другими, пусть и близкими по духу, но всё же незнакомыми людьми. Он боялся быть непонятым. Боялся открыть ту часть себя, которую хранил в тайне.

Наконец он остановился перед большими двустворчатыми дверями, окрашенными в матовый чёрный. Глубоко вдохнув, пытаясь нащупать внутри хоть крупицу решимости, он толкнул створку и вошёл.

Помещение оказалось просторным квадратным залом с высоким потолком и балконом, опоясывающим его по периметру. Марк как раз оказался в центре этого балкона и на мгновение замер, неуверенный, туда ли он попал. Но в следующую секунду к нему подошёл Адам и радостно обнял.

— О! Марк! Я так рад тебя видеть! — с теплом в голосе воскликнул Адам, крепко прижав растерянного Марка к себе. — Я уж было подумал, ты и в этот раз не придёшь. Как ты, дорогой мой?

— Всё хорошо, — улыбнулся Марк, почувствовав, как напряжение внутри немного отступает.

— Смотри! — Адам подвёл его к перилам балкона. — Внизу будет основная часть вечеринки. Вон там наш импровизированный бар, а здесь диджейский пульт, музыка, свет. Ну и самое главное — шарики! — он показал вверх.

Под самым потолком была натянута огромная сетка, буквально ломившаяся от сотен воздушных шаров. Марк, поражённый этим зрелищем, выдохнул:

— Ого...

— И это ещё не всё! — с улыбкой продолжил Адам. — Мы будем сбрасывать часть шаров сверху — те, что побольше, и на танцполе тоже скоро будет настоящее море! Смотри — уже начали!

На полу зала двое парней разбрасывали по пространству шарики, и они, словно волны, катились по блестящей поверхности.

— Ну, что, иди вниз, — подбодрил Адам. — Угощайся в баре чем хочешь! Для особенных гостей всё за счёт заведения.

— Спасибо, — чуть смущённо произнёс Марк.

— Давай-давай, не стесняйся! — Адам похлопал его по спине, чуть подтолкнув в сторону лестницы. — Хочешь полопать шарики, не стесняйся! Можешь быть первым!

Спустившись вниз, Марк оказался в самом зале. Снизу он казался куда просторнее, чем с балкона. Серый мраморный пол уже был усыпан ковром из разноцветных воздушных шаров — мягким, радостным, живым.

Слева под балконом располагался импровизированный бар. По сути, это были три вытянутых прямоугольных стола, поставленных в ряд и накрытых белой скатертью. На них стояли бутылки с алкоголем и безалкогольными напитками, бокалы, пластиковые стаканчики. За столом сидел худенький миниатюрный парень в белой футболке. Позади красовалась надпись «Бар», сделанная из вырезанных из картона разноцветных букв, неровно приклеенных к стене.

Марк уже сделал шаг в сторону бара, но вдруг его внимание привлёк знакомый скрип латекса. Обернувшись, он увидел, как двое парней разворачивали гигантскую надувную игрушку. Это была не просто игрушка: почти два метра длиной в сдутом состоянии, она выглядела как огромное полотнище. Марк прикинул, насколько огромной она станет, когда её надут, и внутри что-то сжалось от волнения и замешательства.

Один из парней, суетясь, расталкивал шарики ногами, как сухие осенние листья. В какой-то момент, пятясь назад, он наступил на шарик и тот тонко заскрипел, распрямился под ногой, но не лопнул. Упругая поверхность только подкинула ногу неуклюжего участника. Парень злобно зыркнул вниз и вдруг с раздражением пнул шарик, отправив его в полёт через половину зала.

Марк невольно напрягся. Его кольнуло: даже здесь, в месте, где шарики — часть праздника, кто-то обращался с ними так небрежно. Ему захотелось оградить их, защитить.

Он пошёл к бару, осторожно переступая между шариками. Порой слегка касался их носком ботинка, как будто вежливо просил пропустить. Он смотрел под ноги внимательно, сдержанно, почти бережно, как будто шарики могли обидеться.

Бармен, заметив его приближение, тут же расплылся в радостной улыбке.

— Привет! — весело поздоровался он. — Что будешь? Я, конечно, бармен-любитель, но вкусненько замешать смогу, — он подмигнул. — Ты случайно не Марк?

— Да. — кивнул Марк, чуть удивившись.

— О! — с нарочитой торжественностью воскликнул парень. — Адам говорил, что ты придёшь! Ну что, заказывай, чего душа просит.

— Даже не знаю... — Марк бросил взгляд на бутылки. — Может, у вас есть вино? Пино нуар?

— Не-а, — парень покачал головой. — Только крепкое, для коктейлей.

— Ух... — Марк вздохнул, задумавшись. — Тогда, может, ром с колой?

— Без проблем! — бармен оживился и мгновенно, играючи, взял стакан и бутылку. Его движения были ловкими, почти театральными, он жонглировал жёстками, и уже через мгновение перед Марком стоял высокий стакан с тёмной жидкостью и долькой лимона.

— Спасибо, — Марк улыбнулся.

— Не стесняйся, красавчик, подходи ещё, — с лёгким флиртом ответил бармен.

Держа в руках стакан, Марк вновь осторожно пробирался сквозь пёстрый ковер воздушных шаров. Он шагал медленно, почти извиняясь перед каждым шариком, который мягко покачивался рядом с его ногами. Он подошёл к ряду стульев, выстроившихся вдоль стены под левым балконом, выбрал один на краю и присел, с лёгким облегчением отгородившись хотя бы на минуту от общей суеты.

Пригубив напиток, Марк стал наблюдать за залом. Его взгляд скользнул по разноцветным шарам, затем задержался на двух парнях в углу — они всё ещё возились с гигантской надувной игрушкой. Два элемента, похожих на лапы, уже были надуты и теперь они готовились к основному этапу.

Один из них присел на корточки, но вдруг, оступившись, всем телом повалился на ещё сдутую игрушку. Вскочив, он раздражённо выругался, затем резко развернулся, и, как будто в отместку, с силой наступил на ближайший шарик. Золотисто-коричневый шар тут же лопнул с резким хлопком, взорвав тишину секундами напряжения.

Марк вздрогнул, хотя заранее видел, что сейчас произойдёт. В груди неприятно кольнуло. Его поразила эта жестокость, как будто бедный шарик оказался виноват в неуклюжести парня.

Сверху раздался оклик:

— Ты чего там сидишь? Давай, играй, лопай шарики! — крикнул Адам с балкона, улыбаясь и размахивая рукой.

Марк молча поднял взгляд, затем чуть приподнял бокал, как бы оправдываясь. Адам понял жест и только рассмеялся, махнув рукой: мол, не вопрос.

Марк сделал ещё несколько глотков, затем поставил стакан на пол, немного сдвинув его под стул. Он отвёл взгляд от людей и задержался на шариках, что усыпали пол. В глаза бросился нежно-голубой — он почти вплотную лежал у его ботинка, будто дожидался.

Медленно, почти благоговейно, Марк наклонился, подхватил шарик и прижал к груди. Он обнял его, не крепко, как что-то хрупкое и драгоценное. Его пальцы скользнули по гладкой поверхности, глаза задержались на рисунке и в этот миг в нём словно на секунду исчезла вся суета, музыка, разговоры. Он просто сидел, прижимая к себе этот простой шарик, как напоминание о том, что в его мире есть место нежности.

Момент единения оборвался так резко, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Двери в зал распахнулись, и внутрь ворвалась шумная компания. Смеясь и громко переговариваясь, несколько человек тут же направились в центр. Шарик взлетал, скользили под ногами, с шорохом и лёгким скрипом разлетаясь в стороны.

Один из новоприбывших бросился к ребятам, которые продолжали надувать гигантскую игрушку. Воздух уже наполнил большую часть корпуса, и теперь было ясно: это была огромная серая собака. Она начинала обретать форму — плавно, почти величественно, как надвигающийся облачный зверь.

Тем временем в центре зала начался стихийный праздник. Люди кидались шариками, подбрасывали их, смеялись, а шары шуршали, подпрыгивали, взмывали вверх, сталкивались друг с другом и с полом. Один за другим взрывались хлопки — не злобные, не пугающие, но всё же громкие, резкие, вырывающие из уединённости.

Неожиданно рядом с Марком сел молодой стройный парень в светло-сером свитере. Он посмотрел прямо на него и широко улыбнулся:

— Привет-привет! Ты новенький?

— Привет. Да... — застенчиво ответил Марк, сжав шарик в руках.

— А чего тут сидишь? Скромничаешь, да?

Не дождавшись ответа, парень вскочил, схватил Марка за руку и потянул вверх:

— Пошли! Шарик сам себя не лопнут!

— Я... просто... — Марк растерянно начал оправдываться. — Хотел немного освоиться.

— Освоишься с нами! — смеясь, сказал парень. — Я Алек. А ты?

— Марк.

— Очень приятно! — весело отозвался Алек и уже тащил Марка в центр зала, будто это было самое естественное дело на свете.

Едва они подошли ближе, как в Марка полетело сразу три шара. Он машинально отразил их, мягко отбивая ладонями и направляя в сторону Алека. В ответ тот только засмеялся и нырнул под следующий, словно в игру с мячами на детской площадке.

— Ребята! Внимание! Начинаем через несколько минут! — громко раздался голос Адама с балкона, прежде чем он скрылся в недрах балконного пространства.

Толпа дружно закричала «Ура!», затрясла в руках шариками и продолжила веселиться.

Повсюду летали шары, кто-то бросал их, кто-то подпрыгивал, чтобы достать до самых верхних. Некоторые уже ловко ловили и лопали их с азартом, будто соревнуясь, кто быстрее.

Алек поймал бледно-розовый шарик, держал его в ладонях и со скрипом сжал. Хлопок — и шарика нет. Он громко рассмеялся, тут же метнулся за следующим, ловя их как конфетти радости.

Марк, всё ещё смущённый, стоял посреди этой разноцветной бури, ощущая, как внутри него сталкиваются два чувства: растерянность и... робкое любопытство.

Марк чувствовал смятение. Радость от самих воздушных шаров и лёгкий азарт от игры соседствовали с нарастающим беспокойством. Но больше всего его тревожило даже не внимание к происходящему, не чужие взгляды, а то, что он видел в этих глазах. Не было в них ни нежности, ни любви. Только вспышки азарта и хищного блеска. Словно смысл игры заключался лишь в том, чтобы разорвать как можно больше шаров. Быстрее. Громче. Больше.

В груди предательски кольнуло. Он вдруг ясно понял: это не его место. Это не его ритм. Не его язык. Всё внутри тянуло прочь. Хотелось сбежать, уйти, раствориться в тени и закрыться от этого чужого, суетного веселья.

Он попытался справиться с этим, заставил себя остаться, втянуться. Алек подбросил ему ярко-красный шарик. Марк поймал его и сжал в руках, пытаясь сделать то,

что делали остальные. Он зажмурился, словно ожидая боли, отвернулся, но шарик лишь протяжно заскрипел, туго растянулся, и не поддался.

Он ещё сильнее надавил и снова безрезультатно. Шар только сильнее вытянулся в районе горлышка, но не лопнул. Сердце забилось быстрее. Не от волнения, а от стыда. Он ослабил хватку не в силах продолжать.

К нему тут же подбежал Алек. Схватив шарик у него из рук, он с силой сжал его и в тот же миг раздался громкий хлопок.

Марк вздрогнул. Звук пронзил его как выстрел. Алек же, не заметив его реакции, весело сказал:

— Ты не так сжимаешь. Надо пальцами вдавливать в стенки и чуть растягивать в стороны. Смотри!

Он ловко подхватил ещё один шар, сжал его и тот с треском исчез. Марк даже не успел рассмотреть его цвет.

С балкона заиграла музыка, мягкий свет приглушили. По стенам заскользили разноцветные отблески, переходя от фиолетового к бирюзовому. Воздух наполнился гулом голосов, запахом латекса и сладковатого алкоголя. Двери зала вновь открылись, впуская в полумрак свет из коридора. Вошли ещё несколько человек. В этом освещении Марк видел лишь их силуэты. Они тоже сразу направились в центр.

Вечеринка набирала обороты. Хлопки разрывающегося латекса звучали всё чаще, громче, сливаясь в ритм с музыкой.

Марк всё ещё пытался быть внутри этой игры. Он ловил шары, подбрасывал, отбивал в сторону, но ни один не решался лопнуть, ни один не хотел предать, а именно так он чувствовал это: предательство.

Он снова посмотрел по сторонам. Люди без колебаний ловили шарики и тут же уничтожали их. В их глазах было лишь охотничье возбуждение, а в некоторых даже что-то почти жестокое. Один из парней, скривив лицо в странной гримасе, стал с остервенением топтать шары один за другим, словно отыгрывался за что-то своё, тайное.

Марк почувствовал укол боли — не физической, а той, что исходит изнутри, когда что-то важное вдруг оказывается непонятым, неразделённым. Его «я» снова стало тоньше, уязвимее, как мыльный пузырь среди толпы. Он не мог больше участвовать в этом.

Тихо, будто в извинении перед самим собой, он стал пробираться к своему месту у стены. Воздушных шаров осталось заметно меньше, но он всё так же осторожно ступал между ними, как по воспоминаниям.

Присев на стул, он наклонился и нащупал спрятанный под сиденьем стакан. Его пальцы снова ощутили холод стекла и это, на удивление, показалось успокаивающим.

Вдруг из толпы кто-то крикнул вверх к балкону:

— Эй! А где надувахи?

Через пару мгновений сверху сбросили большой пляжный мяч. Он летел медленно, словно в замедленной съёмке, а затем мягко отскочил от пола. Двое парней тут же бросились к нему, хватая с азартом, будто в борьбе за трофей. В итоге он достался плотному парню с тёмными волосами. С сияющей ухмылкой тот запрыгнул на мяч и начал скакать на нём, всё быстрее, сильнее, словно это был прочный фитнес-мяч.

Марк, всё ещё сидя у стены, деликатно отпивал коктейль и наблюдал за происходящим. Он не мог отвести глаз. Его взгляд был прикован к парню, прыгающему на мяче. Он ловил каждый поворот головы, каждое движение, пытаясь поймать что-то — хоть тень бережности, хоть крупицу той самой любви, с которой он сам относился к этим надувным существам.

Но вместо этого в глазах прыгуна было только восторженное возбуждение и жажда разрушения. С каждым новым прыжком мяч всё больше вытягивался, становясь овальным и тугим. Парень не прекращал, напротив, с какой-то особенной одержимостью продолжал вдавливать мяч в пол, пока тот, наконец, не сдался.

С глухим, натужным звуком пляжный мяч лопнул, как будто не выдержал не столько давления, сколько той страсти, с которой его ломали.

Парень встал, потянулся за остатками. Винил, некогда гладкий и яркий, теперь был слипшимся, смятым клочком. Словно нарочно, парень принялся разрывать его дальше, раздирая на куски, как побеждённого противника. А потом, с триумфом поднял над головой обрывки и размахнул ими в стороны, как знаменем победителя.

Марк не сводил с него взгляда. Сдерживая внутреннюю бурю, он всё надеялся увидеть что-то другое. Хоть намёк. Хоть проблеск не дикого азарта, а каплю нежности. Хотя бы тень того, что и для других эти надувные формы могли быть друзьями, а не просто снарядами для уничтожения.

Но чем дольше он смотрел, тем яснее чувствовал: он снова чужой.

Вскоре с балкона сбросили ещё одну надувную игрушку. Это был синий дельфин. Точно такой же как тот, что жил в шкафу Марка. Такой же, с которым он обнимался, смеялся, прижимался, влюблялся. Которого знал на ощупь, на запах, на дыхание. Которого он когда-то считал почти живым.

Игрушку поймал всё тот же парень, что разорвал мяч. Марк сделал глубокий глоток коктейля, словно пытаясь остаться в этом моменте, и тут же поперхнулся, закашлявшись. Но даже закашливаясь он не мог оторвать взгляд. В груди нарастало напряжение, как будто откуда-то изнутри его тянуло вперёд — остановить, вмешаться, защитить.

Пойманного дельфина зажали между ног и с радостным воплем прыгнули на него, рухнув на пол. Под телом хлопнули один-два шарика — те, что не успели спастись. Остальные шарахнулись в стороны, будто инстинктивно разбегаясь от опасности. Парень, изображая ковбоя, стал скакать, запрокинув руку назад.

Марк застыл. Его тело начало предавать его. Щёки вспыхнули, дыхание сбилось. Возбуждение было необъяснимым: смесь стыда, боли, узнавания и страха. Это был не просто дельфин. Это был его дельфин. Или, точнее, его чувство. Его память. Его доверие.

Парень, напрыгавшись, навис над игрушкой. На мгновение он провёл ладонью по упругой синей спине, как будто нежно, но уже в следующую секунду вцепился в винил пальцами.

Сердце Марка сжалось. Он побледнел. стакан он отставил на пол, ладонями потер колени, собираясь встать. Но было поздно. Тот уже вгрызлся пальцами в бок дельфина с силой, с остервенением. Проковыривая дыру. Тихий звук: ц-ш-ш-шшш. Дельфин стал исчезать под ним, сдуваясь, теряя форму, растворяясь среди всё тех же весело разлетающихся воздушных шаров.

Марк остался на стуле. Он будто окаменел. Не от самого хлопка, не от звука, а от выражения лица этого парня. Любопытство. Агрессия. Бесстыжая жажда уничтожения. Это было не веселье. Это была расправа.

Сердце колотилось в висках. Глаза Марка стали стеклянными, зрачки расширились, взгляд переменялся. В нём не было слёз. Только изумление и непонимание. Он смотрел на то, что для него было символом любви, а для кого-то оказалось просто очередным средством в игре на уничтожение.

Хлопки шаров разносились сквозь громкую музыку, перемежаясь с весёлым гулом голосов. Марк не знал сколько прошло времени. Всё смешалось — свет, звук, взрывы,

обрывки латекса, лица. А потом он увидел: тот парень торжественно разбросал остатки синего дельфина по залу, словно отпраздновал победу.

На миг голова Марка закружилась. Он знал: больше не выдержит.

Он встал. Ноги предательски дрожали, словно от холода, хотя в зале было жарко. Внутри всё будто выстужено. Он с трудом сделал вдох, стараясь совладать с нарастающей паникой. И тут, как в насмешку, с балкона рухнула третья игрушка.

Синяя надувная акула. С широкой, нарисованной улыбкой и белым брюшком. Та самая, о которой он когда-то только мечтал. Он видел её в магазине ещё до того, как позволил себе признать свои чувства. Тогда он прошёл мимо, даже не притронувшись. А потом встречал её лишь в редких, полузабытых видео. Мечта. Недоступная. Трепетная.

И вот она была здесь. Прямо перед ним. И сразу в чужих руках.

Те же двое. Один схватил за одну ручку, второй за другую. Они переглянулись, кивнули и начали тянуть. Медленно, с азартом. Шутливо и жестоко. Акула дёргалась в их руках, изгибаясь, сопротивляясь, словно живая. Но это их только заводило. Они тянули сильнее. Ещё. И ещё.

Марк застыл. Он не мог двинуться. Пальцы были как каменные. Грудь будто сжали в тисках. Он не кричал. Не звал. Только смотрел, как мечта, ещё секунда назад летевшая в воздухе, превращается в жертву.

Наконец, послышался низкий глухой треск. Акула разорвалась пополам.

Зал будто притих. Мгновение. А потом — смех, радостные крики. Парни подняли над головой свои трофеи: половина акулы в каждой руке. Один из них громко выкрикнул:

— Ей конец! Ура!

Что-то внутри Марка надломилось. Сердце сжалось, словно повторяя этот разрыв. Он стоял, не двигаясь, но внутри всё рушилось. Не акулу убили — убили что-то гораздо более важное.

Для него это стало последней каплей. В глазах вдруг защипало и слёзы проступили, затуманив взгляд. Пошатнувшись, Марк развернулся и быстрым шагом направился к выходу. Резко провёл рукой по щеке — нельзя было допустить, чтобы кто-то увидел его таким.

Он шёл быстро. Больше не переступал шарики как раньше аккуратно. Теперь, не глядя, отбрасывал их ногами в стороны. Не грубо, нет, скорее с безмолвной просьбой о прощении. Он не гневался на них. Он гневался на себя.

«Неужели даже для таких, как я, — подумал он, — они всего лишь игрушки? Ничего не значащие, временные. Их уничтожали ради азарта. С жаждой. С насмешкой. И никто, похоже, не видел в этом ничего особенного».

В коридоре Марк огляделся, ища выход. Он заметил лестницу и быстро взбежал на следующий этаж, и тут же столкнулся с Адамом. В спешке Марк буквально врезался в него.

— Прости, — тихо сказал он, чуть отступив.

— Ты куда? — Адам остановился, нахмурившись. — Всё в порядке?

— Я... пожалуй, пойду, — пробормотал Марк, опустив глаза.

Адам развёл руками, озадаченно посмотрев на него.

— Как так?

Марк молчал. Внутри нарастала волна. Слишком сильная, чтобы говорить. Словно бы всё сжалось — грудь, горло, живот.

Он сделал шаг вперёд и обнял Марка. Крепко, сильно. Прижимая его к груди.

— Ну ты чего, малыш... — Адам обнял его в ответ. — Кто тебя так? Кто обидел?

Марк молчал.

— Я же рядом. Ты можешь сказать мне всё как есть. Не бойся, слышишь? — голос его стал мягче. Он поглаживал Марка по затылку, бережно, с лаской.

— Я не могу так... прости, — прошептал Марк, голос дрожал. — Просто не могу. Я не могу вот так играть... на публике. Не могу видеть, как они рвут их... не могу видеть это бездумное уничтожение ради уничтожения.

Он запнулся. Всё спуталось. Слова не складывались в фразы, только вырывались обрывисто, отчаянно.

— Тише... всё хорошо, — Адам вздохнул, прижимая его крепче. — Видишь, тут просто такие ребята. Им нравится побеситься. Но давай... давай мы вернёмся и останемся вдвоём? Только ты и я. Как ты хочешь. Нежно. Спокойно.

— Прости... — Марк покачал головой. — Можно... я просто уйду?

— Конечно, — с грустью ответил Адам. — Ты уверен? Я хотел, чтобы ты почувствовал радость. Чтобы ты знал, что ты не один.

Он отпустил его. Марк тут же шагнул в сторону. Он не знал, как попрощаться. В голове звучало только одно: «Беги». Он виновато опустил взгляд и, не поднимая глаз, тихо произнёс:

— Пока, Адам.

Повернувшись, Марк направился обратно через остеклённый переход в лабиринт коридоров. Он больше не слышал, что сказал ему Адам вслед. Только собственные шаги, глухой гул в ушах и ощущение, будто всё внутри вот-вот треснет.

Он шёл быстро. Всё быстрее. Почти бегом. Ему нужно было уйти, исчезнуть, вырваться из этого зала, где всё оказалось не тем, чем он надеялся. Где смеялись и разрывали то, что для него было живым, хрупким и настоящим. Ему хотелось кричать, но он молчал. Только слёзы обжигали кожу и шарики под ногами отскакивали в стороны, будто сами понимали — сейчас не время для игры.

Он не остановился ни у гардероба, ни у стойки администратора. Просто шёл, быстро, почти бегом, будто хотел убежать не только отсюда. От взгляда, от боли, от хлопков, от чужой безжалостной радости.

Но в самой глубине, на том уровне, где не формулируют мысли, оставалась одна тихая правда: если боль так велика, значит, в ней было что-то настоящее. Не глупость, не слабость. Просто нежность, которой не нашлось места.

Он не простил. Он не отпустил. Но не предал. Он шёл вперёд. И этого было достаточно.

Глава 14

Вернувшись вечером в квартиру, Марк включил свет и на мгновение застыл, прислонившись плечом к дверному проёму. Всё было на своих местах: коричневый диван, усыпанный подушками, письменный стол, бирюзовый гимнастический мяч, комод с телевизором, журнальный стол и стеллажи с книгами и памятными мелочами. Всё как всегда. Но в этот раз уже не казалось безлико-серым и пресным.

Марк поймал себя на мысли: «Я дома». И впервые это значило что-то большее. Это было его убежище. Его неприступная крепость. Место, где он мог быть собой и не бояться.

Спустя какое-то время он уселся на свой любимый мяч перед монитором и, держа в руках кружку с кофе, включил компьютер.

Привычная заставка вспыхнула на экране — воздушные шарики с грустными и радостными мордочками, вперемешку рвущиеся в ванильное небо. Эта картинка всегда действовала на него странным образом: она одновременно успокаивала и вдохновляла.

Сделав большой глоток, он отставил кружку с кофе в сторону и открыл папку. Несколько щелчков компьютерной мышки и он уже в ней, в той самой тайной папке XViker.

Марк открыл одно из знакомых видео. Экран загорелся. Сердце сжалось при виде знакомого до дрожи XViker, в мотокостюме, с опущенным забралом на шлеме, уверенного, сильного. Он помахал рукой в камеру, как будто здороваясь не с аудиторией, а лично с ним.

Звук включился, послышались мягкий скрип латекса, шуршание воздушных шаров позади компьютерного кресла героя. Марк словно перенёсся туда, где снят ролик: маленькая комната, матовый свет и чёрное кресло, на котором XViker устроился. Не торопясь, с уважением к каждому мгновению он берет один из шаров — большой сине-фиолетовый — и просто обнимает его. Затем обнимает сильнее, немного наклонив голову, словно рассматривая его.

Марк поймал себя на том, что почти не моргает. Он всматривался в шлем, пытаясь хоть на мгновение уловить лицо XViker, в то, как тот дышит, как осторожно касался ладонью гладкой поверхности, будто гладил живое существо. В этих движениях не было грязи, не было показной развязности. Только простая нежность.

«Он тоже понимает...» — подумал Марк и внутри что-то дрогнуло.

Он наклонился ближе к экрану, обняв коленями шар и положив подбородок сверху. Каждый жест XViker отдавался эхом в нём самом. Когда тот рассмеялся, едва слышно из-под шлема, Марк тоже улыбнулся, не замечая. Когда тот, склонив голову, уткнулся лицом в шар, Марк почувствовал, что и сам тянется ближе к экрану, словно желая разделить это мгновение.

Кофе остыл. Комната утонула в полумраке. Но Марк этого не замечал. Всё его внимание было в этих простых кадрах: дыхание, тёплые руки, тихий смех и яркий шар, который вдруг переставал быть игрушкой и становился мостиком к чему-то большему.

В груди у Марка разливалось странное ощущение — смесь боли и благодарности. Боли, что он не рядом. И благодарности за то, что хотя бы так он мог прикоснуться к чему-то настоящему.

На экране XВiker, обнимая и играя с поскрипывающим шаром, всё сильнее и сильнее сжимал его. Он повернул голову, и Марк почувствовал, даже не видя лица, как тот зажмурился и шар лопнул. Он словно контролировал сам взрыв. Словно знал, что и как должно произойти и просто жил этим.

Следующий шар, идеально прозрачный он положил в кресло и, упираясь руками в подлокотники, медленно опустился на него. Он не спешил и делал это очень бережно, постепенно ослабляя руки, пока не сел на скрипящий, вытянутый прозрачный шар полностью. Тогда он, торжественно приподняв руки помахал в кадр, как бы говоря: «А теперь без рук, смотрите!». Он медленно раскачивался на нём, движения были плавными и осторожными. Затем пара несильных прыжков, и вот шар лопнул, разлетевшись, но XВiker словно знал, что вот сейчас все будет так.

Марк смотрел и чувствовал, как сердце начинает биться чуть быстрее. Не от возбуждения, а от чего-то другого. От того, что XВiker словно говорил без слов: «это нормально, это можно любить».

Марк поймал себя на том, что в груди стало тесно. «Вот оно, — мелькнула мысль, — это же не про игру ради уничтожения. Это про уважение, нежность, пусть и с лопаньем».

Он вспомнил слова Анны: «Ты всё время говоришь о близости». Тогда он хотел спорить, отмахнуться. А теперь, глядя на экран, он понимал — она была права. XВiker обнимал шар так, как Марк всегда мечтал, чтобы обняли его самого. В этих движениях было больше тепла, чем в сотнях чужих слов о «нормальности».

Глаза заслезились. Марк поспешно стёр ладонью влагу, но не выключил видео. Наоборот, просто чуть откинулся на гимнастический мяч и позволил себе дышать вместе с ним, вместе с этим человеком с другого конца света, который даже не знал о его существовании.

И всё же он чувствовал связь. Пусть иллюзорную, пусть одностороннюю, но живую. Он чувствовал, словно он не один такой, и внутри стало намного легче.

Когда видео закончилось, экран снова стал тёмным. В отражении монитора Марк увидел своё лицо — усталое, с красными глазами, но какое-то иное, более живое.

Он выдохнул и впервые за долгое время улыбнулся сам себе.

Он сидел, лениво прокручивая старые ролики в плеере. На экране снова мелькал XВiker, в шлеме, но уже в другом костюме: бело-синий защитный костюм для питбайка. Он сел на надувную игрушку: жёлтого дракона с фиолетовой мордочкой и лапками. К его ручкам были привязаны два огромных воздушных шара с гелием: синий и жёлтый. Он привычно помахал рукой в знак приветствия перед началом игры.

В этих кадрах было что-то живое — большее, чем игра. Каждое движение, каждый скрип винила и латекса, каждый хлопок шарика звучал как признание в смелости, как приглашение быть настоящим.

Марк понимал, что смотрит не столько на сами игрушки, сколько на его едва уловимый взгляд — спокойный, доверчивый с каким-то странным теплом. «Будто он и правда верит в это» — подумал Марк, ощущая, как внутри поднимается давно забытое чувство.

Он немного выпрямился, сделал глоток остывшего кофе и вдруг вспомнил:

— У него же когда-то был сайт...

Марк хмыкнул и покачал головой. Глупость. Сайт был мёртвым уже лет пять. Но мысль не отпускала.

Он медлил, перебирал мышку пальцами, будто боялся нажать лишний раз. И всё же щёлкнул ярлык браузера. Адрес сам всплыл в памяти, как будто всё это время ждал в темноте. Он набрал его, не веря, что увидит хоть что-то.

На экране появилась белая страница. Сердце ухнуло вниз. Но через секунду экран дёрнулся, вспыхнул логотип, и Марк почти не поверил своим глазам: сайт ожил. Простой, без лишних украшений, но обновлённый. Несколько свежих записей в блоге. Раздел с фотографиями. И — «Contact».

Марк замер. Будто всё внутри дрогнуло от этого чуда. Он ожидал пустоту, а получил знак, что тот человек всё ещё есть. Что его мир не исчез, а продолжает дышать где-то там, на другом конце провода.

В груди стало тесно и горячо. Словно кто-то протянул руку через годы и коснулся его плеча. Тогда он подумал: «А может... написать?»

Он долго сидел, глядя на кнопку «Contact». Казалось, палец тянулся к ней сам, но что-то внутри тянуло назад. Страх. «А если он посмеётся? А если осудит? А если не ответит? А если вообще не тот человек...» — думал Марк, перебирая одну мысль за другой.

Но вместе со страхом внутри разгоралось другое чувство — редкая, почти детская надежда.

Марк нажал. Перед ним открылось простое окошко для письма. Он остановился, положил руки на клавиатуру и долго смотрел на мигающий курсор.

Сначала он написал:

«Здравствуйте! Я давно смотрю ваши видео, они помогали мне выжить в самые тяжёлые годы».

Прочитал и тут же всё стёр. Слишком пафосно. Слишком откровенно. Марк, чуть сморщившись, подумал: «Это же так глупо!».

Набрал снова:

«Привет! Хотел просто сказать спасибо. Я помню ваш сайт, он был мёртвым много лет, а теперь вдруг снова работает. Это чудо!»

Опять стёр. Слишком наивно.

Он набирал фразы одну за другой и снова удалял. Будто каждое слово было неправильным, чужим. Но внутри жила мысль: «Скажи хоть что-то. Хоть раз в жизни не молчи».

В конце концов он остановился на коротком, почти робком:

«Привет! Я не знаю, дойдёт ли это письмо, но хочу сказать: ваши видео были для меня очень важны. Они помогли мне поверить, что я не один. Спасибо!»

Он перечитал написанное, пальцы дрожали. Хотелось стереть ещё раз, но он остановил себя. Он замер в нерешительности отправить. Почти нажав клавишу, он вновь передумал, а внутри словно давно запертая дверь, открылась искренность. Он решил всё же дополнить письмо:

«Дело было не только в шариках или надувных игрушках. В ваших видео всегда сияли радость, нежность и свобода. Вы показали, что это не просто игра, а что-то гораздо большее.

Долгое время я пытался бороться со своей любовью к шарикам и надувным игрушкам, думая, что это неправильно. Но со временем понял — это не просто увлеченность, это неотъемлемая часть меня.

Спасибо за всё, что вы сделали и продолжаете делать. Для меня это значит больше, чем можно выразить словами».

Марк закрыл глаза, глубоко вдохнул и нажал «Отправить».

В тот момент он почувствовал, что сделал шаг в неизвестность. Но вместе с тем словно впервые позволил себе быть услышанным.

Глава 15

Ответа от XViker так и не последовало. Первые несколько дней Марк отчаянно проверял почту, надеясь увидеть заветное письмо, но приходило что угодно: рекламные рассылки, уведомления, спам, всё, кроме ответа.

Через неделю он смирился: скорее всего, никакого отклика уже не будет. В конце концов, зачем вообще отвечать на очередное письмо от какого-то фаната?

Адам продолжал настойчиво уговаривать Марка сходить на ещё одну вечеринку — на этот раз камерную, «для своих», как он выразился. Но Марк каждый раз вежливо отказывался.

Тогда Адам решил пойти на хитрость. Он знал, что Марк любит разные игры, особенно настольные, и пригласил его на небольшой квартирник. Обещал, что атмосфера будет уютной, а компания тёплой. Именно там он собирался познакомить Марка с близкими друзьями, с которыми позже планировал устроить приватную вечеринку с шариками.

В выходные Марк собирался пойти на тот самый игровой квартирник, о котором говорил Адам. Они договорились, что Адам заедет за ним и они поедут вместе.

Начало планировалось ближе к обеду. Утро субботы тянулось лениво. Марк неторопливо пил кофе, глядя в окно на пасмурное небо. Он решил, что оденется как обычно и на всякий случай глубже затолкал в шкаф яркую толстовку — ту самую, в которой впервые увидел Адама. Ему не хотелось привлекать внимание.

Допив кофе, он устроился на диване, где по телевизору шла кулинарная передача. То ли из-за погоды, то ли просто от накопившейся усталости он не заметил, как задремал, опёршись щекой на подлокотник.

Во сне ему вдруг снова пригрезилась комната с воздушными шариками, но не та, тревожная и чужая, а своя. Его комната, его диван и они родные, тихо шуршащие, будто звали.

Марк шагнул вперёд. Он колебался, но всё же осторожно взял в руки бежевый шарик.

Резкий звонок телефона вырвал его из сна. Это был Адам — он уже подъехал и ждал внизу.

Марк встрепенулся, вскочил и кинулся к шкафу, наспех вытаскивая одежду.

Сначала он не сразу понял, что держит в руках не привычный свитер, который обычно надевал поверх рубашки, а другой — тот, что откладывал для рождественских праздников: синий, с высоким горлом и снежинками.

Пожав плечами, он быстро натянул его прямо на голое тело, надел пальто и выбежал, даже не проверив, запер ли дверь.

Марк подбежал к машине, и Адам сразу приоткрыл перед ним пассажирскую дверь. Марк закинул пальто на сиденье, запрыгнул внутрь и захлопнул дверь. Он чуть запыхался и, виновато улыбнувшись, посмотрел на Адама:

— Привет! Прости, я опоздал... — он стянул перекошенный шарф с шеи. — Не поверишь, уснул. Видимо, это уже судьба — опаздывать к тебе.

— Привет! — рассмеялся Адам. — Ну ты даёшь, соня! Что ты там по ночам делаешь? Все надувашки уже заездил?

— Нет! Ты что! — Марк даже слегка возмутился. — Просто устал, наверное. Конец года, дел полно.

— Ладно, ладно, не оправдывайся, — с усмешкой сказал Адам. — Главное, не усни сегодня за столкой.

— Не усну!

Пока они ехали, Марк всё-таки решился заговорить. Голос его прозвучал чуть глуше, чем обычно, будто он ещё не до конца решился на эти слова:

— Я понял, что игра с шариками... с надувными игрушками на публике не для меня. Это слишком личное, что-то очень моё. Я не могу расслабиться, когда кто-то рядом. Не чувствую безопасности.

Он говорил осторожно, почти на ощупь, будто проверяя, не обидят ли эти признания Адама, не разочаруют. Но Адам, напротив, сразу кивнул и даже улыбнулся:

— Я понимаю. На самом деле я тоже предпочитаю это дома. Уют, тишина, никто не мешает. Всё по-своему, в своём ритме.

Он ненадолго задумался, продолжая глядеть на дорогу:

— Но вечеринки тоже бывают полезны. Не всегда, но иногда хочется выдохнуть, погрузиться в ощущение игры, не думать ни о чём. Ну и познакомиться с кем-то интересным. Просто быть собой по-другому.

Марк кивнул почти незаметно. Он не стал спорить, хотя внутри чувствовал, что для него это пока чуждо. Ему нравилось слушать Адама — в его голосе было что-то успокаивающее. Но сама идея вечеринки даже «для своих» оставалась тревожной. Он просто промолчал, не развивая тему. В машине на миг стало тише, только шуршание шин напоминало о дороге.

Но разговор вскоре вернулся. Они говорили о своём — об увлечении, о том, как оно влияет на отношения, как нелегко быть понятым. Об осторожности, с которой приходится раскрывать себя, даже перед теми, кто тебе вроде бы близок.

Вдруг, почти буднично, Адам сказал:

— Я был дважды женат. У меня есть дочка. От первого брака.

Марк чуть вздрогнул. Это было неожиданно. Слишком резко, слишком откровенно. Но он не подал виду, только посмотрел на Адама чуть внимательнее и мягко, и сочувственно кивнул. Не перебивал.

— В обоих случаях всё кончилось плохо, — продолжил Адам. — Сначала я не знал, как рассказать. А потом, когда всё же решался — меня просто переставали уважать. Не понимали, не хотели понимать. Это было... неприятно. Иногда даже жестоко.

Он замолчал. Внутри Марка всё защемило. Он вдруг почувствовал, как сжал ладони, не заметив. В окно потянулся зимний пейзаж — серое небо, обледеневшие деревья. Он смотрел туда, не видя ничего. Только слышал голос Адама и чувствовал его как что-то очень важное, очень личное.

— Мой путь... — Адам чуть замедлил голос, — Принятия себя, хобби, своей ориентации был непростым. Я долго боялся, долго притворялся. А потом просто устал. И выбрал себя.

Марк молчал. Где-то внутри возникло тихое чувство стыда — не за себя, а за свою невнимательность. Он вдруг понял, насколько сложно бывает другим. И как легко можно не заметить.

— У меня, наверное, не было такого... — сказал он негромко, — Я знал, кто я, знал, что мне нравится. Не было борьбы, не было трагедии. Но всё равно я боялся, знаешь? Боялся, что это... не вписывается. Что это слишком странно, слишком по-детски чтобы быть принято.

Он замолчал. Потом, чуть подумав, добавил:

— Наверное, внутри меня всё ещё живёт часть, которая прячется. Каждый раз, когда я думаю, что, может, всё-таки... не стоит.

Адам посмотрел на него с короткой улыбкой:

— Я думаю, эта часть есть у всех. Просто кто-то учится с ней дружить, а кто-то продолжает сражаться. Главное, чтобы ты знал: с тобой всё в порядке.

Марк кивнул. Он смотрел в окно, а внутри, как лёгкий тёплый ветер, прошёлся какой-то тихий покой. Впервые за долгое время ему не нужно было объяснять себя. Не нужно было оправдываться. Он просто был рядом с тем, кто слушал.

Когда они добрались до места, Марк оказался в неожиданно уютной и тёплой квартирке. Гостиная встречала кирпичными стенами, мягким жёлтым светом и множеством стеллажей, заставленных настольными играми, книгами и всевозможными сувенирами. У стены стоял просторный серый диван, усыпанный подушками и окружённый целой армией плюшевых игрушек. На полу были рассыпаны мягкие подушки, между которыми располагались разложенные игровые поля.

В комнате уже находилось несколько человек: большинство увлечённо играли, сидя на подушках, двое тихо разговаривали на диване, не мешая игре, ещё двое хлопотали на кухне. Вся атмосфера располагала к неспешным, добрым посиделкам — здесь было по-настоящему тепло, по-домашнему уютно и безопасно.

Адам подвёл Марка к группе игроков и представил его. Те дружелюбно поприветствовали новенького и вскоре они с Адамом присели на диван. По мере знакомства Адам, словно между делом, отмечал, кто из присутствующих — лунер, а кто нет. Мягко, но так, чтобы Марк не чувствовал себя неловко. Он также рассказал, что двое ребят на кухне — хозяйка квартиры и организаторы этих тёплых игровых встреч.

Вскоре хозяева присоединились к остальным, неся на подносах горячий чай и домашнее печенье. Адам с восхищением познакомил Марка и с ними. Те были рады новому гостю, гостеприимно предлагали угощение, оживлённо рассказывали о любимых играх и делились историями с предыдущих встреч.

Марк почувствовал, как в нём что-то медленно, почти неувидимо оттаивает. Он вдруг осознал, как давно не смеялся просто так, не напрягаясь, не ожидая подвоха. Эти люди не пытались его расспрашивать, не вторгались в его пространство — они просто принимали его. Так, будто он уже давно здесь. Какой-то тёплый, почти детский восторг закрался в его сердце, и он поймал себя на том, что улыбается, глядя на плюшевого дракона, примостившегося на полке.

Он опустил взгляд на чашку с горячим чаем — руки всё ещё слегка дрожали, но внутри становилось спокойно, тихо, надёжно.

Через несколько минут, перекинувшись ещё парой фраз, Адам и организаторы игр ненадолго удалились на кухню перевести дух и поговорить о чём-то своём.

Начали подтягиваться и остальные гости. Заходя в комнату, они приветливо улыбались, махали руками и, заметив знакомых, спешили к ним с тёплыми объятиями, радостными восклицаниями, оживлёнными репликами. Несмотря на то, что Марк никого не знал и скромно сидел на дальнем краю дивана, к нему подходили поздороваться, познакомиться, а некоторые — даже обнять.

Постепенно неловкость отступала, растворяясь в тёплой, доброжелательной атмосфере, словно солнце пробивалось сквозь тучи, заставляя его внутренне оттаивать.

Он сидел и размышлял, насколько же велик и многолик этот город. Прожив здесь всю жизнь, он никогда не слышал ни про супермаркет с шариками, ни про такие уютные клубы настольных игр, ни про вечеринки, где собираются люди с такими странными, но близкими сердцу увлечениями.

Его мысли прервал парень, весело помахав рукой и пригласив Марка присоединиться к игре. Марк с удовольствием согласился. Игра оказалась живой, весёлой — нужно было описать изображение на карточке так, чтобы другие участники угадали его, не называя прямых ассоциаций. Он быстро втянулся, улыбался, смеялся, обмениваясь взглядами и фразами с новыми знакомыми. Почти впервые за долгое время он чувствовал себя не «вдоль», а «вместе».

Среди новых гостей, едва успевших войти в комнату, он заметил стройного светловолосого парня. Тот был явно застенчив, робко здоровался, чуть потупив взгляд. Что-то в его движениях, в том, как он держался, как садился на край дивана, именно на то же место, где вначале сидел сам Марк, сразу вызвало в Марке отклик. Он даже усмехнулся про себя: «Похоже, это место новичков».

Парень всё время просидел с краю, внимательно наблюдая за происходящим, почти не участвуя, изредка перешёптываясь с тем, кто, вероятно, его пригласил. И всё же в его взгляде, в его присутствии было нечто особенное. Что-то робкое и притягательное, едва уловимое, но ощутимо близкое. Марк чувствовал это кожей.

Игра продолжалась, становясь всё более увлекательной, но к обеду ведущий предложил сделать перерыв. Настольные карты и фишки временно покинули своё место, и хозяева квартиры вынесли два подноса с сэндвичами, аромат от которых сразу наполнил комнату. Гостям предложили угоститься и почти все с радостью направились к кухонному столу.

Адам, уже жуя один из сэндвичей, подошёл к Марку и, слегка понизив голос, с заговорщической улыбкой сказал:

— Не стесняйся, бери. Таких ты точно нигде не пробовал!

Марк не стал отнекиваться. Он взял сэндвич и откусил, невольно промычав от удовольствия: казалось бы, простая закуска, но вкус был удивительно нежным. Мягкий хлеб, тёплый плавленый сыр, сочные овощи и свежайшее мясо. Вкус домашнего уюта и заботы.

Поглядывая по сторонам, Марк заметил, как и другой новичок, тот самый парень с дивана, неуверенно взял сэндвич и встал у окна, отгородившись от суеты комнаты. Марк колебался, но решился и подошёл:

— Привет! Я Марк, — с тёплой улыбкой представился он. — Ты тоже новенький?

— Герман, — чуть сдержанно, но не грубо ответил тот. — Да, первый раз здесь.

— Сэндвичи потрясающие, правда? — продолжил Марк, стараясь поддержать разговор.

Герман чуть усмехнулся, откусывая ещё:

— Ага. Таких подносов можно штук пять съесть и не заметить.

Марк засмеялся и напряжение между ними будто немного рассеялось.

Ответить было уже нечего и Марк, решив не тянуть паузу, взял ещё пару сэндвичей и вернулся к Герману, протягивая один из них с тёплой, почти заговорщической улыбкой.

Тот не стал отказываться, лишь на секунду задержал взгляд, чуть смущённо улыбнулся в ответ и принял угощение.

— Какой ты голодный, — с лёгкой усмешкой заметил Марк.

— Ага, — кивнул Герман, не дожёвывая. — Не успел толком позавтракать.

Марк на мгновение задумался, потом, будто приняв внутреннее решение, сказал:

— Слушай, после еды будут играть в большую стратегию. Хочешь присоединиться? Вместе будет легче.

— Даже не знаю... — Герман чуть отвёл глаза. — Я в такие почти не играл.

— Тем более отличный повод попробовать, — ободряюще сказал Марк. Он слегка коснулся рукой талии Германа, мягко направляя его в сторону игровой зоны. — Обычно именно таких участников не хватает.

Герман сделал пару шагов и несмело спросил:

— Ты уверен? Никто не будет против?

— Наоборот, будут только рады, — тепло заверил Марк. Потом, поколебавшись, вдруг обнял Германа, как будто внутри у него что-то щёлкнуло. — И я... я тоже буду очень рад.

Герман чуть удивился, но, смущённо улыбнувшись, обнял в ответ — осторожно, почти невесомо.

Марк вдруг ощутил, как не хочет его отпускать. В этом мгновении было что-то хрупкое и волнующее: будто они давно были знакомы, просто случайно разошлись и сейчас встретились снова. Но в этот момент к ним неожиданно подошёл Адам, радостно обнял их обоих, обхватив за плечи:

— У-у, ребята! А вы, смотрю, не теряете времени! — он весело засмеялся и дружески потрепал их по спинам. — Самое время потискаться, ага!

Марк и Герман тут же покраснели, пытаясь отстраниться.

— Да ладно вам, — продолжал Адам, не отпуская. — Расслабьтесь. Тут все свои.

— Мы... мы хотели сыграть, — пробормотал Марк, задыхаясь в крепких объятиях.

— Ага, сыграть... или это у вас уже своя игра началась? — с прищуром пошутил Адам и подмигнул.

— Нет-нет! — всполошился Марк. — Мы в стратегию.

Адам наконец отпустил их, довольный, и хлопнул обоих по плечу:

— Вот и отлично! Бегите скорее, они уже начинают.

Марк и Герман присоединились к игре, усевшись рядом. Марка не покидало лёгкое разочарование: Адам, сам того не желая, нарушил хрупкий, почти магический момент их первого сближения. Но он быстро поймал себя на мысли — если бы не Адам, Герман, возможно, так и остался бы в стороне. А теперь они сидели рядом и у Марка появилась возможность продолжить знакомство, пусть и под прикрытием общего увлечения.

Он не стал терять шанс. В паузах между ходами Марк осторожно продолжал разговор, словно распутывая ниточку доверия.

Герман сначала отвечал коротко, сдержанно, как будто ещё примеряясь к новому человеку рядом. Но Марк делился собой, ненавязчиво, тепло, искренне и это постепенно растопило настороженность. Герман начал отвечать чуть охотнее, улыбаться чаще и даже сам задавать вопросы.

К концу партии они уже чувствовали, будто знакомы не первый день. Разговор становился глубже, доверительнее, с каждым обменом реплик вырастая в тонкое, почти неуловимое сближение. В какой-то момент Марк поймал себя на том, что с трудом отводит взгляд от Германа и, кажется, тот тоже замечал это.

Между ними возникало то особое чувство, которое не спутаешь ни с чем: когда хочется слушать дальше, говорить ещё, быть рядом.

К вечеру, когда игровой день подходил к концу, участники неспешно собирали коробки, аккуратно раскладывали фишки, фигурки и дайсы по ячейкам. Комната постепенно наполнялась лёгкой усталостью и уютом, как будто сама игра становилась воспоминанием.

Марк стоял рядом с Германом, продолжая лёгкую беседу. Герман уже чувствовал себя гораздо свободнее: говорил тепло, живо, иногда улыбался и даже позволял себе лёгкие прикосновения. Он осторожно клал руку на плечо Марку и тот отвечал тем же. В этих жестах была и нежность, и волнение — та хрупкость, с которой только начинаются настоящие близости.

Тишину вечера внезапно разбавил Адам. Выглянув из кухни, он на секунду исчез из виду, а потом с лёгким хлопком бросил в центр комнаты большой жёлтый шарик. Два парня из тех, кого он ещё днём назвал лунерами, тут же кинулись к нему. Марк вздрогнул.

В груди всё сжалось. Он побледнел и напрягся, словно внутри включился тревожный сигнал. Он испугался не за шарик, а за себя: как он отреагирует, увидит ли Герман то, чего он сам боится показать?

Чувства смешались в одну зыбкую волну: страх, смущение, интерес, неловкость — всё разом. Он не знал, куда девать глаза.

Но тут произошло нечто неожиданное. Парни играли иначе. Они не нападали на шарик с жадной разрушения, не рвали его, как на той злополучной вечеринке. Вместо этого они устроили весёлую возню, словно два котёнка, борющихся за клубок. Вырывали шарик из рук друг друга, но с осторожностью, почти бережно. Их движения были мягкими, без суеты. И когда один из них наконец завладел добычей, он не стал его лопать или бросать. Наоборот, он сел на диван, прижал шар к груди, обнял и медленно провёл рукой по натянутому латексу, будто гладил любимого.

Он театрально высунул язык в сторону соперника и, хихикнув, прижался щекой к шару. Было в этом что-то детское, игривое и неожиданно трогательное.

Адам вновь вышел из кухни. На этот раз он прошёл немного дальше в комнату и с торжественным видом принялся надувать большой белый шар. Марк насторожился. Он слишком хорошо знал пристрастие Адама к надуванию до хлопка. Сердце сжалось от тревоги. Он не мог ни смотреть, ни слушать.

Не сдержавшись, он шагнул ближе к Герману, обнял его за талию и спрятался у него за спиной.

— Ты чего? — удивлённо усмехнулся Герман, попытавшись обернуться.

— Он... он сейчас лопнет его. Очень громко, — прошептал Марк, цепляясь крепче и не давая Герману развернуться.

— Не бойся, — спокойно ответил Герман. — Я тебя прикрою.

Он чуть расставил руки, словно заслоняя Марка от всего мира. В этом движении не было ни насмешки, ни театральности — только тёплая, искренняя защита.

Марк замер, взволнованный и глубоко тронутый. Никто прежде не стоял перед ним вот так, принимая его страх не как слабость, а как часть его самого. Он и не заметил, как крепче сжал руками талию Германа, впиваясь пальцами в ткань свитера. Закрыв глаза, ожидая хлопка.

Оглушительный взрыв разорвал воздух. В квартире с кирпичными стенами звук отозвался особенно пронзительно.

Герман не шелохнулся. Ни вздрагивания, ни раздражения. Только лёгкая улыбка. Когда Марк наконец выглянул из-за его плеча, он увидел в его глазах спокойствие и даже азарт. Словно Герман хотел сказать: «Думал, я испугаюсь? Ну-ну».

Марк смотрел на него с изумлением, как на что-то невозможное и прекрасное.

В этот момент в комнату вошёл один из хозяев квартиры — парень с чашкой чая и видом порядком уставшего организатора.

— Адам! — сказал он с недовольной интонацией. — Я же тебя просил по поводу шаров. Мы не против самих шариков, но здесь не лопать! После прошлой вечеринки соседи жаловались, и мы два месяца никого не приглашали.

— Ну ла-а-дно... — протянул Адам с театральной виноватостью, но тут же хитро улыбнулся, доставая ещё один шарик из кармана.

— Нет! — строго сказал организатор. — Или мы играем без тебя.

Адам скорчил забавную гримасу, пряча шарик обратно и комично высунул язык в спину уходящему другу. Затем, взглянув на парня, что всё ещё сидел на диване с уцелевшим шаром, хмыкнул:

— А этот чего не лопнули ещё?

— Не-а, — парень покачал головой, глядя шарик.

— Ну, а что с ним ещё делать? — пожал плечами Адам, а потом хитро прищурился. — Отдай его Марку. Он у нас мастер лопа!

Марка накрыла волна ледяного ужаса. Мысль, едва проскользнувшая в голове, была в висок как набат: «За что? Только не сейчас...»

Он не успел и повернуться как прямо в него полетел большой жёлтый шар.

Герман успел перехватить шарик и, даже не раздумывая, протянул его Марку. Тот лишь смотрел на него, не решаясь взять. Латекс поблёскивал в свете лампы, шуршал, дрожал, словно дразня и просясь в руки. Но Марк будто окаменел.

Адам, сияя от удовольствия, громко подначивал:

— Так! Давай, давай! Бери уже! — он махал рукой, словно приглашая на сцену. — Ну! Садись на него! Покажи класс!

Марк, заливаясь краской, всё же послушно взял шар. Он осторожно опустил его на пол и обошёл сбоку, словно дикий зверёк, подступающий к ручному. Присел медленно,

будто боялся, что шарик обидится. Воздух в латексе застонал, натянулся. Под ним что-то упругое и манящее. Тёплое.

— Прыгай! — крикнул Адам. — Ну давай, прыгай!

Марк приподнялся и неловко подпрыгнул. Шар лишь поскрипел, даже не дрогнув. Он сделал ещё прыжок. Потом ещё. Тепло от натянутой поверхности словно стало перетекать в тело. Тревожность стала отступать, дыхание стало глубже. Он не мог это остановить. Внутри нарастал жар.

Адам тем временем повернулся к Герману:

— А ты чего застыл? Помогай ему!

Герман подошёл сзади. Его руки легли Марку на плечи уверенно, но бережно. Он слегка надавил. Марк снова подпрыгнул, сильнее. Шар скрипел и поддавался. Он начал растягиваться, чуть вытягиваясь в сторону горлышка.

— Ещё! — подбодрил Адам. — Почти!

Герман, не отступая, добавил давления, чуть склонился к Марку, почти нависая над ним. Марк прыгнул ещё раз, сильнее. Воздух дрогнул. И вдруг — бах! — гулкий хлопок разнёсся по комнате, латекс разлетелся жёлтыми лоскутками.

Марк повалился вперёд, едва не сбив Германа с ног.

— Эй, ты не ушибся? — тут же наклонился к нему Герман, подавая руку.

— Нет, всё нормально, — выдохнул Марк с улыбкой, принимая помощь.

Он встал, машинально отряхиваясь. Проверил свитер, поправил джинсы. Сердце всё ещё билось слишком быстро, но в груди уже не было страха — только волнение и лёгкая дрожь, похожая на восторг. Он подошёл ближе, встал рядом с Германом и тихо сказал:

— Спасибо...

Голос дрожал, но был тёплым. Настоящим.

На улице в мягком свете городских фонарей последние гости неторопливо прощались, обнимались, переговаривались вполголоса. Воздух был свежий, почти зимний: прозрачный и чуть звенящий. Всё медленно затихало, как вечерняя музыка после тёплого концерта.

Марк подошёл ближе к Герману. Осторожно, будто боясь спугнуть что-то хрупкое, положил ладонь ему на спину, легко поглаживая через ткань куртки.

— Может... мы как-нибудь встретимся? Выпьем кофе вместе? — тихо спросил он, стесняясь собственного голоса.

Герман посмотрел на него с той самой лёгкой, светлой улыбкой. И сразу обнял. Плотно, уверенно, по-доброму. Наклонившись, он прошептал Марку на ухо:

— Конечно. Давай встретимся.

Объятие оказалось не просто тёплым, оно было родным, таким, в котором можно спрятаться от всего мира. В груди у Марка что-то дрогнуло, откликнулось. В этот раз не было ни тревоги, ни страха быть непонятым. Только покой. Только обещание, что всё возможно.

И ничто, ничто в этом вечере уже не могло испортить это волшебное прощальное мгновение.

Глава 16

Прошло всего около месяца, но Марку казалось, что в его жизнь уже вошло что-то новое. Он ловил себя на том, что улыбается в метро, в очереди в магазин, даже в холодном утреннем воздухе.

Герман писал ему короткие сообщения о том, что застрял в пробке, что в спортзале всё занято, что вечером будет свободен. И каждое это «свободен» Марк перечитывал по несколько раз.

Их встречи пока были простыми: ужин в небольшом кафе возле дома Германа, прогулка по набережной, вечер у Марка за чашкой чая. Но в этих встречах было главное — чувство, что рядом с ним человек, которому интересен он сам. Не роль, не фасад, не вежливая маска, а живой Марк.

Иногда он пугался этой близости. Хотелось спрятаться, отложить слова на потом. Но Герман был спокоен: он не требовал признаний, не торопил, просто был рядом. И именно это простое «быть рядом» давало Марку силы.

Однажды, встретившись вечером после работы как обычно у Марка, Герман принёс с собой небольшой воздушный шарик. Желтый, с улыбкой, завязанный на палочке с маленькими, крошечными шариками по контуру. Он сразу протянул его Марку с улыбкой:

— Это тебе!

— Спасибо! — засмущавшись ответил Марк.

Простой домашний ужин превратился в разговор за чаем, а потом в тихое молчание. Герман, устроившись на диване, лениво пролистывал новостную ленту в телефоне, а Марк сидел напротив и чувствовал, как внутри растёт напряжение.

«Если не сейчас, то когда? Если он отвернётся, лучше пусть это будет сразу», — прокручивал Марк в голове, ведь он так и не был уверен насчёт отношения Германа к воздушным шарикам.

Он глубоко вдохнул и сказал:

— Герман... я хочу тебе кое-что рассказать. Но, возможно, это покажется тебе странным.

Тот отложил телефон и посмотрел внимательно, без тени усмешки.

— Ну? Говори.

Марк замялся, руки дрожали.

— Знаешь... я люблю воздушные шарики. И надувные игрушки. Для меня это не просто... ну, детская забава. Это часть меня. Иногда игра с ними приносит мне радость, тепло, даже близость. — Марк растеряно посмотрел в сторону, и ему на глаза попался тот шарик, который принес Герман. — И то, что ты принёс этот шарик сегодня, для меня очень многое значит...

Он ждал смеха, удивления, хоть какого-то знака, что всё рушится. Но Герман продолжал смотреть так же спокойно. Лишь чуть приподнял брови и усмехнулся уголком губ.

— Так вот в чём дело. — он кивнул. — Слушай, ну это не самое странное, что я слышал в жизни.

Марк боялся даже дышать. Всё внутри сжалось.

— Ты правда так думаешь? — он сжал пальцы так сильно, что побелели костяшки. — Это же ненормально.

— Нормально. У каждого свои предпочтения, я не вижу в этом ничего плохого. — просто ответил Герман. — Ты из-за этого переживал?

Марк почувствовал, как в груди что-то оттаивает.

— Я боялся тебе говорить... — тихо признался он. — А тебе это нравится? Ты не против был бы поиграть с шариками, полопать их?

— Ну, я не испытываю того же, но я не против, это же как взорвать петарду, — мягко улыбнулся Герман. — А я любил их в детстве взрывать.

Эти слова застали Марка врасплох. Он замер, потом неуверенно улыбнулся.

— Может... мы поиграем с ними в Рождество... — эти слова давались Марку ещё труднее. Ни один из его дней рождения ещё не проходил хорошо, и он волновался.

Герман лишь пожал плечами, будто говорил: «Хорошо, я только рад». И в этом было то самое принятие без давления.

Рождество того года выдалось снежным и тихим. Вечером комната Марка наполнялась мягким светом гирлянд, ароматом мандаринов и звуками лёгкой музыки.

Герман пришёл с пакетом. Внутри был небольшой подарок и коробочка с имбирным печеньем, а в руке — большой воздушный шар, наполненный гелием, с надписью: «С днём рождения!»

— С днём рождения, дорогой, — улыбаясь, сказал он и протянул Марку шарик и пакет.

Марк застыл, не веря глазам.

— Спасибо! Какой потрясающий шарик... где ты такой нашёл?

Герман лишь скромно улыбнулся, наблюдая, с каким восторгом Марк рассматривает подарок.

Шар был причудливой формы, переливающийся оранжевыми и серебристыми оттенками, с яркой надписью в центре и изображением взрыва, словно фейерверк из латекса.

Марк достал из пакета подарок и коробочку с печеньем, и аккуратно открыл подарочную коробочку. Внутри оказался крошечный декоративный домик с подсветкой — точно такой, какие он любил расставлять рядом с ёлкой.

— Спасибо большое... — мягко сказал Марк, улыбаясь, и бережно поставил домик в начало своего праздничного городка.

После праздничного ужина Марк взглянул на Германа с лёгким волнением, словно собирался задать вопрос, который долго не решался произнести.

В этот раз он не стал заранее надувать шарики и раскидывать их по комнате. Внутри жила тревога: а вдруг Герман передумает? Вдруг всё снова обернётся болью? Он не был уверен, что выдержит ещё одно безрадостное уничтожение.

— Ну что... — тихо начал Марк, глубоко вздохнув. — Может, мы... ну, мы вроде хотели поиграть с шариками?

— А, точно! — Герман посмотрел на него с виноватой улыбкой. — Я совсем забыл.

А где они?

— Я не стал их надувать заранее... вдруг ты передумаешь, не захочешь.

— Нет, давай надуем! Где они у тебя?

— В другой комнате, в шкафу, — кивнул Марк в сторону двери. — Там ещё компрессор есть для них.

— Ого! Это круто. Ты прямо профессионал, — с улыбкой сказал Герман. — Так будет проще и быстрее!

Когда Марк открыл шкаф и показал полку с синим прямоугольным компрессором и несколькими пакетами, Герман без тени смущения взял один из пакетов и насос.

Подключив компрессор, он устроился на краю кровати и, быстро разобравшись, как всё работает, начал надувать шарики. Марк с удивлением наблюдал за ним: Герман справлялся с такой лёгкостью, словно делал это всю жизнь.

Один за другим он молниеносно завязывал узелки и аккуратно подбрасывал шарики, чтобы они мягко падали на постель.

Когда уже около двадцати шаров заполнили кровать, Герман поднял взгляд на Марка, который всё это время стоял в дверях, будто боясь спугнуть это волшебство. Он улыбнулся и спросил:

— А сколько ты хочешь шариков?

— Даже не знаю... а ты? — робко ответил Марк.

— Ну, давай ещё столько же и хватит. Нормально?

Марк молча кивнул. Герман вновь повернулся к компрессору и шарики один за другим продолжили наполнять комнату.

Ещё пятнадцать минут и спальня утопала в десятках разноцветных шаров: красных, синих, жёлтых, с рисунками и без. Они мягко шуршали и покачивались, заполняя пространство каким-то детским, тёплым чудом.

Герман убрал в шкаф насос и пакет, потом, взглянув на Марка, сказал с мягкой заботой в голосе:

— Ну что, именинник, доволен? Хочешь ещё один для крутого старта?

Марк только кивнул и улыбнулся. Герман достал последний шарик из пакета, закрыл шкаф и, показав жестом, пригласил Марка пройти в комнату. Сам же остался в прихожей, начав надувать зелёный шарик ртом. Марк заворожённо наблюдал, как тот всё больше раздувается от горячего дыхания Германа. Шарик скрипел, растягиваясь до предела и вот — пронзительный хлопок разнёсся по комнате.

Марк вздрогнул. Герман, немного смутившись, подошёл к нему и с мягкой усмешкой сказал:

— Громко получилось.

Он посмотрел на гору шаров, где раньше была кровать.

— Тебе нравится?

— Ты даже не представляешь, как это много для меня значит, — прошептал Марк.

— А знаешь, у меня есть идея, — Герман хитро улыбнулся. — Я всегда хотел попробовать прыгнуть в гору шариков с разбега. Хочешь?

Марк снова кивнул и в его глазах мелькнул огонёк восторга. Он посмотрел на Германа — в этот момент сердце забилось чаще, дыхание перехватывало. Не сдержавшись, он крепко обнял Германа и тихо прошептал:

— Очень...

Они вместе отошли к двери, освобождая место для разгона. Герман, обернувшись к Марку, сказал:

— Давай ты первый. Не бойся, я рядом.

И эти слова придали Марку сил. Словно по команде он чуть нагнулся, побежал вперёд и, раскинув руки, с разбега прыгнул в груды воздушных шаров. Те взлетели, шурша и поскрипывая, но ни один не лопнул. Марк остался лежать посреди постели, накрытый пёстрым латексным одеялом.

Герман немного встревожился и спросил:

— Ты в порядке?

— Да! — Марк рассмеялся, поднимаясь и раскидывая шары вокруг. — Всё хорошо!

Правда, ни один не лопнул.

Герман протянул ему руку, помогая встать, и с озорной улыбкой добавил:

— Сейчас исправим!

Не мешкая, Герман резко рванул вперёд, подпрыгнул, раскинув руки, и скрылся в взметнувшемся облаке воздушных шаров. Почти сразу в комнате послышались хлопки — один за другим. Пять шариков безвозвратно были покорены.

Марк затаил дыхание, наблюдая, как Герман выбирается из цветной пучины. Тот быстро подошёл к нему, сияя улыбкой.

— Ого! Ну ты даёшь! — воскликнул Марк. — Ты просто мастер!

— Да ладно! — рассмеялся Герман. — Я всегда мечтал так сделать.

Он обнял Марка за плечи и мягко погладил по спине.

— Ну что, как ты их обычно лопаешь?

Марк смутился и отвёл взгляд:

— Ну... я люблю садиться на них... прыгать...

— Круто! — уверенно сказал Герман. — Погнали?

Руки Марка дрожали, когда он сел на мягкий шар и осторожно перенёс на него вес. Комната наполнилась пронзительным скрипом латекса. Он покраснел, но не отвёл взгляда — Герман смотрел внимательно, с тем самым лёгким прищуром, но без тени насмешки.

— Нравится? — тихо спросил Герман.

— Очень... — почти прошептал Марк.

Он опустил голову чуть сильнее и шарик с хлопком лопнул. Марк вздрогнул, но Герман только засмеялся и хлопнул его по плечу:

— Класс! Теперь давай вместе.

Они вдвоём стали прыгать и давить шарики то смеясь, то замирая от громких звуков, от близости, от ощущения, что происходит нечто новое, особенное. Когда лопнул последний, Марк остался сидеть на постели, окружённый цветными обрывками латекса и вдруг понял: он не один. Его тайна — больше не тайна.

Герман ненадолго вышел из комнаты, но вскоре вернулся, держа в руках два бокала с мартини. Он сел рядом, протянул бокал Марку и они выпили за «самый настоящий праздник».

В тот вечер Марк впервые ощутил, что его принимают целиком — и с его радостью, и с его странностями.

Глава 17

Жизнь с Германом постепенно вошла в русло. Они встречались всё чаще, иногда оставались друг у друга ночевать, вместе ходили в спортзал или по делам, порой спорили из-за мелочей, но всё это складывалось в какую-то новую, неожиданно настоящую повседневность.

Марк иногда замечал в Германе странную черту — умение быть рядом и в то же время держать внутреннюю дистанцию. Казалось, что он может резко закрыться, уйти в себя, и это ранило. Но вместе с тем именно с ним Марк чувствовал долгожданную свободу: он мог говорить, пробовать новое, не бояться своих желаний.

И шарики тоже постепенно стали частью их близости. Не обязательной, не ежедневной, но естественной, как дыхание между поцелуями. Герман никогда не покупал их сам, но когда Марк протягивал ему пачку, он принимал её без вопросов и надувал с лёгкой усмешкой, словно соглашаясь войти в игру.

Та ночь была особенной. Обычный вечер, никаких праздников, просто они вдвоём в комнате, где на полу уже лежали несколько разноцветных шаров, а надувной мяч покачивался от сквозняка. Марк почувствовал, как дрожь нетерпения пробегает по его телу, и сказал тихо, почти шёпотом:

— Давай сделаем это вместе.

Герман взял пачку шариков из рук Марка и, не торопясь, стал вытаскивать по одному. Его движения были спокойными, даже чуть ленивыми, но Марк чувствовал, что за этим спокойствием скрывалось особое согласие, будто он говорил: «Я готов войти в твой мир».

Комната наполнялась звуками: ритмичным шипением воздуха, растягивающимся латексом, хлопками резины, когда шарик соскальзывал с пальцев. С каждым новым шаром пространство становилось всё более живым, ярким, словно в серые будни врвалась настоящая палитра.

Марк сидел на кровати, подтянув колени, и смотрел на него. Каждое движение Германа в этот момент казалось ему интимным. Когда тот завязывал шар, зубами

натягивая узел, Марк чувствовал, как внутри рождается то самое желание, сильное, необоримое, но уже не мучительное, а наполненное счастьем.

— Ещё? — спросил Герман и Марк кивнул, чувствуя, как голос предательски дрогнул.

Шариков становилось всё больше, они скользили по простыням, мягко подпрыгивали под руками. Марк не выдержал и упал на них спиной, раскинув руки, словно сдаваясь этому цветному морю.

Герман усмехнулся, но в его глазах промелькнула искра, не насмешки, а чего-то близкого, принимающего. Он подошёл и толкнул один из шаров ногой, тот звонко подпрыгнул и, покачавшись, вернулся обратно.

Марк в этот момент резко сел, подался к Герману и их губы встретились. Поцелуй был жадным, прерывистым и вскоре они вместе рухнули на кровать, прямо в шарики, которые жалобно заскрипели под тяжестью тел. Один не выдержал и громко лопнул, разрезав воздух резким эхом.

Марк вздрогнул, но не от страха, а от восторга. Его сердце забилось быстрее и он, уже не сдерживаясь, обхватил Германа за шею, увлекая в этот хрупкий, но такой настоящий мир.

Для него это был миг освобождения, когда страсть к надувному увлечению перестала быть чем-то тайным и болезненным, а стала частью близости. Но где-то в глубине, за этим счастьем, всё равно жила едва ощутимая тень тревоги: «А вдруг он играет только ради меня? Вдруг на самом деле все это ему не нравится? А вдруг это исчезнет?»

Герман подал ему надутый шар и, не дожидаясь реакции, решительно вдавил его в грудь Марка. Хлопок, мгновенный, звонкий, заставил обоих рассмеяться. Так легко и просто, словно они были детьми, разыгравшимися в полночь.

— Ты чего творишь! — Марк попытался возмутиться, но его голос сорвался на смех.

— Да... — отозвался Герман и уже протягивал следующий, держа его на вытянутой руке, как вызов.

Хлопки следовали один за другим: то резкие, то лениво растянутые, когда они почти давили шарик вместе, плечом к плечу. И между этими звуками, разрывающими тишину комнаты, оставались короткие паузы там, где их дыхание становилось тяжелее, а взгляды задерживались дольше.

Герман протянул Марку, словно торжественно вручая, сразу два шара. Он, хитро улыбаясь, спросил:

— А два сможешь?

— Попробую! – охотно согласившись, Марк взял оба шара.

Он положил их на постель вместе и осторожно опустился на них. Поскрипывая, шары растягивались, но выдерживали Марка. Он стал раскачиваться и осторожно прыгать. Понимая, что сразу два воздушных шарика придают не просто сладостную упругость, но и вдвойне крепкую основу, он стал прыгать сильнее. Хлоп — один исчез. Хлоп — второй.

Марк вдруг понял, что уже не может остановиться: каждый новый шарик, который Герман доставал из кучи, был как искра, и каждая вспышка возбуждала их всё сильнее.

Лоскутки лопнувших шариков покрывали комнату словно осенние листья. Когда они повалились на ковёр среди разноцветных обрывков, Марк заметил, что Герман смотрит на него иначе — с этим упрямым азартом, с которым смешивалась нежность. И именно это смешение оказалось куда сильнее, чем шум хлопков: ощущение, что они разделяют не просто игру, а что-то более глубокое, доверительное, интимное.

Они остались лежать среди хрустящих обломков латекса и ещё целых шаров, которые лениво перекатывались под тяжестью тел. В комнате витал особый запах: сладковатый, резиновый, перемешанный с теплом их дыхания.

Марк перевернулся на спину и замер, чувствуя, как сердце стучит прямо в горле. Он смотрел в потолок, а потом медленно повернул голову к Герману. Тот лежал рядом, тоже переводя дыхание, и беззаботно катал ладонью оставшийся шарик, лениво нажимая, будто проверяя, когда тот сдастся.

Марк тихо рассмеялся и смех сам собой превратился в выдох облегчения. Впервые за долгие годы он не чувствовал вины. Не было ужаса, что его разоблачат, не было холода от чужого равнодушия. Всё вокруг казалось правильным: и эти разноцветные шары, и потрескавшийся от резкого звука воздух, и Герман рядом, который не отвернулся, не осудил, а остался здесь, вместе с ним.

Он поднял руку и дотронулся до пальцев Германа. Тот сжал его ладонь, не глядя, как будто это было само собой разумеющимся, простое и крепкое «Я с тобой».

В груди Марка стало тепло. Да, он понимал, что тревоги ещё не ушли, вопросы остались и будущее туманно. Но в этот миг он позволил себе самое важное — радость. Радость от того, что он есть, что рядом человек, который разделил с ним эту часть его, такую хрупкую и интимную.

И, может быть, именно с этого момента он начал учиться любить не только шарики, но и себя самого.

На следующий день всё казалось другим. Воздух был свежее, пространство — светлее. После той ночи в Марке что-то изменилось: будто тяжёлый, невидимый груз растворился. Он чувствовал, что его наконец видят по-настоящему, без прикрас. И с этого момента началась их новая глава. Без резких шагов, без обещаний, просто жизнь рядом.

Время после той ночи стало течь иначе. Они продолжали встречаться, всё чаще оставались на ночь друг у друга. Порой в квартире снова появлялись десятки шаров, ярких, звонких, упрямо прорывающих тишину. Иногда всего один или надувная игрушка, но суть оставалась прежней: это была их игра, их радость, которую они делили на двоих.

У Марка появилось новое чувство: он больше не прятался. Не нужно было ничего объяснять или оправдываться. Герман не задавал лишних вопросов — просто принимал. И именно это оказалось для Марка самым драгоценным.

Шли месяцы. Зима медленно отступала, уступая место весне. Их встречи наполнились обычными вещами: совместные завтраки, походы в спортзал, редкие ссоры и такие же нужные примирения. Где-то посреди этого тёплого течения жизни возникла мысль взять отпуск. Уехать. Сменить обстановку. Вдохнуть солёный воздух у моря.

Сама идея казалась вдохновляющей и немного пугающей. Марк ещё никогда не ездил в отпуск с партнёром. Тем более в летнюю поездку, где всё открыто — и тело, и душа.

Когда с выбором места определились, они отправились в путь. Перелёт прошёл спокойно, и всё в этой поездке обещало быть лёгким и приятным. Их отель стоял на

берегу, прямо у начала набережной — длинной линии, опоясывающей весь прибрежный город, словно тонкая граница между морем и сушей.

Каждый вечер они гуляли по набережной, без спешки, наслаждаясь морским бризом. Заходили в небольшие кафе и ресторанчики, пробуя всё новые морские блюда. Иногда позволяли себе экзотические коктейли в кокосах или ананасах, отправляясь с ними на очередной променад под звёздами.

В один из таких тёплых, беззаботных вечеров, идя вдоль моря в жёлтых отсветах фонарей, Марк вдруг предложил:

— А может возьмём сборник Бродского, бутылочку виски и сядем на берег? — он мягко улыбнулся, глядя на песчаную линию, что виднелась за перилами. — Это было бы волшебю. Сидеть под звёздами, слушать прибой и читать стихи вслух...

— Я не большой фанат Бродского... — задумчиво ответил Герман. — Но если ты хочешь, давай попробуем.

Они развернулись, направляясь в сторону гостиницы, заглядывая в улочки в поисках открытого магазинчика.

Но спустя всего пару шагов Марк вдруг замер. Его лицо, ещё секунду назад озарённое лёгкой улыбкой, стало другим — настороженным, почти растерянным.

Именно там, в маленьком прибрежном ресторане, Марк встретил его — того самого жёлтого динозаврика.

Они уже проходили мимо этого ресторана днём, но тогда Марк не заметил ничего особенного. А теперь всё застыло. Он словно врезался в стеклянную стену. На вершине груды небрежно сваленных надувных игрушек он. Тот самый жёлтый динозаврик.

Марк замер. В груди разливалась яростная, пульсирующая волна, будто сердце узнало его раньше разума. Проколотые игрушки внизу, это бездушное обращение — всё это лишь усиливало боль и решимость. Он не мог уйти. Не мог снова предать. Ни репутация, ни деньги, ни даже отношения с Германом — ничто не имело значения. Только он. Только спасение. Марк точно знал, что уйдёт оттуда с динозавриком. Иначе не уйдёт вообще.

Динозаврик восседал на вершине груды надувных игрушек, будто король среди пляжных реликвий. Игрушки были сложены в некое подобие клетки из бамбука: круги,

животные, пляжные мячи — всё в беспорядке. Но динозаврик сидел на самом верху, гордо и одиноко. Его добродушная нарисованная мордочка будто улыбалась Марку. Манила. Звала.

Марк почувствовал, что динозаврик, будто зная о его приближении, выбрался из безликой груды игрушек, забрался на самую вершину и ждал. Звал. Может быть, это был знак. Или судьба. Провидение свыше. Но он не мог просто пройти мимо. Не мог отвернуться от надувного друга, который так преданно сопровождал его по жизни.

Он сразу вспомнил всё: своё детство, когда впервые встретил его. Антона. И того последнего динозаврика, с которым поступил так несправедливо и до сих пор не мог себя простить.

Герман остановился рядом, не понимая, на что смотрит Марк. Он дотронулся до его руки:

— Ты чего замер? Что-то потерял? — озадаченно спросил он, обернувшись назад.

— Ты тоже видишь его? Жёлтого динозаврика, там? — прошептал Марк, словно не веря глазам.

— Хм... да, — Герман наконец посмотрел в сторону клетки. — Но ты же понимаешь, это просто декор. Часть украшения ресторана. Они вряд ли...

— Я не могу уйти без него... — тихо перебил Марк.

— Ты шутишь? — удивился Герман, а затем уже серьезнее добавил: — Марк, ну правда. Это их вещь. Они точно не отдадут его.

Но Марк будто и не слышал. Он уже шёл к клетке.

Осторожно просунув руку между прутьев, он дотронулся до динозаврика. Мягкий, упругий винил был туго натянут, словно игрушку надули почти до предела. От прикосновения она дрогнула, чуть качнулась, будто отвечая, будто умоляя: «Спаси!»

У Марка перехватило дыхание. И, потеряв чувство реальности, он направился внутрь. Герман удивлённо посмотрел на него, но всё же медленно пошёл следом.

Подойдя к официанту, Марк тихо спросил:

— Здравствуйте... простите, это может показаться странным, но... у вас при входе жёлтый надувной динозаврик. Скажите, я мог бы его... приобрести?

Официант заметно удивился. Он даже растерялся, но быстро оправился и, оглядевшись, указал вглубь зала:

— Эм... он у нас как бы для декора... но, может, спросите администратора? Вон там, у барной стойки.

Марк уверенно направился вглубь ресторана. Герман, нахмурившись, одёрнул его за рукав:

— Видишь? Я же говорил, они не отдадут. Пойдём уже...

Но Марк не ответил. Он шагал дальше, словно его вела невидимая сила.

За тёмной шторкой оказалось небольшое подсобное помещение. Там молодой высокий администратор, снимая фартук, как раз собирался уходить домой.

— Простите за беспокойство, — тихо кашлянув, начал Марк. — Здравствуйте. Мне сказали, я могу у вас кое-что спросить.

— Здравствуйте. Да? — администратор обернулся. Он говорил вежливо и спокойно, с лёгкой усталостью в голосе.

— У вас у входа стоит жёлтый надувной динозаврик. Скажите, как я могу его приобрести?

— Кого простите? — удивился администратор.

— Надувную игрушку, — вмешался Герман, сухо и резко. — Она у вас при входе, в клетке.

— А... я не припоминаю такого, — растерянно сказал администратор, откладывая фартук. — Покажите, пожалуйста.

— Конечно, — кивнул Марк.

Они вышли на улицу. Марк сразу указал на динозаврика, его глаза сияли, он даже не пытался скрыть взволнованной радости:

— Вот он! Вот он! Этот динозаврик!

— А... динозаврик, — протянул администратор, взглядываясь. — Кажется, его принёс владелец. Не уверен, что он согласится его отдать.

— Но... — Марк замер на месте, а потом, словно всё внутри в нём сорвалось, сказал с искренней мольбой: — Вы понимаете... этот динозаврик очень важен для меня. Такой же был у меня в детстве. Я... я давно ищу его. Он мне дорог. По-настоящему.

Администратор замялся, почесал затылок.

— Я могу спросить, конечно... но поймите нас правильно. Мы игрушки не продаём. Это часть декора и иногда их дают в аренду для фото на террасе у моря. Может видели?

— Пожалуйста... — Марк заговорил тише, но от этого его голос стал только пронзительнее. — Я уже почти отчаялся. Я не могу просто уйти. Не в этот раз.

Герман стоял в стороне, скрестив руки, и смотрел строго, хмуро.

— Пошли, Марк, — сказал он с нажимом.

— Я не могу... — прошептал Марк, не глядя на него.

Администратор тяжело вздохнул. Он смотрел то на умоляющее лицо Марка, то на застывшую фигуру Германа, словно пытаясь взвесить, стоит ли всё это усилий.

— Хорошо. Попробуйте зайти завтра. Может, будет владелец.

— А... может, можно как-то с ним связаться? Позвонить? — нерешительно спросил Марк.

Администратор опять замаялся, на секунду прикрыл глаза, будто смиряясь с неизбежным.

— Ладно. Подождите здесь. Я попробую узнать, — сказал он недовольно и скрылся за дверью в глубине.

Марк подошёл к клетке. Взявшись за бамбуковые прутья, он, не отрываясь смотрел на динозаврика. Глаза заблестели — то ли от света фонарей, то ли от подступивших слёз. Воздушная игрушка улыбалась ему своей добродушной мордочкой, как будто действительно ждала и знала.

К нему подошёл Герман. Его голос прозвучал холодно:

— Что ты делаешь? — Он смотрел на Марка с раздражением. — Ты нас позоришь. Ты вообще понимаешь, что теперь в этот ресторан мы больше не сможем вернуться?

Марк не отводил взгляда от динозаврика. Он стоял, словно прирос к месту. Его голос был тихим, но твёрдым:

— Мне всё равно...

Он глядел на своего надувного друга с такой тоской, будто всё детство, вся боль, всё одиночество в этот момент всплыли наружу. Он снова был тем самым мальчиком, который не мог уйти без своей игрушки. Слёзы навернулись на глаза, но он даже не пытался их скрыть.

— Я просто не могу... не могу уйти без него.

Герман лишь раздражённо вздохнул.

— Ладно. Посмотрим, что скажет этот тип. — пробурчал он и отступил в сторону.

Администратор долго не возвращался. Время, казалось, застыло. Всё вокруг замедлилось как в густом желе. Марк продолжал стоять у клетки, вцепившись в прутья, будто от этого зависела его жизнь.

Наконец, в дверях появился силуэт. Администратор вернулся. Сердце Марка сжалось, дыхание сбилось. Он не мог вымолвить ни слова.

— Ну что, ребята... — начал администратор, устало потирая шею. — Скажу честно, владелец был не рад... но всё-таки решил уступить.

Марк затаил дыхание.

— Но, — продолжил администратор, — цена будет высокой. Это его любимая игрушка здесь.

Герман вздохнул и коротко спросил: «Сколько?». Получив ответ, он достал кошелёк и молча расплатился. Его лицо было напряжённым, но он не сказал ни слова.

Администратор кивнул:

— Забирайте.

Словно превратившись в доблестного рыцаря, спасающего возлюбленного из заточения, Марк внутри ликовал. Сердце трепетало. С дрожью в пальцах он осторожно потянулся к динозаврику, стараясь поднять его как можно бережнее.

Клетка, в которой он находился, не имела верхней крышки. Игрушки просто закидывали внутрь сверху. Рост Марка не позволял вытащить его аккуратно: как бы он ни старался, мягкий винил норовил задеть острые прутья.

Герман, увидев тщетные попытки, подошёл ближе.

— Давай его сюда, — спокойно сказал он и протянул руки.

— Только осторожно! Прошу тебя, очень осторожно! — всполошился Марк. — Посмотри, как они с ними обращаются... просто кидают, царапают, протыкают...

Внутри клетки действительно лежали сдутые и надутые игрушки вперемешку. Некоторые были проколоты, очевидно, напорвшись на острые сколы бамбука. Герман

аккуратно поднял динозаврика и, следя за каждым движением, медленно вынес его за край конструкции. Едва пронёс над опасными прутьями и сразу же отдал его Марку.

— Доволен? — спросил он.

— Да! — выдохнул Марк, прижимая игрушку к груди. — Я больше никогда его не отпущу!

Он стиснул динозаврика в объятиях, не в силах сдержать ни радости, ни волнения. Губы коснулись надутой мордочки. Он гладил его, словно извиняясь за то, что когда-то не смог защитить.

— Вот уж не подумал бы, что можно настолько сильно любить надувные игрушки, — с усмешкой заметил Герман. — Ладно. Давай я вас сфотографирую на память.

Марк кивнул и немного отошёл в сторону, прижимая игрушку к себе. Поднял подбородок, расправил плечи. Это был момент победы. Герман сделал снимок и показал.

На фото Марк с сияющей улыбкой обнимал своего яркого друга. Динозаврик словно действительно обрёл свободу, преданно «прижимался» к нему, а лицо Марка светилось такой искренней нежностью, будто мир наконец стал целым.

— Смотри, — сказал Герман. — Спаситель надувных игрушек с новым другом. Защитник прав надувашек! — он рассмеялся.

Марк не мог перестать улыбаться. Его глаза блестели. Он одной рукой обнял динозаврика, а второй — Германа.

— Спасибо тебе... правда.

— Пошли уже, — тепло сказал Герман, погладив его по спине. — Ты мой личный борец с жестоким обращением с надувашками.

Они медленно пошли в сторону отеля, растворяясь в мягком сумраке прибрежного города. Марк не выпускал динозаврика из рук. Он сиял от счастья, чувствуя, что обрел не просто игрушку из прошлого, а вернул себе что-то важное. Себя.

И теперь он знал: больше он никогда не предаст ни этого динозаврика, ни того ребёнка внутри, который когда-то так верил в тепло.

Глава 18

После отпуска всё постепенно вернулось к привычному ритму — работа, встречи, вечерние прогулки по городу. Но что-то в этом ритме изменилось. Мир уже не казался

Марку таким глухим и холодным. Он ловил себя на том, что возвращается домой не просто в пустую квартиру, а в место, где можно дышать.

Иногда его встречал Герман, то с пакетом продуктов в руках, то с легкой усмешкой и неизменным: «Ну что, как день прошёл?». Иногда он оставался у Марка ночевать, и тогда утро начиналось не с одиночного кофе на кухне, а с того, что на столе стояла вторая кружка.

Марк не спешил давать этому определение. Но сам факт, что чья-то зубная щётка стояла рядом с его, был новым опытом, тихим, но значимым.

Вечерами они по-прежнему играли, иногда легко и шутивно, иногда страстно, до изнеможения. И всё больше в этих играх Марк чувствовал не стыд, а тепло. Как будто постепенно стирался невидимый барьер: не «он и его странность», а «они и их общая радость».

И где-то между этими днями Марк впервые поймал себя на мысли: «Я живу. Я не просто терплю жизнь существуя, я её проживаю». И всё больше Марк понимал: за эти месяцы он прошёл путь, который ещё недавно казался невозможным. От отчаянных попыток «выбросить и забыть» до того, чтобы бережно держать в руках любимого динозаврика, спасённого в отпуске.

Он больше не чувствовал, что живёт в тени. Теперь у него был Герман, пусть со своими странностями и отстранённостью, но всё же рядом. И у него был он сам, новый Марк, который перестал отрекаться от своих чувств.

Последний летний поцелуй сменился пасмурными осенними днями. Лишь лето знало, как дорога была Марку та встреча с другом детства. Бережно храня в сердце тёплые воспоминания, Марк погрузился в серость рутинных будничных дней.

Хмурый осенний вечер. Небо затягивали свинцовые тучи, грозившие пролиться в час пик, окутав город дождевой пеленой. Рабочий день Марка подошёл к концу. Допивая остывший чай, он подошёл к панорамному окну офиса взглянуть на вечерний город.

Всё было привычно: вечернее движение, автомобили, застрявшие в пробке на эстакаде, в отчаянной попытке прорваться к своим целям. Пёстрые вывески мерцали россыпью, отражаясь в блестящих фасадах высоток.

Марк накинул серое пальто, взял портфель и направился к лифтам. Ожидание затягивалось, в холле постепенно собирались коллеги. Лёгкие разговоры, вежливые улыбки, всё как всегда.

На улице он поднял взгляд к небу, оценивая, успеет ли он добраться домой до дождя. попрощавшись с коллегами у выхода, привычно пересёк улицу и вошёл в до боли знакомый торговый центр.

Яркий свет, мраморный пол, рябь разноцветных вывесок и безликая толпа, спешащая к метро. Марк спокойно шёл через холл, направляясь в сторону тёмного коридора, ведущего к спуску. Мельком бросив взгляд в сторону витрин, он вдруг заметил: над головами людей вновь вздымались воздушные шары.

В боковом проходе, ведущем к торговым залам, как и год назад, стоял промоутер — на этот раз молодой парень в чёрных джинсах и ярко-жёлтой футболке. В руках у него были пёстрые листовки и охапка гелиевых шаров, рвущихся ввысь.

По губам Марка скользнула лёгкая улыбка. Сердце наполнилось неожиданной нежностью, и, не в силах устоять, он уверенно направился к своей любви. Решительно, почти торжественно, он пересёк шумный холл.

Парень отчаянно пытался раздать листовки, вежливо улыбаясь. Но в ответ получал лишь равнодушие. Кто-то проходил мимо, даже не глядя, кто-то принимал бумажку и сразу же сминал её, выбрасывая в ближайшую урну.

В попытке вручить листовку очередному прохожему парень не удержался и пошатнулся, едва не упав. Но никто не обратил внимания. Никто, кроме Марка. Он остановился и посмотрел на него с тёплым сочувствием.

Когда Марк подошёл, парень улыбнулся и протянул ему яркую листовку. Марк взял её и, искренне улыбнувшись, тихо спросил:

— А можно... — он взглянул на воздушные шары, — можно взять шарик?

— Конечно! — с радостью откликнулся промоутер и протянул один из тех, что держал в руке.

Марк взял синий шарик на серебристой ленточке и уже собрался идти к метро, но вдруг остановился и повернулся обратно:

— А можно ещё? — Его тёплый взгляд и сияющая улыбка ясно говорили: он безмерно рад даже такому простому подарку.

— Да забирай! — широко улыбнулся парень и протянул ему оставшиеся четыре ярких шара. — И не забудь заглянуть к нам в магазин!

— Конечно! — Марк слегка поднял листовку и весело потряс ею в воздухе. — Спасибо большое!

Он пошёл в сторону метро, гордо неся связку шаров. Пять ярких, красивых шариков на блестящих серебристых ленточках звенели, ударяясь друг о друга, словно восторженно шептали: «Ура! Нас выбрали! Время приключений!»

Спускаясь по эскалатору в метро и бережно придерживая шарики за ленточки, Марк не мог сдержать улыбку, прорывавшуюся сквозь сжатые губы. Он держал воздушные шарики крепко и уверенно, как нечто самое дорогое в мире. Он был по-настоящему рад, что позволил себе просто быть собой, не прячась, и взять эти заветные яркие пятна радости.

Пять разноцветных шаров покачивались в его руке, стремясь вырваться к серому осеннему небу. Марк шёл вниз и люди оборачивались. Но он больше не прятал их, не оправдывался, не чувствовал стыда. Сегодня он впервые шёл так открыто, с гордостью.

Войдя в переполненный вагон, он даже не задумался о том, как посмотрят на него другие. Что подумают, увидев взрослого мужчину в строгом костюме, искренне радующегося воздушным шарикам. Он лишь усмехнулся: хорошо бы довести их в час пик.

Разноцветные гелиевые шары тянули его руку вверх, будто подсказывая дорогу. И Марк впервые за долгое время почувствовал: он не падает, а поднимается. Пока только внутри. Но этого было достаточно.

Не нужно было притворяться. Он улыбнулся. И больше не чувствовал, что должен извиняться за то, кто он есть.

Эпилог

Прошло больше полугода с тех пор, как Марк решился написать письмо своему кумиру. Со временем он почти смирился, не надеясь на ответ. Но в один осенний день, проверяя почту, он увидел письмо от знакомого адресата — XBiker.

Сердце Марка замерло, пока он открывал его. Он читал и перечитывал каждую строчку, наполняясь тем самым светом — тёплым, живым, настоящим. Светом надежды и принятия.

Он сохранил письмо как самое дорогое. В самые тёмные моменты он возвращался к нему, чтобы напомнить себе, кто он есть. Чтобы снова поверить: нет никакого благородства в борьбе против себя и этот надуманный мир — не странность, а часть его самого. Неотъемлемая, живая, бесценная.

«Привет, Марк!

Прежде всего спасибо! Честно, каждый раз, когда кто-то пишет мне о том, что все эти годы следил за моими сумасшедшими приключениями с шариками и надутыми игрушками — это поражает меня до глубины души. Я ведь начинал всё это просто потому, что не мог не делать этого. Есть что-то в этом звуке, в напряжении, в нарастающем моменте и потом в этом хлопке, что каждый раз ощущается как хаос и контроль одновременно. И это до сих пор вызывает у меня мурашки, даже спустя столько лет.

Я знаю, как легко можно почувствовать, будто то, что мы любим, «странно» или «слишком неправильно». Поверь, я сам это проходил. Но знаешь что? Если это зажигает тебя, если делает живым, значит это важно. А если важно тебе, значит, стоит того, чтобы этим делиться, чтобы это делать. Никто не должен стыдиться той радости, которую несёт в себе. Особенно если она безобидная и творческая.

Ты сказал, что спустя годы снова нашёл мой сайт — такая преданность для меня бесценна. Пусть я не всегда успеваю выкладывать новые видео (жизнь умеет сбивать с ног), но я всё ещё здесь, всё ещё создаю, всё ещё надуваю и лопаю, всё ещё верю, что это маленькое сообщество стоит того, чтобы жить. И знать, что кто-то вроде тебя всё это время хранил меня в своём сердце — это топливо, правда. Это даёт силы продолжать.

Так что никогда не сомневайся в себе и в своих увлечениях. Миру нужны люди, которые смеют любить что-то всем сердцем даже если другие этого не понимают. Храни этот огонь, редкий и очень сильный.

Будь громким, будь ярким, будь собой!

И да, продолжай смотреть, я ещё не закончил.

- XViker»